

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 4 (ноябрь 2007)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Управления культуры и архивного дела области

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 4. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2007. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Борис ПАНОВ. <i>...И двинулся новый век. Повесть</i>	3
Николай НАСЕДКИН. <i>Завтра обязательно наступит. Повесть</i>	69
Владимир САШИН. <i>Рассказы</i>	110
Мария ЗНОБИЩЕВА. <i>Имена. Рассказ</i>	118

ПОЭЗИЯ

Иван АКУЛОВ.....	133
Марина СТРУКОВА.....	148
Симона ЛАНДАУ.....	157
Лариса АСТАХОВА.....	166

ДРАМАТУРГИЯ

Андрей КРУЖНОВ. <i>Принцесса-русалочка</i>	172
--	-----

ЮНОСТЬ

Юлия НОСОВА. <i>Стихи</i>	212
Елена ЗАХАРОВА. <i>Стихи</i>	219
Елена АНТОШКИНА. <i>Стихи</i>	224

ЮБИЛЕИ

Валентина ДОРОЖКИНА, Лариса ПОЛЯКОВА Два причала Вячеслава Богданова (К 70-летию поэта).....	229
---	-----

ВЗГЛЯД

Валерий АРШАНСКИЙ. <i>Над золотыми куполами</i>	239
Юрий РАССТЕГАЕВ. <i>Как я был суворовцем</i>	244

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	253
------------------------	-----

Борис ПАНОВ

...И ДВИНУЛСЯ НОВЫЙ ВЕК

Повесть

С той поры как девяносточетырехлетний Клим Иванович Овсянников овдовел, отнес на погост свою Ксению Петровну, милейшую женщину, к нему каждую субботу все три года беспрерывно наезжал из недалекого городка Андрей Федорович Мартынов, выраставший у стариков с двенадцати лет до ухода в армию. На сторонний взгляд, им, вдвоем, старику с Мартыновым, в последние года было бы удобнее жить вместе, либо в городке у Андрея Федоровича, иль в Дубках, где у Клина Ивановича была добрая квартира и вишневый небольшой садок. Тем более, между ними никогда никаких разладов не случалось. Но Клим Иванович не хотел никуда от могилы Ксении Петровны, а Андрея Федоровича к городу провязывала медицина. Он частенько прибалывал. А к врачам хорошим из села попадать не так-то просто.

В то чистейшее июльское утро, на восходе солнца, Андрей Федорович, единственный, сошел с электрички у поста Дубки. Среднего роста, сухопарый, он спускался из вагона сторожки, опасаясь оступиться.

Борис Панов родился в с. Елань-Колено Воронежской области 9 декабря 1923 г. Большую часть жизни живёт в Мичуринске. Работал редактором районных газет.

С 1971 г. — член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы, в том числе трилогии «Посреди степей», получившей широкую известность.

Облегченно выдохнул, когда мелко вздрагивающий носок правого ботинка, наконец, достиг земной тверди. Утвердившись на обеих ногах, он отер платком лицо с двумя резкими продольными морщинами на щеках, понадежнее взял в правую руку небольшую продуктовую сумку. И как раз в это время электричка тронулась дальше.

Проводив ее глазами, Андрей Федорович прошел стежкой между будкой путевого обходчика и почти вплотную подступавшей к ней придорожную березовой лесополосой, следом пересек параллельную «железке» темноватую от утренней влаги бетонку, и за ней перед ним в пологой низине развернулась с детства хорошо знакомая усадьба Дубков — серая просторная контора совхоза, мастерские, гаражи, два склада. Позади строений этих зеленела неширокая луговина. А за нею в обе стороны простирались сады, из которых там и тут проступали белые аккуратные дома. В середине их выделялся единственный старый двухэтажный дом с двенадцатью окнами и двумя дверями по фасаду, с водоразборной колонкой впереди.

Все тут было издавна знакомо Мартынову, и он, смотря по сторонам, вспоминал в эти минуты ехавшую в электричке с ним женщину лет под сорок. Как же походила она на тетю Ксюшу! В пору, когда он мальчишкой был. Ну тетя Ксюша в сорок с лишним лет! Даже родинка на подбородке точь-в-точь как была у той — небольшая, темная, с золотистой волосинкой.

Двери правого крыльца в утро, вроде нынешнего, должны были быть уже открытыми. Нет, на петлях висел никогда невиданный здесь раньше большой амбарный замок. И от этого замка у приехавшего екнуло под сердцем. А где ж Дед? В это время у колонки звякнула цепь. Обернувшись, Андрей Федорович увидал подошедшую к ней с ведром от соседнего двора пожилую, но все еще статную и видную Блинецову Анну. С давних пор за сходство с фотографией красивой артистки в глянцевом журнале нарекли ее в Дубках Открыткой. Не было такого лета, чтобы к ней не пробовал прибаваться тот или иной из сезонных работяг, ходовой по женской части. Ударяли и свои за ней. Да все без толку. Анна продолжала оставаться одинокой. Набирая воду, она успокоила Мартынова.

— Не пугайся, Андрей Федорович, — выговорила ровно. — Просто наш Иваныч приболел вчерась. Отчего-то трудно стал дышать. С полдня отвезли в Любезное, в нашу больничку. Вы пройди-

те в контору. Теперь скоро подойдет начальство. Звякнут медикам, те вам и обскажут, что там с Дедом.

Дедом Клима Ивановича за глаза в Дубках уже много-много лет звали все от мала до велика.

Андрей Федорович внял совету Анны. Возвращаясь к конторе, он в пути словно перелистывал прожитое здесь очень близким ему человеком. Клим Иванович в свое время послан был в Дубки уже много чего повидавшим в жизни да в Дубках проработал главным зоотехником целые полвека. Строгого, немногословного, досконально знающего свое дело, его чтил и уважал в хозяйстве стар и млад. И хоть обратился он с годами в немощного старца, в Дубках никому и в голову не приходило, что теперь он для хозяйства ничего не значит. Без него по-прежнему совхозный поселок просто-напросто не мыслился. Чтob не делалось на здешних фермах, делалось с его участием, по совету с ним.

Молодой директор хозяйства, вскоре подошедший к конторе, предложил Андрею Федоровичу для поездки к занедужившему старую легковушку. «Москвичек» спустя полчаса прокатил крайней улицей Глинок, железнодорожного узла в трех километрах от Дубков, выбрался за спокойную речонку на окраине станции и поехал дальше широченным лугом с неглубокой впадиной в середине. Истари в округе место то называлось Княжим Долom. До Любезного отсюда оставалось всего ничего.

В том году и в июне и в июле часто пекло солнце и стояла угнетающая духотища. В середине прошлой недели она прервалась с треском рвущими небо молниями и хлынувшим следом ливнем, вскоре перебившимся на мелкий дождь. Мокрая степь сутки вольно отдыхала под расчистившимся небосводом.

В пути Андрей Федорович постепенно успокоился за Деда. Почему-то пришло убеждение: на сей раз он справится с хворью. В Дубках говорили, что в Любезное прислан молодой, но опытный врач. К тому ж там все еще работал всей округе известный старый многоопытный фельдшер, высоко ценимый Климом Ивановичем. А вот как быть с Дедом дальше? Нет, надо все же как-то перетягивать его в город, к современной медицине. Только как же старику расставаться с «Дубками»? Он весь в них. Тут все кровное для него. Вспомнилось, это ж ведь благодаря ему сорок лет назад за околицей совхоза появились Овсянки — вместо двух развалюх-коровников возведен был городок животноводческий. Стройка та далась

Деду ох как нелегко. Ездил трижды в столицу и доказывал в верхах, как «Дубкам» необходим тот городок. И добился своего. Помогла непредвиденная встреча со старым приятелем, в свое время эскадронным в Конной Буденного, к тому времени только что ушедшим с поста начальника главка. Бывший комэска через старые связи выбил для Дубков «добро» главка на строительство большого молочного комплекса. Через пару лет, возведя его, совхоз начал широко поставлять в округу разную молочную продукцию. Дубковский народ нарек комплекс Овсянками. Дед при людях морщился от такого наречения, но в Дубках все знали: про себя старик еще как гордился им.

Скоро в отдалении обозначилось Любезное. Село занимало низкое взгорье.

В чисто подметенном больничном дворе возле каменной тсоюшнии стояли тарангас с линейкой. Возле них два дедка из ходячих больных обсуждали что-то и дымили самокрутками. От них Андрей Федорович и узнал, где ему искать привезенного вчера из Дубков.

— Дедом, что ль, интересуетесь? Климом Ивановичем? — спросил низкорослый дедок. — Как его не знать? Всем известный человек. На крыльцо и коридором ступайте к нему, в конец самый, в крайнюю палату.

В светлом длинном больничном проходе пахло свежевывытыми полами. В крайней палате стоял светлый полусумрак от сирени, закрывающей почти сплошь два открытых окна. Из трех коек две стояли с голыми старыми матрацами. На занятой, возле правого окна, скорбел на спине Клим Иванович — с обострившимся носом, с глубоко запавшими глазами. Руки его были выложены по бокам худого туловища. Боковым взглядом он узнал вошедшего и, давая знать о себе, чуть приподнял иссушенные, обессиленные пальцы левой кисти, кивнул слабо подошедшему в ответ на его кивок, не ответил, почему лежит полуголый, молча показал глазами, куда что поставить в прикроватную тумбочку и похлопал слабо следом по краю кровати, приглашая гостя присесть. Наконец, собравшись с силами, прерывающимся голосом справился, как нашел он его здесь. Сказал, что еду ему сюда привез он напрасно. Ничего ему есть не хочется. Только пить... Теперь ломтя б три арбуза.

Андрей Федорович все же покормил его сметаной, увлажненным полотенцем протер вялое стариковское тело. Больной вспоми-

нал при этом с перерывами, как вот так же в Гражданскую он лежал в воронежском госпитале. Только чего ж сравнивать нынешнее с той порой. Там он живо встал на ноги. А теперь... По-прежнему часто прерываясь, печально сказал, что и старику в дремучие его годы горько уходить из жизни. Тем более в тяжкое и смутное нынешнее время... В заблудившейся России... Как знать, куда повернет она теперь... Его б воля, он не дал бы кануть ей в смуту.

Помолчав, закончил другим:

— Ты мой гроб, Андрюш, поставь рядом с гробом тети Ксени... Чтоб и там мы с ней рядом...

Андрей Федорович, приобадривая старика, принялся ему внушать, что он рано про кладбище, проживет еще годков пяток. Лежавший на койке горько, скучно усмехнулся и сквозь хрипы в горле возразил: нет, ему лучше знать свой крайний срок. И какой резон тянуть дальше... Небо зря коптить...

Разговаривали они часа два. Перед расставаньем приложились друг к другу щеками и с минуту помолчали, мелко вздрагивая плечами. Щеки у обоих увлажнились.

В коридоре Андрей Федорович справился у санитарки, как ему пройти к врачу. Услыхал, что тот с утра отъехал в район. Зашел к фельдшеру. У того на старческой шее мелко вздрагивала крупная голова. Он сказал, что Дед с давних пор известен ему. Кто его в округе не знает? К сожалению, он на белом свете уже не жилец. Оказалось, фельдшер час назад от себя звонил в Дубки и прозрачно намекнул совхозным, чтоб они готовили Деду «домовину».

...Хоронили старика через трое суток. Всем совхозом. В большой комнате покойного поминальные столы заполнялись в четыре захода. Когда разошлись последние, приходившие попрощаться с покойным, Андрей Федорович еще в одиночку долго просидел в опустевшем жилье. Уже ночью добирался электричкой к себе. В пути многое из прошлого возникало перед ним. Поначалу Дед о себе ничего ему, мальчонке, не рассказывал. Много позже он от тети узнал, что старик привел его к ней, одинокого, бесприютного, с вокзала, где он ночевал в пассажирском зале под диваном, привел потому, что родителей его, отца с матерью, накануне органы арестовали, и еще потому, что он очень-очень походил на самого близкого, рано умершего друга Деда по приюту. От нее узнал и о том, что до революции городских приютских развозили на лето за малую плату на полное содержание и обучение по крестьянским се-

редняцким дворам. Эти месяца Клим возрастал в бездетной семье Суховых, у Ивана Северьяновича да у Марьи Ефимовны, добрых работающих людях. Они принимали его у себя как родного. Он под их приглядом с малолетства обучался крестьянствовать. В революцию, повзрослевшим, с дружками ушел в Конную Буденного. Позже куда только жизнь его не заносила. Но нигде и никогда он не забывал про Суховых, относился к ним как к родителям, навещал при первой возможности. И в тридцатом навестил. Приехал в Ольшанку и окаменел у их хаты. Окна были без рам. Крыша глубоко просела. Двор забурьянел. Узнал, что бездетных Суховых, никогда не заедавших чужого труда, раскулачили и выслали аж куда-то за Урал за то только, что они отказались наотрез вступать в колхоз. Вызнал, кто повинен в том, круто посчитался с ними и за это получил годичный срок. Когда отбывал его, ужены случился выкидыш, и она после на всю жизнь осталась бездетной...

В город электричка пришла за полночь. От вокзала к дому своему он бы мог пройти переулком и двумя дворами. Пошел улицей, в обход. Шагал и все виделось ему изможденное лицо покойного. Приходило ощущение, что он нынче вновь осиротел.

Под фонарным столбом на углу его пятиэтажки толковали о чем-то трое пьяных парней. Один резко дернул его за рукав и спросил косноязыко, сколько времени сейчас. Андрей Федорович резко вырвал руку и ответил, что часов не имеет. И мгновенно оказался сбитым с ног. Тот, который опрокинул его на асфальт, тут же полоснул лежавшего пинком под вздох. За ним следом заработали ногами два его дружка. Андрей Федорович сумел дважды мученически приоткрыть глаза и увидел над собой три навсегда запомнившихся лица, преисполненных звериной злобой. От обрушившихся на него ударов у него пресеклось дыханье, пропал слух.

Тройка бы могла забить его на смерть, да с улицы по стене пятиэтажного дома, по фонарному столбу просквозил косой яркий свет и вонзилась в ночь сирена. Парни нехотя и неторопко развернулись и шагнули друг за другом в темь.

Тормознул зеленый милицейский уазик.

* * *

Километрах в семнадцати от того городка, где жил Андрей Федорович Мартынов, слева от бетонки, прямиком уходящей на юг, из низинки впереди поднимался-вырастал лесок. Ближе к нему, с

поворота в сторону, налево, круто отходила грунтовка. Она шла до недалежного отсюда леса. А от нее направо начинался пологий травянистый склон в сторону близкой речки Тихони. Внизу на подошве склона, от уже невидимой за леском бетонки, тянулись три коротких улочки дачного поселка Лесной Угол — редкие деревянные и кирпичные дома-домишки вперемежку с приспособленными под жилье хлебовозками да старыми полевыми вагончиками. А грунтовка, как уж говорилось, уходила дальше, к сосняку. В глубине его стоял обнесенный высоким забором недавней постройки коттедж. С наступлением сумерек вокруг него на четырех высоких столбах вспыхивали электрические фонари.

В ту ночь туда с поворота устремился новенький джип. В нем сидел либо очень усталый, либо выпивший изрядно. Джип от поворота — чем дальше, тем заметнее — начал двигаться рывками, дергаясь. Наконец, правыми скатами он едва не съехал с дороги, мог уйти по склону вниз. Водитель, однако, справился с машиной и не дал ей завалиться.

В Лесном Углу рев машины мог бы разбудить кого угодно. Да в ту ночь, после нескольких дождливых дней, поселение у речки пустовало. Ночевал в нем один Андрей Федорович Мартынов. А ему как раз в это время снилось так вобравшее его в себя, что извне ничего не могло пробиться в сознание... Он в ту ночь увидел во сне себя только что проснувшимся мальцом. Его носа будто бы коснулось что-то теплое, щекочащее, словно его тронул солнечный лучик, угодивший через малое оконце в комнатушку, в его койку, на которой он спал.

Малыш сморщился, чихнул, повернулся на бок и опять-таки все еще во сне увидал как в дверях с половины хозяев избы встала молодая его мать. В ее руке была полная корзина помидоров, огурцов, морковки. Он, проснувшись теперь вроде бы как окончательно, сладко потянулся, поманил ее к себе, обнял крепко-крепко и трепетно задышал в ее маленькое и тугое ушко: «Мама-мамочка, как же я тебя люблю!» Распрямляясь, мать огладила нежно его спутавшиеся волосенки. Он же утонул целующим ртом в ее пахнувшей зеленью ладони. После звучно принялся хрустеть молодой морковкой, долго хрустел — пока с половины хозяев не открылась рывком дверь. В проеме ее, в дыму встал хозяин избы, у которого родители малыша лишь неделю назад сняли маленькую комнатушку. Он сквозь кашель сипло крикнул женщине, чтоб она с мальчонком тот-

час выбиралась наружу. В сенях занялась солома — огонь может перекинуться в избу.

Но пламя вскоре удалось залить.

В полдень хозяин двора и два его сына-крепыша ушли в ригу обмолачивать снопы. И Андрейка увязался за ними. Когда хозяйка двора, отдыхая, отошел куда-то, младший из его сынков, задиристый и насмешливый Юрок, поганенько усмехнувшись, показал глазами старшему брату на Андрейку и сказал, что он, Юрок, хоть и молодой еще, согласился б поиграть с квартиранткой в подкидного. В его словах Андрейку ожгло что-то грязно унижающее его мать и он со сжатыми кулаками, с набежавшими на глаза слезами запальчиво крикнул в конопатое лицо Юрка, что мама его с ним, дураком паршивым, ни в какие игры ни за что играть не станет. Крикнул и с мокрым лицом припустился со всех ног ко двору от риги...

Окончательно в то раннее утро старик пробудился от легкого, деликатного царапанья в наружную дверь, от негромкого поскуливания. Неторопко поднялся, вышел в крохотный коридор, открыл настежь дверь наружу и в нее, ослепив старика, тотчас прынуло еще низкое блестящее солнце. За порогом волчком закрутилась Стрелка, поселковая собачонка. Увлекая его за собой, она побежала с крыльца, тут же оглянулась, увидела, что хозяин жилья остался на месте, принялась опять зовуще поскуливать, боком вскидывая голову. Андрей Федорович на нее прищыкнул:

— Что, прикажешь голым, что ли, за тобой?

На ночь Мартынов — чтобы послабее крутило в икрах — влезал в старые-престарые штаны, надевал толстой вязки шерстяные носки. Переодеваясь в рабочие брюки, протискиваясь головою и плечами в штопанный и перештопанный синий свитер, он пытался 4 догадаться, куда зовет его собачонка. Решил-таки пойти за ней.

У порога Андрей Федорович сунул ноги в отлитые наподобие полуботинок галоши, вышел за ограду и пустынной ранней улочкой дачного поселения со множеством луж и лужиц на щебеночной местами дороге последовал за нетерпеливо убегающей вперед, зыкаяще оглядывающейся Стрелкой. Где-то что-то у нее стряслось. Тем не менее Мартынову поспешать за ней не захотелось. Он подумал: ничего особого у ней не стряслось. Иначе она лаяла б во всю ивановскую. К тому ж утро выдалось чудесным. Ну никак не хотелось торопиться. Он блаженно шурился от сверкающих прямо под

его галошами крохотных солнц. Даже незаметно для себя поубавил шаг. В переливающемся блеске луж и лужиц было нечто от его страшно как далекой детской поры... Где мальчонкой он шагал похожей дорогой? Подступал момент, когда это «где» почти поднималось на поверхность памяти, но в последнюю толику секунды снова ускользало, уходило в глубь ее... Ну и что? Не давалось, уходило — и ладно. Но ведь было, было когда-то. И теперь вот снова перед ним, как когда-то в детстве: солнце, лужи, свежесть, блеск. Чистейшие запахи влажного простора... Как же славно становилось на душе от этой картины! И он — чего с ним не случилось в последние годы — благодарно выговорил полупшепотом: «Как же хорошо-то в этом мире!»

Пройдя не так много от своей калитки, мимо нескольких домовомишек, полевых вагончиков, он увидел за оградой из зеленого редкого штакетника небольшого дома трех щенят. В двух шагах от тесовой веранды два смирных плотных комочка теснились друг к дружке на блестящей влажной траве и взирали на третий комочек с недоумением. Тот умудрился голову всунуть в горлышко стеклянной большой банки и теперь всячески старался избавиться от прозрачной тяжести. Щенчишко то потешно двигался задом, то на месте упирался в горло банки скользящими с нее лапами, то умученно замирал и отдыхал. Банка прочно сидела на нем. Щенок сквозь стекло косо с надеждой стал взирать на присевшего человека.

— Ну? Нашкодничал? Угораздило ж тебя...

Щенок, может, в сотый раз уперся в банку снова заскользившими с нее лапами. Надо было разбивать посудину. Андрей Федорович осторожно сделал это половинкой подвернувшегося под руку кирпича. Вызволненное из узилища настрадавшееся маленькое существо неподвижно, оглушенно просидело с минуту в оцепенении. Наконец, пробуяще поводило с боку на бок ставшей легкой головой, поняло, что отделалось от банки, очумело, ликующе заносилось по кругу на толстеньких ножках. За ним припустились, ожив сразу, оба братца. От ноги старика сорвалась их мать. Она в три прыжка нагнала спасенного от банки детеныша, лапой повалила наземь. Опрокинутый головастик засучил над белесым и тугим брюшком короткими лапами, приготовился, как видно, к игре с матерью. Стрелка ж озлобленно вздернула верхнюю губу, обнажила клыки и куснула проказника. Щенок обиженно взвизгнул.

Андрей Федорович неспеша поднялся в рост.

— Да, так ему и надо, — добродушно поощрил он Стрелку.

А она уже зализывала брюшко пострадавшего.

Старик вскоре возвратился к себе, вынес на крыльцо из дома табуретку, опустился на нее и подумал: хорошо, что старый его фронтовой товарищ, Окладнов Аркадий, ставший в городе всем известным врачом, за бесценок отдал ему в свое время свои сотки и жилье при них. Отдал, когда понял, что работать и в больнице и на здешних грядках он уже не в силах. Из-за нездоровья он и так, говорят, начал редко появляться в больнице. Надо навестить его как-то. Обязательно и непременно.

Решил так и опять незаметно ушел в изначалье своей жизни. Нынче у него словно бы Родительский день. Вдруг наплыло так свежо многое... Как вчерашнее высветилось: однажды отец на неделю привозил его к своим родителям. Те жили на окраине невеликого городка, в пятистенке у широкого Хопра. Бабушка кормила их ухой, рыбой жареной, грибами. Называла отца Федей. В одно утро, когда отец с дедом разговаривали во дворе у кузни, бабушка, наблюдая из окна за ними, скорбным полушепотом пожалела Федю своего. Сын мирошника, он учился в Москве, нашел там невесту. Хорошо все начиналось у него. А потом чуть не погубил себя. С женой вместе пристал к заговорщикам против царя. Пронесло с царем — после оба не поладили с новой властью и с тех пор все пошло у них на перекося. Того и гляди, заметут обоих на отсидку за прежнее.

Выговаривая это, бабушка горестно обирала губы щепотью, а он, внук ее, про себя гордился и отцом и матерью — оба были против царя!

От дедушки с бабушкой они уезжали ранним утром с длинным составом, на открытой тормозной площадке. Ох, какое же то было утро! Их в пути то и дело обдавало плотным, пресным, влажным паром от несущегося впереди паровоза. А стороною скользило чистое и низкое еще солнце, то ныряющее в клубы пара, то пропарывающее их и несущееся над полями с ровными рядами хлебных валков. Отец ласково прижимал его к себе за плечи, а он обнимал его за пояс, и обоим в то утро было очень хорошо. Паровоз мощно несся вперед, унося его, Андрейку, в только-только начинающуюся жизнь, и она, конечно же, в его представлении не могла не быть прекрасной и влекущей в светлые дали...

Сколько просидел он так на крыльце? С полдня только занялся

делами, поправлял до вечера искривившуюся местами ограду, покосившуюся дверь уборной. Наварил из сохранившихся запасов овсянку, поужинал, а остатки вынес в банке Стрелке, прибежавшей в сумерках подкормиться.

Заснул и всю ночь, чего не было уже давным-давно, проспал ровным сном, без сновидений. Как спал в молодости и весной...

Пробудился на ранней заре, вышел на крыльцо. Слева, вдалеке, по соседству с тонким контуром полустанка четко прорисовывались две фермы моста. По мосту просквозила электричка и оттуда, погода немного, просыпался дальний дробный перестук колес. С другой стороны, из-за дубняка с осинками, к перестуку тому примешались звуки пробудившейся автодороги. А левее, в небе над соснами, устремлялся ввысь стреловидный самолет. За ним оставалась белесая, постепенно утолщающаяся нить дымка.

В тот день старик принял за го́дья готовится в город. Он знал, к нему скоро, через три дня, на дом с пенсией придет почтальонка Вера. Как же можно было пропустить тот день?

* * *

Андрей Федорович давно спал, когда у железных ворот дачного коттеджа в соснах круто тормознул зеленый джип. Из машины вышел низкорослый плотный человек с темным, бугристым, как бы жеванным лицом. Припадая на правую ногу с вывороченной в сторону ступней, он прошел к воротам в заборе, открыл их, распахнул беззвучно обе половины.

Приехавший на машине не был пьяным, хотя выпил в городе изрядно. Во дворе, загнав джип в гараж и выйдя наружу, он увидел невысокого и щуплого паренька, сидящего на борту дворового бассейна, облицованного светлой плиткой. У самого дна бассейна неподвижно дремала крупная щука.

Вошедший во двор, видимо, не ожидал, что столкнется здесь с кем-то, и с неудовольствием справился:

— Лоза, ты чего высиживаешь тут? Не начал расписывать потолок у шефа? Начнешь завтра? Так и ночевать тебе здесь бы не к чему?. Утром бы из города на автобусе прикоптил. Или, блин, чего? Может, босс тебе велел засечь, когда я вернусь из города?

Лозовой кривовато усмехнулся.

— Ничего, Шибанок, он не велел... Давно спит без задних ног.

— Ну тогда порядок, — оживился Шибанок и, направляясь к

коттеджу, спросил. — Тебе комнатушку на ночь отвели? Вот иди туда и дрыхай. Разрешаю тебе переночевать, — и с внезапной похвальбой продолжил. — А я, Женька, блин, когда Тинку в город отвозил, еще раз вогнал ей между ног. Понял-нет? От меня ей было не отбиться. Я ей руки за спину так заправил — бесполезно было выворачиваться, блин. А Роману нашему она могла б и не даваться. Видал, как висок ему раскровянила? Если б я туда, на второй этаж, к Боссу вовремя не подскочил, как у них пошло бы дальше, сказать не берусь... Я вслед за Романом тоже дурака под шкуру ей заправил. Ты-то почему не стал, раз фарт выпадал? С какой стати на хозяина с кулаками принялся бросаться? Очумел? Крыша, что ль, поехала, блин? Так что, получается, он тебя за дело вниз по лестнице пустил. На порошках ты себе все бока, небось, отбил.

В тускло освещенном подъезде впереди идущий Шибанок вопросительно повернулся к Евгению и наткнулся на его жгуче-ненавидящий взгляд. Не успел спросить, почему он так глядит, как почувствовал на подбородке обжигающий плевок Лозы.

— Сволочь! Мразь ты, Шибанок! — содрогаясь всем телом, выпалил Евгений.

И тут же свернул в отведенную ему с утра небольшую комнатушку под лестничным поворотом. Шибанок разъяренно цапнул его за плечо.

— Не тронь, — упредил в полголоса Лоза. — Прошью сразу насквозь, — и показал из рукава что-то вроде длинного шила.

Шибанок отступил на шаг. У него мгновенно пересохло в горле. Лоза показался ему «тронутым».

— Ладно, — выговорил осевшим голосом. — Сейчас шорох поднимать не станем. Ты за все ответишь мне потом. Пошли по местам.

Вскоре в темном доме засветились два окна во двор. Шибанок на втором этаже, не раздеваясь, сходу плюхнулся на койку, но до этого закрыл дверь на крюк. Ему четко запомнились ненавидящий взгляд Лозы. С полчаса он никак не мог заснуть.

А Лоза до утра не закрыл ни на минуту глаз. Перед ним беспрерывно заменялось одно перевертывающее душу другим. В его школе и в городе ни одна живая душа не ведала, кто такая для него Алевтина Окладнова, внучка доктора Аркадия Осиповича. А она была для него целым миром. За нее он, не задумываясь, мог отдать жизнь. И когда он увидел ее с запрокинутой головой под мерзким Рома-

ном, в нем лишь чудом не лопнуло сердце. Ему стало ясно все. В Лесной Угол ее заманили обманным письмом от ее возлюбленного Павла, продолжавшего воевать в Чечне. Он вернется вскоре, и тогда Роману... Только он, Евгений, управиться с ним пораньше. Беспременно, обязательно! Повторяя это раз за разом, он отчаянно бился лбом в подушку, презирая себя за вчерашнее бессилие.

...За окном начинало светать. Земля вокруг продолжала жить обычной жизнью. Временами вновь накрапывал мелкий дождь. И вода в бассейне у коттеджа то вновь становилась рябоватой, то выглаживалась ровно-ровно. У дна его щука сонно изредка вздрагивала поджаберным плавником.

До восхода солнца Евгений Лозовой тайком выбрался за ограду коттеджа и направился в сторону города.

* * *

В тот довольно поздний утренний час на бетонке возле остановки «Лесной Угол» из автобуса сошел единственный пассажир, Владлен Мазнев. Накануне в ночь раза три-четыре принимался накрапывать дождь, и в такую погоду на дачные сотки больше никто не приехал.

Владлен по пути к своему жилью решил завернуть к старику Мартынову. От его калитки до крыльца он пошел травянистой влажной бровкой тропки, норovia оставаться незамеченным. Интересно было подсмотреть, чем же занимается старик на мокрых грядках? Они пустовали. Хозяина соток он увидел на крыльце, со спины, оседлавшим табурет, целиком ушедшим в какое-то дело. По позе его и по выступавшему над его плечом уголку цветного картона он легко определил, чем тот увлечен. Он уже однажды заставал его за таким занятием. Старик что-то рисовал. У крыльца, избавившись от недавнего мрачного настроения, Владлен полным голосом, подтрунивая, поздоровался:

— Здравия желаю, Шишкин! Левитанствуем? Творим?

Андрей Федорович резковато дернулся от неожиданности, хмуро повернулся к пришедшему. Тот продолжил:

— Отчего так хмуро на меня взглянул? Иль за «Шишкина» обиделся?

— От прострела в поясницу, — отозвался нехотя старик.

— Ты где пропадал в последнее время:

— Да пришлось снова проваляться полную неделю в больнице.

После оформлялся на пособие по безработице.

— Так. А что милиция? Не нашла отделавших тебя?

— Чего захотел? — хмыкнул Мазнев. — Кто бы стал их искать? Подумаешь, сторожу ночному возле перевалочного склада «нового русского» тройка лихих ребра посчитала? В наши времена — ну кому какое до этого дело?

Старик встал, отодвинул табурет ногой, взял картон с подставки, движением головы показал Владлену на дверь в дом.

— Заходи. Согрею чай.

Мазнев отказался. Андрей Федорович отнес картон в домик и спросил, вернувшись:

— Какие теперь у тебя планы?

Тот протяжно, скучно выдохнул:

— Буду жить... В городе мне как литейщику ничего само собой не светит. Было пять литейных — осталась одна. И какой сейчас литейщик из меня? Оклемаюсь — что-нито отыщется. А пока к пособию по безработице стану добавлять от продажи кой-чего из нажитого с женушкой покойной... Жалко ты не знал ее. Лебедь буду, золотая была женщина Зарабатывали мы с ней неплохо. Отпуска беспрерывно брали в один срок. И куда с ней только не пускались на родимом «москвичке». Ты вот много чего повидал за войну и прочее. Скажем, на Кавказе, в Крыму был?

— Не пришлось.

— А мы, кроме этих мест, всю Прибалтику исколесили. Повидали Суздаль, Гусь — Хрустальный, Юрьев Польский, Вязники. Вот где старая, коренная Русь! В Кремле побывали. Сколько разных мыслей в голову там лезет! Хотя б возле Царь-Колокола. Надо ж было отлить в старину такую громаду! А что толку? Поднимали — край скололи. Да и бросили затею с ним. Это как, по-твоему? Отчего и почему случилось так?

Андрей Федорович приподнял и опустил плечо:

— Не спец. Я тебе не объясню.

— А я их, мастеров тогдашних, нутром, лебедь буду, понял. Убедились сердцем, что им колокол-громада по плечу, услышали душой, на какой он звон способен, и на этом до поры до времени — ша. Дальше уж понятно — все пойдет как надо. К тому времени, глядишь, новая задумка в чью-нибудь башку встроилась... Мы ж отроду такие. Что б достойное не задумали, недоделав, посередки можем запросто бросить, ухватиться за другое... Вот ты как, допу-

стим, нынешний момент определяешь?

— Как и многие...

— Не желаешь воду в ступе толочь? «Как и многие»... Да, сейчас многие и многие в тайне-то за коммунист. Потому как для простого человека хуже нынешнего дальше некуда... И я их, нынешних перестройщиков, беспощадно бы судил. Строже тех, кто до них ГУЛАГ устраивал. Ну как можно так? Обвалить все разом? Цыкнул на них горлодер трехпалый — они тут же лапки кверху, перевертышу к ногам всю Россию положили. А самые ушлые из них исхитрились в это время даже много чего цапнуть для себя и скорей в бега, в капстраны... Да, немало чего было в прошлом неумного. Но зачем понадобилось давать в трату самое — самое, чего первыми мы потом-кровью на земле по-человечьи достигали? Он, социализм, сейчас и там и тут. Да, пускай в чем-то не такой, как надо. Но... Мы одни в Европе провалились, ухнули аж на век назад. В чистую грабильку, в нищету людскую, в беспредел. Где рабочий человек, козырной вообще-то на земле, ничего собой не значит. Хоть словцо б сейчас о нем по телику. Нет, про одних про бизнесменов.

Андрей Федорович поднялся с табуретки.

— Да, в чем-то ты прав... Хотя путаник великий.

В это время у крыльца вновь возникла впалобочая Стрелка. Старик вынес ей в небольшой кастрюльке остатки вчерашнего варева, вылил в банку у крыльца. Стрелка жадно залакала, управилась быстренько, подняла опять просящий взгляд.

Сойдя на земь с крыльца, Мазнев подбородком показал на собачонку.

— Маловато ей.

Андрей Федорович согласился:

— Мало. Только я ничего не варил еще сегодня. К вечеру накормлю.

Владлен ласкающе прикоснулся пальцами ко лбу Стрелки. Она тотчас увернулась от него, зашла за ноги старика.

— И всегда так вот, — с обидой выдохнул Мазнев. — К тебе льнет. От меня в сторонку сразу. А я всяческих дворняжек, лебедь буду, уважаю. Для меня они лучше кой-каких двуногих поганцев, вроде моего недавнего хозяина. Тот хоть раз бы завернул в больницу да занес чего-нито жевнуть пострадавшему на службе у него. Я считаю, Федорыч, поскупился Всевышний на нашего брата. Уж задумал сотворить человека, наделил бы его сразу полной мерой от

своих от Божеских щедрот — чтобы не было в нашем брате ни вранья, ни лени, ни жадности, ни предательства, ни вражды к себе подобным.

Андрей Федорович собрал в углу губ скучную усмешку:

— Да. Значит, чтобы мы с тобою сразу на готовое на все. Чтобы сами для своей души палец бы о палец не ударили.

Валентин задержал на нем продолжительный задумчивый взгляд.

— Эт хотя...

Глубоко вздохнул и стал собираться к себе, но опять разговорился. Вспомнил, в больнице случай свел его с хилым, но высокочумным мужчиной, очень даже начитанным. В небольшой палате койки их стояли рядком, и его сосед длинными ночами о таком ему рассказывал, о чем многие и многие ничегошеньки не знают. Вот, к примеру, миллиарды лет прошли с тех пор, как на Земном шарике сушь сплошная разошлась, раскололась на отдельные материки и частично канула под воду. Вон что делалось! Все, что было до того, сгнуло, пропало. Но опять зародился человек со временем и ему передались каким-то чудом многие знания, открытия до него добытые древними людьми.

— Или он их сам заново открыл, добыл, — вставил старик.

— Пусть и так — согласился Владлен. — Главное-то в чем? Получается, Вселенная, она вечно создается и в какой-то части разрушается. А раз так, в ней из главного должно многое повторяться да наращиваться. Так я головой своей кумекаю. Потому человечество хоть пока временами миллионами гибнет в войнах, изводится в нищете да в душевной слепоте, род его при всем при том все же продвигается-таки вперед. Лебедь буду, продвигается!

Разошлись они уже в сумерках.

В ту ночь Андрей Федорович лишь однажды пробудился, вышел на крыльцо. Небо к тому часу вызвездилось там и тут до окоема. Ему сам собою вспомнился нынешний, недавний разговор с Владленом. И впервые скопища звезд оглядел он не как нечто мертвое, никому не нужное, а как глубоко таинственное и живое. И на сердце — странное дело — отчего-то сделалось теплей.

* * *

Через сутки, ближе к полдню, Андрей Федорович изготовился в путь. Решил: пока нет дождя, чего же тянуть. Полет снова, доберись-ка тогда в город — весь измокнешь, дожидаясь автобуса.

Погода в тот день выдалась добрейшая. На пороге его обдало свежим воздухом. За калиткою по сторонам чисто, ясно открылись и лесные и заречные дали. С утра временами гложившему сердцу стало много легче, чем в его полусумрачном в дожди жилье, и к нему пришла твердая уверенность: он без всяких остановок, передышек дойдет улицей и лесом до автобусной площадки-остановки.

За последнее время луж и лужиц на дороге почти не убавилось. И они сияли и блестели, как давным-давно, как в далеком детстве.

...После февраля 1938-го, когда и отца и мать его забрали, а его приняли к себе Дед и тетя Ксения, их, «сыновей врагов народа», в 7 «б» стало пятеро.

В тот же год сослали в Сибирь родителей Леночки Голубцевой. С ней осталась одна древняя бабуся. Начались летние каникулы, и Леночка принялась усердно помогать ей в портняжестве. Заработков на еду им доставало. Ребяшня же подшибала деньжата главным образом артельным трудом. Весной, после школы, они дружно направлялись в тарный цех спиртзавода сколачивать ящики под бутылки или подражались развозить по имеющим коров барду в бочках на тяжелых тачках. Тетя Тося не хотела, чтоб Андрей вот так же подрабатывал. Не было такой нужды. Дядя с ней не согласился, буркнул твердо: «Пусть как все». Лишь один Святоха уходил, по его насмешливому выражению, от низкого, грубого труда. Ему кто-то продал мешковину. Он ее усердно загрунтовывал и как только заявлялся с уроков домой, запуская ремни с книжками-тетрадками в угол комнатки, влезал в старые дырявые, испещренные мазками разных красок штаны и садился за свой «мольберт», раму с загрунтованной мешковиной. Писал Владька только маслом и всегда одно и то же — ядовито синее озеро, волоокою дебелую красавицу под ветлой на берегу и взирающих на нее с воды трех белейших лебедей. Лебедей изображал божественно. Они получались у него как живые. Того и гляди, развернутся, поплывут. Над всем прочим в своей «живописи» Владька всячески издевался, и в первую голову над грудастой и тупой с виду девою-красой. Иногда, случалось, доверял Андрею дорисовывать и подрисовывать кое-что по малости. Иногда они изначально рисовали в четыре руки и тогда выдавали за неделю по три коврика. На толкучке городской их «полотна» брали нарасхват, вешали в домах вместо ковриков над койками.

В то воскресное утро после легкого ночного дождичка друзья, быстренько расторговавшись, довольными возвращались к Владь-

киной матери. С их выручкой Надежда Петровна уже могла сходить за продуктами, купить для себя лекарства и собрать для мужа, пребывающего в одном из далеких лагерей, небольшую посылку.

Как же было распрекрасно на душе в то утро у них! Коврики удачно проданы. Небо — беспредельная лазурь. Через час они развалятся на речном песке и до вечера станут жариться на солнце. Предстоял не день — блаженство. Да они уже блаженствовали! Сколько лужиц на дороге перед ними, ослепительно искрясь, солнечно улыбаясь, делали воскресный день вдвойне праздничным, воскресным. Им тогда представлялось иногда, что они идут не улицей, а в чудесном многокрасочном калейдоскопе, прямо серединой его...

...Идя к автобусной остановке среди дубков и осинок, Андрей Федорович их не замечал. После ковриков вспоминались дни у дедушки с бабушкой, на Хопре. После — как неслись они из гостей на поезде желтыми полями...

Свой автобус на бетонке ему пришлось поджидать дольше обычного. К тому ж появился он не в пути к недалекому городу, а идущим в села, в обратную сторону. Хорошо знакомый старику сухокулый и не очень разговорчивый шофер на другой стороне бетонки открыл дверцу и спросил, куда он собрался и предложил быстренько забираться к нему — в езде время поскорей пройдет. Старик прошел на ту сторону дороги и поднялся в автобус. В нем ехало всего-навсего четыре пассажира: два дедка да две старухи. Они мельком оглядели его, шатко прошагавшего в конец тронувшегося автобуса, не сказав при этом ни слова.

Вскоре под тугими скатами машины пробубнил длинный деревянный мост через речку. Справа потянулось сплошь заросшее свекловичное поле, слева — подступающая прямо к асфальту перекрученная и полегшая пшеница. За ней распахнулись до горизонта погребально поникшие грязно-рыжие корзинки подсолнечника.

На второй скамье слева от дверей в автобус, возле стенки, занимаемая совсем мало места, устроилась рядом с толстой соседкой сухонькая старушенция. Глядя скорбно в окно, ни к кому не обращаясь, она горестно причмокнула.

— Чего деется-то. И-хо-хо. Урожай обломный. Да, видать, сопреет на корню. Будем в зиму голодом сидеть.

Маленькую пассажирку эту на треть заслонял от Мартынова впереди него сидящий дед, тоже мелкорослый, тонкошей. Погода

немного, он сказал старухе.

— Ты за эту зиму не горюй. Всем достанет, что жевать. Много поприхватывал и еще прихватывает наш народец с полей. И зачатки кроме есть у многих. А вот что касаемо будущего года — тут вопрос. Месяц без горючки в селах просидели. В самую пору, когда сеять надо было озимку да зябку метать... Утрясали разные проблемы оплаты. Обьегорить все ловчились друг дружку.

— Во-во, — согласилась сухонькая с ним. — Больно много чересчур кредитных развелось На которых нету окорота. Они только и знают, чего б не случилось, на застой предбывший спихивать. Вроде он один виноват во всем. А при нем-то, при застое, я скажу, получше было.

— Не носи чего не нужно, — возразил ей дед.

Старуха, однако, не подумала сдавать позиций.

— Так неуж хужей? Жиру, сахару, муки в сельпе всегда всем хватало. А сельчанину чего кроме надо-ть? И порядок был кругом. А то что твориться стало? Сколько наций в стране и все друг на дружку с шерстью дыбом на загривке. Дело это?.. Настоящего хозяина у народа не стало.

— Заскучала, значит, по хозяину?

— Не одна я — многие.

— Погоди. Дождешься. По своей по дурости займеем, может, снова еще одного Иосифа.

— Ты покойника не трожь, — вступил веско в разговор строгий дед с шапкой на бровях.

Тонкошей вызывающе развернулся к нему.

— Почему «не трожь»?

— А не трожь, и весь тут сказ.

Старик, что сидел впереди Андрея Федоровича, даже закрутился на своем сиденье.

— Ишь какой ты командер. В свое время насобачился глотку всякому затыкать. Теперь, гля-ка, ждешь и не дождешься, когда времечко твое вернется. Ну жди, жди.

Разговор дедов перебила крупная старуха с ивовой плетенкой на коленях.

— Кто чего дождетя, никому не ведомо. Чего дальше с нами станется, ни один не знает...

— А чего бы ты хотела знать?

— Мало ль... У нас в голодовку, в тридцатом — помнят еще

некоторые — целыми дворами люди помирали. А сколь сгнуло в заключениях по бумажкам, что писали друг на дружку? Ни за что и ни про что пропадали... Да в войну полегло побольше сотни.

— И к чему ты теперь обо всех, о них?

— Все к тому. Каждый был со своей судьбой, жить стремился как лучше... Хоть один теперь оттуда б навернулся, пускай на чашок бы на единый.

Старая мелкорослая соседка ее пораженно вздернула брови:

— Ой чего ты вякнула! От дуреха!. И чего б стал он делать среди живых? Еще раз Богу душу отдавать? Еще раз казнить?

Полная соседка ее улыбнулась одними глазами.

— Ничего. Перетерпел бы. Тем более не впервой. Зато обсказал бы нам, как там, на том свете. Лучше? Хужей нашего?

— Лучше, — твердо выговорил старик с тонкой шеей.

Женщина с корзинкой повела на него продолжающим таить усмешку глазом.

— Ты откуда про то вызнал, мудрец?

— Иль сама, что ли, не способна рассудить? Было б там поганей, они б все давно к нам гуртом оттудова.

— Тут ты, должно, прав.... Мудрец.

Все четверо вышли на последней остановке, в Табунцах, в небольшом селении, на подъезде к нему. Пассажиров на обратный рейс не оказалось. Шофер поманил Мартынова пересесть к нему поближе. Ему, видно, надоело ехать всю дорогу молчком. Начал он с того, что сейчас кое-кто живет — тьфу-тьфу-тьфу! — при добром достатке. И скота в дворах хватает. И с кормами нужды нету. Бери вольно с поля. Если хват ты. Но таких, в тех же Табунцах, не больно-то много. Половина сельских от годов уж отошла. Молодые в город подались. Остальные кое-как перебиваются. Не на чем работать. Техника подбилась. Новую не обещают. В городах, в округе, бомжей, беженцев да безработных будто кто высыпает из мешка. Худо этому народу. А на телевизор глянешь, физии у депутатов с пьяни не обделаешь. Как не совестно таким толкать речи? Дельцы разные, ворюги для себя дворцы возводят. На честные заработки никогда такие не поставишь... Как бы не поперли на них вскорости те, которые начисто всего лишились. Вот чего боишься.

Шофер так бы долго говорил, наверно. Да забарахлил движок. Больше часа провозился он с ним. А за делом не до разговоров.

Андрей Федорович в это время целиком ушел в свои думы. О

чем рассуждал? О России, о ее судьбе. Две великие кровавые войны отстрадала. С головою ухнула в гражданскую. До какого ж тут социализма? Нищета. А из ней, поди-ка, выкрутись. На все деньги нужны. Где их брать? Сколько зерна — чуть не подчистую — гнали за бугор. Надо было техникой обзаводиться. Потому — даже в урожайные годы — села там и тут страдали от голода. Рук рабочих не хватало. Крупные стройки в основном возводили лагерники. За баланду да за пайку хлеба. Но поставили промышленность. В войну немца одолели. А своих воров, проходимцев, казнокрадов мочи не хватило одолеть. Миллиарды уходили на сторону. Н-да-а...

...Андрей Федорович даже не заметил, как автобус, въехав в город, миновал автовокзал. Шофер довез его до панельного крупного дома, где была квартира старика. Получается, знал, где тот проживает.

— Теперь, батя, отдыхай, — сказал, открывая ему дверцу. — Если снова не заладят дожди, грядкам твоим все равно суток трое подсыхать, не меньше.

* * *

Прежде чем пройти в свой двор и подняться на четвертый свой этаж, Андрей Федорович завернул в соседний угловой продмаг, купил хлеб, суп в пакете и сто граммов колбасы. Выйдя на улицу, поневоле засмотрелся на поставленный за короткий срок новый, хорошо отделанный магазин «Все для автолюбителя». Построил его племянш давнего знакомого Мартынова Роман Сивцов. Помимо того, в свои тридцать с небольшим, он владел еще несколькими автозаправками. Но и этого мало — в городке ходили слухи: Роман, прозванный горожанами Боссом, широко ведет скупку-сбыт наркотиков.

Мартынов на ходу отметил — несмотря на сумеречный час магазин Романа стоял с темными окнами и с неосвещенной витриной.

Стоило Андрею Федоровичу войти в свой подъезд, как у нового магазина резко тормознул зеленый джип. В окно с лестничной клетки Андрей Федорович увидел, как из-за руля машины быстро вышел Роман. Кроме него, никого в машине не было. Ехал он, скорей всего, по каким-то спешным делам, но вот вдруг у магазина резко, круто тормознул. Насторожили его, как видно, темные окна.

...Старик оглядел с порога коридор свой и то, что увиделось на кухне. Все было на месте, и он облегченно вздохнул. Знал ведь: с

весны прыткие воришки стали «баловаться» в тех квартирах, на дверях которых по неделям, сутками висели замки. Нет, у него пребывало все в порядке.

...В это время, захватив фонарик в бардачке, Роман, торопливо открыл двери магазина, прошагал в торговый зал. В нем не было ни души, и тогда у вошедшего изнутри холодком опахнуло грудь.

— Шибанок? — обратился он чуть просевшим голосом к темноте пустого помещения.

Никто ему не ответил. Роман торопливо прошагал за прилавок, к кассе. Выручка, по его прикидке, была вся на месте. Крупные купюры уложены в отдельную стопку. Холодок от груди хозяина магазина чуть отхлынул. Приободрившись, он спросил повторно:

— Васька, почему свет выключен? Почему только одна лампочка в подсобке светится?

И только тут в плотной тишине еле послышался слабый, прерывающийся вздох, от которого Роман вздрогнул с головы до пят. Развернув луч фонаря влево от себя, он увидел лежавшего у стены напротив Шибанка — руки, ноги вразброс, закрытые веки.

Шибанок заговорил не вдруг, едва слышно. И хватило его лишь на несколько слов. Он сегодня подменяет продавца. Женька, утром убежавший из коттеджа, зашел час назад к нему. Ну и к Шибанку пришло нестерпимое желание наподдать ему как следует за его уход из коттеджа. Он отделал его тут же как Бог черепаху. А когда почему-то выключился свет — лишь в подсобке остался, — когда он повернулся к сбитому на пол спиной, тот из последних сил поднялся на ноги и какой-то тяжелой железью ахнул ему в темя. Да так, что он потерял сознание, встать сейчас не может.

Лозы возле него не было. Роман, торопливо обходя магазин, заглянул в подсобку и окаменел в дверях: здесь на полу лежал тонконогий Лоза. Свет от фонаря застыл в его широко раскрытых, потускневших, мертвых глазах...

Тем временем, Андрей Федорович, отдохнув немного в комнате на стуле, устало поднялся, выложил на кухне на стол купленное в магазине и газеты, извлеченные по пути из почтового ящика, и по ним догадался-понял — почтальонка со дня на день ждет его приезда с дачи. Иначе она б оставляла почту в ящике его соседки.

В единственной своей комнате старик прошел за стол, опустился в жесткое кресло и остановился безразличным взглядом на стеклянном крупном квадрате настольных часов. Он давно вставил в

них индийскую батарейку, и они с тех пор шли и шли, мерно отсекая в тишине секунды. Приподнял бесцельно телефонную трубку. Она испустила тонкий, вибрирующий, уходящий в бесконечность звук.

Неожиданно в плинтусах у бетонной стены пискнула мышь. Справа — или слева? — заиграл проигрыватель у кого-то. Над потолком — у живущих выше — забурлило и заклокотало в туалете. С улицы все реже и реже доносились приглушаемые расстоянием шумы машин. Эти шорохи и звуки окончательно погасили дотлевающие в настроении старика искорки светлого и теплого нынешнего солнечного утра в Лесном Углу и напомнили пережитое в этих стенах не такое уж давнее — долгие муки хворей. Вспомнилось: именно тогда, именно в ту пору стало приходиться ему в голову впервые, а зачем ему таким оставаться в жизни, на земле? Все то малое, что он сделал за прожитое, отошло и кануло в небытие. Больше ничего сколько-нибудь стоящего он уже не совершит. В таком случае не пора ли закрывать счета?.. Нет, несмотря ни на что — если честно — ему все-таки хотелось жить.

Как и в дачном домике, Андрей Федорович пробудился в городской квартире в два 13 ночи. Понял, что уж отоспался и с закрытыми глазами заложил ладони за затылок. В полутьме и в полнейшей тишине ему вскоре почудилось что-то вроде легчайшего вздоха. Он скопился в угол напротив, и ему призрачно увиделся в слабом, мутноватом свете взирающий на него Святоха. Он сидел верхом на стуле в белесой выгоревшей гимнастерке с тусменным кружком медали над кармашком...

И пошло-поплыло будто наяву перед глазами: Дальний Восток, Платоновка, неоглядная Ханка. У одной из теплушек эшелона с Запада он узнал натолкнувшегося на него Святоху. «Владька! — пораженно выдохнул. — Да ведь это ж ты! Иль не ты!?» Они тискали друг друга до хруста в суставах. А потом началась сладчайшая и горчайшая вольнка, рвущая на части души обоих. У того и у другого сами собой появились слезы на ресницах. Владька первым их смахнул. «Ладно. Все, Ан-дрюш. — сказал он. — Б-б-бро-сим сырость раз-водить. Ты — ж-ж-живой. Я тоже. Чего еще на-а-до? А что я за-и-кой стал — п-п-плюнь. Все равно наговоримся н-н-нынче вдоволь!» Оказалось, на Западе они воевали рядом. Там до Владьки дошло разъединное письмо от Лены. Там узнал: Ивана Безуглого тяжело ранило в бедро. Сам же он угодил однажды в штрафбат... В

углу, у окна, Владька повторил слово в слово, что рассказывал у Ханки. В штрафбат он попал вообще-то ни за что. В замусоленной тетрадке делал разные зарисовки фронтовые. «Политрук г-г-говнистый п-п-попался. Порвал. Д-донес. Ж-жалко за-зарисовки пропали. Лучше н-ногу у меня б оторвало»... Когда расставались, он еще сказал: «Я во что уверовал на д-д-нях, Андрюш. Теперь, даже если и убьют меня, все равно я буду жить. У-уж не з-з-знаю как, но б-б-буду. Обязательно! Непременно буду жить!»

На четвертые сутки при прорыве японской обороны Владьку в ключья разнесло на mine...

Только на рассвете краткий сон погасил у старика саднящую боль по давно погибшему другу юности.

* * *

Андрей Федорович к приходу Веры, как обычно, принялся готовить загодя. К десяти вскипятил воду в чайнике, заварил покрепче индийского, сахарницу выставил на стол и ушел из кухни прибирать постель. Только управился — трижды, с короткими интервалами прозвенел звонок в дверях. Вера перешла порог с большой сумкой, передвинутый на живот, и вздохнула с облегчением.

— Поднималась, думала: неужели зря, неужели завтра снова мне на эту верхотуру? Ну спасибо, что приехали день в день.

На кухне она опустила сумку на пол, присела за стол, выложила пухловатую потрепанную пачку ведомостей, отсчитала ему пенсию. Он тем временем налил ей чай, положил полученное на сервант, две бумажки из них пододвинул к ее локтю по столу. Вера, опустив на блюдце чашку, зарумянившись, протестующе отодвинула их от себя.

— Не пойдет так, Андрей Федорович. Вы меня прямо как на иждивение берете. Да еще прибавки стали делать.

— Пойдет, — выговорил спокойно старик. — Я без этих двух бумажек обойдусь. Дочке на лекарства это.

Она задержала на нем немигающий взгляд, Попыталась сделать его твердым, протестующим. Вышел он жалковатым.

— Неужели вы не понимаете? — спросила она. — Мне же стыдно, когда так вот. Ни за что и ни про что от вас.

Он поморщился терпеливо.

— Не неси, прошу тебя, чепухи. Да не ты, я — перед тобой в долгу. И ты знаешь это... И потом мы ж с тобой почти родня.

Вера глубоко вздохнула, мелко и несчастно поводила головой, отодвинула недопитую чашку чая, встала с табуретки и вполголоса сказала:

— Хорошо... Спасибо вам.

В прошлую зиму она несколько раз выручала старика, покупала для него еду в продмаге. Но по-настоящему их сблизило иное. Както в разговоре Вера вспомнила деда своего, Ивана Безуглова, проживавшего в Глинках до войны, школьного товарища Андрея Федоровича. Он скончался вскоре после фронта. Она была единственной его внучкой. С того дня Мартынов и стал относиться к ней как к родственнице, сделался для Веры своим, близким человеком. Замкнутая, молчаливая с другими, перед ним она открывалась во всем. Судьба ее не щадила. У нее подрастала дочь-калека, перенесшая полиомелит. Куда б и к кому мать ни обращалась, ей везде мало чего обещали. Ходить девочка будет, но нормальной походки никогда не обретет. А тут Веру начал подсекать и муженек. От беды с ребенком он сник. Начал попивать. А когда закрыли «ящик», на котором он работал, вообще, как говаривала Вера, «выбился из руся». Надоумленный кем-то, пустился в «коммерцию». Дважды в месяц уезжал в Москву, закупал там то, что требовалось для венков. Делал их в подсобке морга. Искуснейше делал. Продавал. Но от выручек тех Вере доставались крохи. В два последних месяца — ничего. Его дважды забирали в вытрезвитель и «выдаивали» там насухо.

Уже у порога, поправляя сумку на животе, прежде чем ответить Мартынову, что сейчас со Станиславом, Вера вздохнула.

— Ничего хорошего... Дожила. Сама стала по утрам его опохмелять.

Андрей Федорович осуждающе обузил губы.

— Только этого и не хватало. Да ты что?

Брови Веры обратились в скорбный шалашик.

— А что делать? Он ведь, коммерсант занюханый, для меня не приходящий, Андрей Федорович. Муж законный. Отец Юльки. Не могу, не могу я, понимаете, смотреть, когда начинает изводить его с бодуна. Я ему и подношу-то... Развожу одну бутылку на три. Научилась у других. Не один такой он. У одной знакомой «подарок» похлеще. Димедрол и аспирин в посудины эти. стакан с утра дам — либо дремлет, либо бродит полусонный. А чего мне остается? На работе бы не пил, а так... У соседки с сыном еще хуже. К «дури»

пристрастился паренек.

— С какой стати? Что нормальных девушек мало?

Почтальонша бледно усмехнулась:

— «Дурью», Андрей Федорович, называют наркоту.

— Да? Извини, до меня это не дошло. Где же он ее берет?

— Да ее у нас достать легче легкого. Втихаря в киосках продают. Говорят, что если не в каждом, то через один уж точно. Милиция знает, да делает вид, что про «дурь» ей неизвестно ничего. Берет сколько-то за «молчок» с торговцев — вот и все. А снабжает город наркотой будто бы Роман Сивцов.

После этих ее слов Андрей Федорович лишь вздохнул.

К вечеру он отправился в Лесной Угол. В раннем небе следующего дня на всем куполе его не улавливалось ни единой облачной помарки. Воздух был прозрачайший. Земля быстро подсыхала.

Позавтракав, Андрей Федорович прошел с тяпкой на клубнику. Кое-где междурядья ее крыла мокрица, мелколиственная, бледновато-зеленая травка, какой в прошлые годы на участке не водилось. Срубленную, он сдвигал ее в кучу, сносил в яму возле уборной, утрамбовывал, возвращался снова к грядкам. В полдень мимо его соток прошла одна из соседок, разбитная, приближающаяся годам к сорока разведенка Лида Вязова. Приостановившись, справилась, часто ли гуляют ночами у Романа Сивцова? Ну в особняке? Что в соснах? Подивилась, что он про гулянки ничего не знает. А то дочка ей сказала, будто девок туда возят. Привозили на днях будто даже Тину Окладнову, внучку всем известного в городе человека.

Про внучку его старого дружка до него, Мартынова, дошло только на порожах крыльца, когда он пришел сюда посидеть, передохнуть. Подумалось, надо упредить Аркадия и одновременно как-то припугнуть молодого владельца коттеджа, что и на него найдется управа, если он и в самом деле у себя притон устраивает.

Однако в тот день за ограду коттеджа его не пустили, да еще сказали, что хозяин этого дома вечерами и ночами вообще в нем не бывает. Оставалось, не сегодня завтра съездить на дом к Аркадию, с ним самим поговорить и свезти ему, кстати, сумку овощей и фруктов с участка.

* * *

Ближе к вечеру того дня старику поманилось посидеть возле костерка. Он изредка разжигал небольшой огонек в конце своих

соток на одном и том же «пяточке». В огонь шли разная щепка, припасаемая для такого случая сухая листва, прошлогодние подпорки от овощей, старая бумага. Наступало подходящее время и старик все это сносил на заранее подготовленный клочок земли, приносил сюда раскладное низкое креслице, небольшие грабельки. Скомканная бумага внутри аккуратного шалашика из щепы и колышков занималась от первой же спички. Язычки чистейшего и при солнце еле-еле зримого пламени начинали трепетно струиться вверх. Над шалашиком возникал тончайший, ровно возносящийся дымок. Через некоторое время на огонь уходила первая порция прошлогодней рыжей листвы из полиэтиленового старого мешка. И какой же дух поднимался от ней! Нет, ничто не пахнет так томительно-сладковато и одновременно горьковато, как сгорающие на кострах бурые, сухие, ломкие листья... Ну чего такого вот в такой картине? Тихий, будний день. Предзакатное солнце. Прямо перед взором заречные дали. Неяркие, самые разнообразные краски окружающего мира. Да вот костерок у ног, нет-нет овевающий дымком. А как умиротворяюще все это ложится на душу.

К костру пришла Стрелка. Постояла рядышком, посмотрела на обычно сухое, а тут смягченное лицо старика и просунула сзади осторожно голову под локоть его. Кратким взором усмотрела поощряющее в его взгляде, просунула и передние лапы. Уложила на них голову на его колене. Стрелка тосковала. У нее вчера разобрали щенят, и она осталась одна.

Легкая подвижка воздуха полосой отвела от костра, уложила в нескольких шагах от него невесомый серый пепел. Там к комку чернозема приложилась дивом сохранившаяся половинка полупрозрачного листа яблони, вернее, того, что осталось от нее. Подойди, легонько дунь — рассыплется в прах. Но пока в ней, обуглившейся, оставались непорученными паутиной тонкости прожилки. За рекой, по далекому окоему, по едва различимому отсюда мосту прокатился длинный товарняк. Запоздало донесся тепловозный, слабый из-за дальности вскрик...

И тут на Андрей Федоровича наплыло, к чему с некоторых пор он стал привыкать. Но на этот раз по-особому наплыло. Умалившись в точку, он пропал из этого мира, ощутил себя высоко летящим над обширным пространством. Оно было чем-то знакомым ему, но сказать с уверенностью, что он тут бывал и прежде, он не смог бы. У него замирало сердце от немислимой выси. Он секун-

дами страшился упасть в проплывающую далеко внизу зелень тайги с буроватыми пятнами старых вырубок и выжигов, в полноводную реку. И тайга, и река некоторое время плавно каруселились под ним и казалось, что так будет продолжаться долго-долго. Нет, внезапно все закончилось просто. Полет сам собою прекратился. Он увидел себя на земле, на пологом берегу реки. Река оказалась за спиной. А в некотором отдалении, впереди, на густом темно-зеленом фоне хвойного леса серело поменьше десятка крепких рубленых изб. С изгородями из желтых жердин. На них у двух изб сохли сети. Еще у одной кверху дном валялся рассохшийся, отслуживший свою службу баркас.

И вот он идет к небольшому этому селенью. У изб — ни души. Но селенье не безлюдно. В двух местах над ним поднимаются слабые сизоватые печные дымки. У средней избы спиною к подклети с иссушенным до костей ликом сидит закутанный в серое изношенное одеяльце древний старикан. Он свернулся калачом. Его рот — прикрытая сборчатými тонкими губами серая впадинка. Вместо щек дряблые комочки пепельной кожи. С продольными впадинками. По одной на каждой щеке.

По ступенькам высокого ладного крыльца к старику сходит великая, с маленьким лицом под платком-скворечником пожилая женщина. Она поплотней подбивает под бок сидящего концы старого одеяла, а он тускло, неразборчиво говорит ей что-то и указывает 16 темно-желтым, цвета старой кости подбородком за ограду. Наконец, Андрей Федорович начинает понимать, о чем он.

— Вот, Феклуша, и дождался я. Сын сыскал-таки меня. Пришел.

У Андрея Федоровича сердце ухает вниз. Он глубоко вздыхает. Хозяйка избы не оглядывается на него, продолжает подтыкать одеяло.

— Где? Кого ты углядел? Поди, снова приблизилось?

Старик, хоть и еле дышит, стоит на своем:

— Ты не видишь, а я вижу.

Женщина вздыхает.

— Ладно. Нехай будет по-твоему. Так чего тогда он не подходит?

Мартынова осыпает жар великой устыженности. Он поспешно дергается к старику, назвавшемуся отцом, — и ни с места. Он не в состоянии даже шевельнуться. Потому что и стоит как бы у ограды, и здесь его нет. Он оглядывает себя и не видит своих рук и ног.

Под ним бестелесье. Пустота. Но он чувствует — в продольных глубоких морщинах его щек скапливается теплое и влажное. Такая же влага поблескивает и в морщинах старика.

Старик шамшит слабей прежнего:

— Опасается опознаться. И стыдится. Кто такой я?.. Он меня любил. Когда арестовывали, крепко-крепко обнимал меня... Вот тогда и закончилась моя человечья жизнь... После были лагеря да лагеря.

В это время Андрей Федорович начинает верить, что укутанный в одеяло старец и есть подлинный его родитель. Вера эта крепнет с каждой секундой. Подойти ж к родному человеку он по-прежнему не способен. Больше того, сколько не силится, как мучительно не напрягается, рот разжать не в состоянии. И отец, обессилив, тоже замирает в неподвижности. Так они молчат несколько минут. Затем снова возникает шелест. То отец обращается к Феклуше.

— Я откуда у тебя, Феклуш? Не забыла?

— Нет, как мамана рассказывала, так все и запомнила.

— Смелая она была... Нас, вконец ослабленных, сактировали да и проводили в ближние сосны. Постреляли, закидали землей и ушли. Так мамаша твоя следом, тем же вечером, на то место. Углядела, шевелятся пальцы чьи-то из земли. Откопала меня. Быстрым шагом за тачкой и к себе во двор. Обчистила — и в избу... Муж ее, отец твой, поздней осенью на рыбалке утонул. На единственного сына похоронку принесли. Я подумал, захотела выходить меня, чтобы стал помощником ей в хозяйстве. А во мне живого ничего уже не оставалось... Ничего. И я честно ей сказал: зря стараешься, только в тягость тебе стану... Осерчала, со слезами замахала на меня руками. Как ты мог подумать так? Ничего мне от тебя не нужно. Но коль ты родился, так живи. Не людское дело решать, кому жить, а кому до срока в земь. Прокормлю. Не сомневайся... А я так не захотел. В ночь тайком собрался и ушел.

— И с тех пор где обретаешься?

— Откуда я знаю? Я же мертвый. Только до сих пор по-людски земле не преданный. Вот и беспокою тебя всякий год.

— Почему на сутки на одни приходишь? И всегда в один и тот же срок?

— Сердце так подсказывает. Вот в такой же день был он тут однажды. Сын. Все мою могилу искал. Да кто мог бы подсказать, где она? И с тех пор я все надеюсь и надеюсь. Может, и еще придет.

Прозевать его приход боюсь... А еще я видел его, Фенюшка, в войну. В последние ее дни. Из окна теплушки. Зимой. Ночью. Нас тогда перевозили подальше, в Сибирь. Снежно было. И морозно. А мы задыхались из-за тесноты. И кричали в темь, в оконце: «Воды! Воды!». А кому кричали? Ночь. Поблизости никого. Часовой один на тормозной площадке. Потом откуда-то из-за составов вышел молодой солдат. Шел, должно быть, на станцию за кипятком. В жидком свете от дальнего фонаря я его узнал-таки. Он же меня не расслышал в общем крике. Котелок поставил у ног и попробовал лепить снежки. Да снег-то сухой. Принялся бросать его пригоршнями нам. И из котелка. Ничего не долетало. А тут часовой соскочил на снег, с ружьем двинулся на него. И ему пришлось уйти... Он, Фенюшка, каким в детстве был, таким и остался. Добрым к людям. Очень мы любили друг друга. Увидал его теперь вот — тихо просияло все во мне. Помнит до сих пор... И теперь я ухожу из жизни здешней окончательно и навсегда со светлой душой.

Как ударили последние слова в грудь Андрея Федоровича! Сделалось темно в глазах. Все пропало — и тайга, и река, и поселок у сосен, и отец, закутанный в старье, и он сам. Весь мир обратился в точку и погас...

Придя в себя, Андрей Федорович покачнулся на своем низком стульчике, едва не упал. Костерок по-прежнему играл редкими, маленькими язычками пламени и слегка дымил. Лапы Стрелки и ее голова продолжали покоиться на его колене. Он почувствовал в углу глаза теплую, постепенно тяжелеющую каплю влаги, чуть склонился и вытерся лбом и глазом о собачий умный лоб. Стрелка посмотрела на него, подалась повыше по его колену и лизнула его в подбородок... Старику опять подумалось об отце. Сколько лет ему мнилось временами, что вот он идет, вот подходит к отцу. Отцом ему представлялся чаще всего тот или иной старик на базаре, или на углу каких-нибудь улиц. Тот сидел на тротуаре или прямо на земле с засаленной шапкой на коленях, с мелочью и со смятыми бумажками в ней. В таких случаях у Андрея Федоровича иногда подскакивало, заходило сердце, а все тело обдавало жаром. Но не надолго. Перед ним всегда оказывался не отец, незнакомый человек. Без продольных морщин на щеках

А сегодня в напыле дремотном возле рубленной избы за неведомой рекой был отец. Да. Отец.

* * *

На пороге дома перед старой женщиной с впалыми щеками и с сухой, мучнистой кожей лба и щек встал высокий крепкий парень в клетчатой рубашке на выпуск, с расстегнутым воротом, с плотно сомкнутым, почти безгубым ртом. Редкий ветерок изредка чуть приподнимал на темени его небольшую плоскую прядь рыжеватых волос. Поздоровавшись, он спросил:

— Маргарита Ивановна, вы меня не узнаете? Я Вдовин. Максим. В одной школе с Тиной вашей учился. Я в десятом, она — в девятом. Мы с Носковым Пашей как-то заходили к вам. Вы нас чаем еще угощали.

Женщина поспешно утишающе подняла ладонь.

— Не так громко, пожалуйста. Дом у нас такой, все слышно. А у нас больной. Уснул только-только. У вас что ко мне?

Парень, извинившись, сказал, что он к Тине.

— Попросите ее выйти.

— К сожалению, сейчас ее нету дома. Отошла недавно в город.

Парень, попрощавшись, отступил было от порога. Но тут в коридор неожиданно открылась шире боковая узкая дверь и через порог из нее, вся облитая ранним солнцем из окошка сзади, со спины вышла тонкая высокая девушка. Оглянувшись через плечо, увидев ее, Маргарита Ивановна заметно смешалась.

— Ты, оказывается, дома, Тин? Не думала, что уже вернулась из города.

Тина молча миновала ее и кивнула пришедшему, чтобы он посторонился, дал пройти ей с крыльца. Маргарита Ивановна попросила девушку в спину:

— Только, Тина, ради Бога, надолго не отлучайся. У нас с бабушкой, — обратилась она к парню, — с каждым часом хуже и хуже. Я уж говорила вам.

Максим на ходу, сбоку, бегло дважды глянул на пошедшую с ним Тину. То была и она и не она. Ни следа от постоянного румянца. Серость, впалость щек. Куда делись всегда добрые живые глаза. Взгляд их был взглядом нелюдимои незнакомки, тяготящейся еще только предстоящим разговором с безразличным ей человеком.

Понимая, что сейчас он спросит об ужасном для нее, Максим, изнывая сердцем, тем не менее не нашелся, с чего кроме и как мог бы он заговорить. И заговорил с придыханием, трудно.

— Я, конечно, представляю, каково тебе сейчас...

— Ты о бабушке? — покосилась на него она.

Он не дал, не позволил смалодушничать ни себе, ни ей:

— Нет, я в первую очередь о случившемся с тобой... в Лесном Углу.

Она повела на него обзлившимся мгновенно взглядом.

— А что там случилось со мной?

На скулах Максима проступили лихорадочные пятна.

— Тебе это надо расшифровывать?.. Вообще, почему ты так со мной?.. Ты для меня всё. Я думаю, ты догадывалась о том... А сейчас о тебе такое талдычит весь город.

У нее тотчас напряглись, побелели крылья ноздрей. Она вызывающе вскинула подбородок.

— Кто и что где-то там обо мне талдычит сегодня, меня мало трогает. Я о том говорить сейчас с тобой не могу и не желаю. Извини, мне некогда. Пора к бабушке.

Они были уже у калитки. Максим задержал ее за руку. Вдохнул шумно. Резко выдохнул. С обескровленным лицом сказал:

— Значит, ты о своей беде со мной говорить не хочешь? Твое дело. Тогда знай, что за сотворенное с тобой я в живых Романа не оставлю. Лесной Угол ни ему, ни его друзьям даром не пройдет. Он им будет стоить жизни... Я тебе уже сказал... Для меня ты все! Был бы Павел жив, он бы навел решку Боссу с его выродками! Теперь за него и за себя я расправлюсь с ними. Я им...

У нее задержались серые губы, и она не дала ему договорить:

— Замолчи! — повелела жестко. — Не хочу я ничего слышать от тебя сейчас. Ни единого слова! Ты способен понять это? У меня умирает дед мой! И мне надо быть теперь при нем. Извини. Я ухожу.

И она уже без слов вытеснила его за калитку. Резко стукнула засовом. От калитки, однако же, не ушла. У нее разом обессилело обвисли плечи и упали руки. Так она простояла целую минуту, прислонившись лбом к мягкой и шершавой, охлаждающей кожу доске дверцы и всем телом вздрогнула лишь, когда он, Максим, по ту сторону калитки, наконец, переступил с ноги на ногу, что-то сам себе сказал и тронулся от забора. Когда он, по ее понятиям, скрылся за углом соседнего дома, она, приоткрыв калитку, быстро поглядела в обе стороны улицы. Улица пустовала.

Совершенно не соображая, что она делает, Тина быстро вышла со двора, быстро прошагала к ближней остановке, поднялась в по-

дошедший автобус и услышала сразу за дверями поразивший ее голос Шибанка. У него был туго перевязан затылок. Бугристые щеки крыла известковая серость. Но заговорил он так, будто оставался прежним Шибанком:

— Здравствуй Тина-Тиночка! Вот мы снова и увиделись. Не соскучилась по мне?

У нее тугим комом перекрыло горло. Тем не менее, ей все же удалось заговорить:

— Замолчи, животное!

— О'кей! Я молчу, — согласился он невозмутимо, — Но ты так остерегись: «животное». Я тебе...

Она тут же резко затолкалась среди едущих в автобусе в сторону передней площадки, к толстой пожилой кондукторше. Та, судя по ее грубому и злому голосу и лицу, была из натур, не способных даже на малейшую уступчивость. Однако же, и в лице и во взгляде тонкой и высокой девушки было столько упреждающего от противоречия ей, что кондукторша, дивясь себе, объявила по ее веле-нию остановку, там, где ее никогда не объявляла/ Тина, выметнувшаяся из салона, чуть не сбила ее с ног, но кондукторша удовлетворилась всего-навсего двумя словами, пущенными ей вслед:

— Идиотка! Сумасшедшая!

Тина ничего не слышала. Она поразилась тому, что с какой-то стати оказалась в автобусе, вспомнила про больного деда и, сбиваясь часто на пробежку, заспешила к себе.

Войдя в дом, она все же прежде чем пройти к больному, затворилась у себя и ничком упала на постель. Сами собой встали в памяти потное, пытящее лицо Романа, грязные и бугроватые щеки Шибанка. Обожгло, что не раз уж обжигало: как же ей после них оставаться на земле среди людей?! Она была вся в своей боли... Тем не менее, на единый миг в ее сердце остро толкнулось — как она могла так бессердечно разговаривать с Максимом? Как могла?!

Она вынула из прикроватной тумбочки в комок смятый серый лист бумаги с крупными кривыми строчками: «Сейчас у меня на даче дружок Павла. Он привез его письмо к тебе. Посылаю за тобой машину. Приедешь, прочтешь. Куда, к кому едешь, о том никому ни слова. Всё. Сивцов»... После той поездки в Лесной Угол она сутки провалялась в постели. Деду с бабушкой сказала, что ее на переходе бортом сбила машина. Оттого и порваны юбка с кофтой,

оттого и ссадины с синяками. Они не поверили ей, но распрашивать ни о чем не стали...

Утром следующего дня они с бабушкой отвезли Аркадия Осиповича в больницу. Чувствовал он себя очень плохо. Тем не менее, в отсутствие санитарки вскоре решил сам, опираясь на стену, пройти в туалет. Перед отгороженным стульчаком была маленькая комнатуха с раковиной для споласкивания рук и с ведром для мусора. Здесь теснились курящие. Облегчившись в кабинке у писсуара, старый доктор машинально прислушался к разговору в комнатухе и услышал то, чего ну никак не ожидал услышать. Хриповатый мужчина вдруг сказал:

— Говорят, в Лесном Углу Сивцов, Босс бордель устроил. Даже девочку одну нетронутую на днях туда ему привозили. Та девчонка — любовь всем у нас известного Павлушки Носкова, боксера, чемпиона города в среднем весе... Так его, слух был, убили в Чечне?..

Слова эти опалили Окладнова. У него зажгло за грудиной. Не имея сил застегнуть последнюю пуговицу на ширинке, он вошел в тесную комнатуху для курящих и вдруг понял, что отсюда ему на своих двоих дальше не пройти. Нечем стало дышать. Отирая стенку спиной, прогибаясь в дрожащих коленях, он сел на заплыванный и мокрый пол, мертво уронил голову на грудь.

— Батя, ты чего? — удивился один из курящих, молодой парнишка. — Ты куда садишься? Пол-то, глянь, какой.

Его перебил низкорослый, с гулким голосом.

— Ты чего про пол буробишь? Человек весь не в себе. Отдает концы. Дуй скорей на пост, за медиком. Ну-к бегом!

* * *

В воскресенье — в ясную погоду — Лесной Угол ожил с самого раннего утра. Там и тут зазвучали голоса. В начале девятого к соткам Мартынова скорым шагом подошла Вера Болтнева. Андрей Федорович встретил ее у калитки.

— Что-то в рань такую? Могла б и попозже. Да.

Вера сказала, что пораньше и уедет. В выходные к последнему рейсу от дач столько набирается, что в автобус не протиснешься. Надо уезжать сразу после обеда.

До полдня они много чего сделали на сотках. Непредвиденно набрали ведро огурцов и немало бурых помидоров.

Вера отказалась почаявничать перед уходом. Отнесла на кухон-

ный столик чашку со смородиной, кружку клубники. Старик хмуро покосился на нее:

— Для чего сюда? Забери дочурке... Кстати, как там благоверный твой?

— Как обычно, — коротко ответила женщина.

Почти все, что выросло на сотках, Андрей Федорович прежде отдавал кому придется, с прошлого года — только Вере, и она с той поры несмотря на просьбы его не усердствовать на сотках очень-то, в выходные непременно приезжала потрудиться с ним — они вместе и копали, и пропальывали, и окучивали, и снимали урожай. Она сумками увозила в город огурцы, капусту, перцы, на зиму закатывала их в банки, всякий раз докладывая старику, сколько и чего прибавляется у них. Андрей Федорович пропускал ее сообщения мимо ушей. Он никаких солений и мочений не ел. Пользовался с соток в основном картошкой.

Ближе к вечеру Вера уходила в сторону перелеска, к автобусной остановке с двумя полными, как обычно, сумками. Они ей оттягивали плечи. Андрей Федорович с середины своего участка иногда поглядывал ей вслед. И ему не раз начинало чудиться, что к дубраве, на подъем нелегкой походкой поднимается не Вера Болтнева, а его Елена, Лена. Было что-то у них общее... Иногда стоило так подумать — перед ним возникала мрачная высокая комната, он на стуле в ней, видящий себя со стороны, и молоденький смуглолицый следователь с бумагами по другую сторону стола. Был тот следователь строгий с вида, но мягкосердечный, участливый, и однажды справился у подследственного, почему у того временами затрудняется речь, выпадает память и слабеет слух. Это после военной контузии? Андрей Федорович утвердительно кивнул. В свое время отошло все, а теперь вот временами... Немного спустя, оторвавшись от бумаг, следователь взметнул на него ресницы и подследственный услышал от него: «Хорошо. Вот вам карандаш, бумага. Напишите от себя всю правду в ЦКа. Это строго-настрого запрещается. Но... Сброшу в ящик на почте. А уж там что выйдет». И тогда случилось, чего он никак не ожидал. В камере-одиночке за короткий срок он настолько ослаб, что пальцы его мелко задрожали и не справились с карандашом. Буквы не хотели получаться. Следователь понял его состояние и сказал, что с письмом придется отложить на следующий раз... Он всю ночь продумал, как и что напишет завтра-послезавтра. Осыпало то жаром, то холодом, когда приходило в

голову, а вдруг пальцы подведут и завтра. Эти думы прерывались, лишь когда изредка тихонько звякала заслонка «глазка». Надзиратель не мог быть им недоволен. Всю ночь, как и полагалось, заключенный лежал только на спине. И конечно же, не спал. Как уснуть под опущенной низко сильной электрической лампой?

За что угодил он в заключение? В чем он обвинялся?

До поры до времени он был в неплохих отношениях с предриком Карлевым. Пока до него не стало доходить о поборах того в нищих без того в те времена колхозах Он сам дважды заставлял его на этом, дважды упреждал, что в следующий раз предаст его действия огласке. Наконец, заявил о них на партактиве. В район была выслана группа проверяющих. Она представила на бюро обкома много справок, в каждой из которых говорилось, что Карлев никакого сала-масла и пшена с мукой в хозяйствах не брал. Но он, Мартынов Андрей, молодой тогда редактор райгазеты, привез столько ж справок в планшете с собой о явном поборничестве председателя райисполкома — за подписями тех же самых председателей колхозов, только сделанными раньше на одну или две недели, чем на справках проверяющих. Карева сняли с его должности. А зимой его жена, учительница средней школы, заявила на райпартконференции, что редактор их газеты — сын врага народа, и сам на занятиях в их кружке говорил, будто Ленин категорически не советовал оставлять товарища Сталина генсеком. У редактора спросили тут же: сказанное правда? «Да, — ответил он. — Строки эти есть в ленинских работах»...

Из давнего его на минуту вдруг выплескивает в настоящее. Вера только поднялась по пологому подъему к лесу и остановилась, чтоб перевести дыхание. В самом деле, как она смахивает издали на Елену!..

Через неделю после конференции он до полуночи оставался на совещании в отдаленном совхозе. Его взяли прямо оттуда. Два чекиста в ту же ночь увезли его прямо в область, не позволив по пути завернуть домой...

* * *

По дачной дороге с грохотом проезжает невесть как попавший сюда трактор с цистерной. Андрей Федорович провожает его взглядом и опять возникает сам перед собой, каким был много лет назад — отчаянно исхудавшим, свежесбрившим. Он едет в Москву. Не

один. В сопровождении двух работников — из райкома и обкома.

В парткомиссии дело его разбирается долго. Сидящие за столом после первых безуспешных попыток получать от него краткие ответы по существу прекращают вскоре обращаться к нему. На него наваливаются глушь и отчаянная тупость. То и дело он не в состоянии понимать, что же все-таки хотят от него услышать. Его угнетает собственная бестолковость и палящий стыд за себя. Лишь дорогой из Москвы домой он с трудом начинает приходить в себя, узнает от сопровождающих, что его оставляют редактором или — если пожелает он — возьмут в область собкором. Но сперва у него будет санаторий, на два срока. Когда в купе они остаются втроем, Михаил Андреевич, обкомовец, с облегчением кратко замечает, что с ним поступили подлинно по-человечески, по партийному, не так как бывало при Сталине...

Из обкома домой, в степной дальний район, его, наконец избавившегося от тупости, отправляют на обкомовском вездеходе. Дома он сидит на диване, и Елена, опустившись на пол у его колен, долго не дает ему подняться. Во взгляде ее больших да еще увеличенных от худобы лица глаз переплескиваются и большая радость, и скорбная усталость. В разговоре с женой Андрей уже хорошо, все четко слышит, говорит без затруднительных провалов в речи. «Андрюш, — спрашивает она его испытующим голосом, — ты счастлив сейчас? Скажи?» Он молчком целует ее в пробор начинающих сесть волос. А она задает все новые вопросы: «Но за что с тобой так? И со мной? Я к кому не обращалась в Москве, хоть один бы выслушал меня. Возвратилась — что ни ночь вызывают наши комитетчики. Хотя спрашивать им у меня было вовсе не о чем. Всякий раз об одном и том же. И без всякого стыда. Была ль в близких отношениях с кем-нибудь из летчиков США? Что они пытались вызнать у меня? Хоть подумали бы. Я не знаю их языка, они — нашего. Просто летчики те с нашего аэродрома в Кременчуге вылетали на бомбежку Италии. Отбомбятся — снова к нам. Мы обслуживали их аэродром... Наконец, так зажгло под сердцем у меня, что я одного допросчика послала к той-то матери... В эти ночи, Андрюш, я едва не спятила. Представляешь, находило: мы с тобою после войны угодили не в свою страну. Нам кругом не верят».

С ней действительно моментами начало твориться странное. Вечерами он подчас боковыми взглядами замечал, что она исподлобья кратко наблюдает за ним словно за чужим, иногда с притаен-

ною хитринкой человека себе на уме — будто знает о нем что-то, что скрывает он от ней. В доме поселяется глухая беда. В снежном и морозном феврале вместо прихворнувшего главбуха ветлечебницы она, счетовод, выезжает в область с каким-то отчетом, трое суток там гриппует на частной квартире, на четвертые уходит на кладбище и пытается сговориться с гробовщиками, чтоб они положили под чей-то там гроб маленький пакетик с ее заговором от болезней. В это время глаза ее странно, лихорадочно блестят и ее прямо с кладбища отправляют в психбольницу. Домой отпускают только через месяц. Они едут долго в вагоне. После полтора часа, от станции до райцентра, в новеньких редакционных санках. У жены настороженное серое лицо. Она всякий раз пресекает каждую его попытку завести самый простенький разговор, делает знаки, что при кучере им лучше помалкивать. Почему — необъяснимо. И его, сидящего рядом с ней, сковывает тоска и полнейшая неопределенность: ну а что же будет дальше? Повторяются и повторяются в голове слова сухонькой старушки, главного врача психбольницы, сказанные ему в напутствие: «Отпускаю ее с вами ненадолго. У нас видите, какой бедлам. Перекраиваем палаты. Через месяц привозите. Постараемся ей помочь. А пока терпите. Будьте снисходительны к ней».

После двух измотавших его суток в дороге дома он проваливается в глубочайший сон. Пробуждается от внутреннего настораживающего толчка. Босиком проходит на кухню. Здесь на оконное стекло, на морозные папортниковые узоры наплывает то алое, то бардовое отражение извне. Он проворно выбирается наружу. По соседству полыхает почтовое отделение, большой деревянный дом. При студенном безветрии языки огня возне сятся высоко и ровно. С гулом. Со стеклянным потрескиванием. У огня мельтешатся черные фигуры. Тени от них то выстреливаются в поглощающую их быстро темь, то сворачиваются у самых их ног. Пламя уже бьет из окон и сквозь прогорающую крышу. У соседнего ж колодца ни души. Он бросается с ведром туда. Цепь свободно болтается, льдисто обжигает ладони. Ведро звякает о наросты льда, застревает совсем близко. Сруб внутри весь в таких наростах. Пламя пробуют сбивать лопатами, ведрами, загребая ими снег. Часа через два от почтового отделения остаются чадающие стены. Там и сям по ним пробегают золотящиеся ящерки огня, слабого и умирающего.

После видит себя еле поднимающимся на крыльцо. Он замерз и

продымлен насквозь. В кухне у окна, зябко сузив плечи в вязаной кофте, стоит Лена. Пожар не привел ее в испуг. Тылом ладони она прикасается к его щеке. «Ты ооченел». Скоренько собирает на стол. Из каких-то захоронок извлекает поллитровку. Вскоре в постели, тесно-тесно прижавшись к нему, начинает беззвучно смеяться и тихонько говорить. Пожар что! Вот в войну под Кременчугом на посту аэродрома ее насмерть напугал один технарь, запустив изда-лека в шутку, ей под ноги дохлого ужа. Бросив винтовку, она, сломя голову, убежала за соседний самолет... Помолчав, поднимается на локоть и при мертвом синем свете луны в окно, глядя в самые его глаза, начинает шептать. «Помнишь, я про летчика тебе рассказы-вала, про американца. За него — я забыла его имя — меня целую неделю особист к себе таскал. Добивался, какие задания получаю от него я. А мы с ним, я уж говорила, могли только долго глядеть один на другого. Языка друг друга не знали. Теперь знаем... Нас один свел с ним в психбольнице. Константин Метелкин. Кстати, он обещает переправить нас с тобой, куда нужно. «Константин Метел-кин» добивает его. Как она могла узнать о нем? Или это наважде-ние какое? Бред?

Проходит неделя — и Елена исчезает. Оскорбившись, что он ей не верит, опасаясь, что выдаст ее комитетчикам, она в слякотную полночь уходит из дома и бредет на дальнюю станцию железной дороги. Часа через два он хватился, что нет ее дома, принялся ис-кать у знакомых в селе, когда она уже подходила к городу. Он торо-пится туда же. Узнав на вокзале, что какая-то женщина бродит по путям, он спешит с перрона вниз. Тем временем под вагоном одно-го состава, трогającego в путь, она спотыкается и падает. Ее втя-гивает под колеса вагона, мнет, кромсает, рассекает поперек...

Наконец, надрывающие сердце, мысли и картины отпускают его в день сегодняшний. Он слышит — с тропы за оградой его соток две молодые проходящие к речке женщины что-то говорят ему, но понять, о чем они, не в состоянии, лишь кивает им. Сгорбившись, бредет к своему крыльцу и тут только вспоминает — да, с Констан-тином Метелкиным, с живым, не с больным воображением Лены, он встречался, и встречался дважды. В первый раз в погребеке рес-торана, куда забрел шальным шагом после первого свидания с Ле-ной в больнице. Тогда его колотила нервная дрожь и, чтоб сбить ее, он три раза заказывал по сто граммов. Водка на него не действова-ла. Дрожь не унималась. В это время к нему присел симпатичный

парень, по его словам, идущий из бани. Он заказал двухсотграммовый графинчик. Предложил ему пригубить за компанию. Он пригубил — только затем, чтобы получить повод выговориться, поделиться с человеком своею бедой. Так они и познакомились. Прошел год — случайно на улице повстречались и все прояснилось. Константин признался: он, случалось, крепко поддавал. Как в тот вечер, когда встретились они впервые. Дома принялся буянить, хотя никогда до этого не буянил. Жена, работница психбольницы, испугалась за него и отправила в свое учреждение. Там каким-то образом он однажды повстречался с Леной. Это запомнилось. А чего он плел ей там, из того ни единого словца в голове не задержалось.

* * *

Резким толчком плеча в дверь Сивцов распахнул ее и, приземистый, широкоплечий, по-хозяйски сделал три энергичных шага от порога короткого коридора в светлую небольшую комнату. Он заехал на минуту по делам к хозяйке этого дома, но мгновенно понял, что ее сейчас здесь нет. И как только понял, тут же и остановился. В комнате за круглым столом чаевничали ее совсем молодая дочь Иришка, ставшая недавно «подружкой» его, и — он поначалу не поверил сам себе — Алевтина Окладнова.

У Романа, за последние годы побывавшего во многих передрягах, но оставшегося по натуре трусоватым, дернулась щека и одеревенело горло. В мыслях мелькнуло: повернуться да к машине и уехать тут же? Или прежде разогнать обеих? Как-нибудь нагнать на них страху?

У Ирины без того лицо уже сделалось известково-серым. А у Алевтины вмиг запали щеки, дрогнула и дернулась вверх изломом тонкая бровь.

Вышло все неожиданно как для него, так и для застывших за столом. У него, само собою, выговорилось вдруг, обращенное к Алевтине:

— Вот ты где, оказывается, пребываешь. А по городу слух: Окладнова после смерти деда канула куда-то.

Сам себя услышал — поОтом обдало лопатки. Что как бросится сейчас она на него из-за стола?

Нет, осталась сидеть. Сухим, ломким, безразличным голосом сказала: никуда она не канула, как жила, так и живет.

У Романа будто кто столкнул с плеч едва не расплющивший его

каленный груз. Он освобожденно вдохнул-выдохнул, еще раз вдохнул-выдохнул. И почувствовал, как оживает, уже может говорить свободно. Изменилась и Ирина. Ее только что гипсово застывшее, напряженное в ожидании неотвратной стычки Босса с Алевтиной, лицо облегченно вздрогнуло и словно бы оплыло.

Роман, овладев-таки свойственной ему развязанностью, отодвинул стул, присел за стол и с нахальным прищуром издевательски спросил у Алевтины, теперь она знает, что такое Лесной Угол и в каких краях он расположен. Если нет, так ей стоит побывать там. Раскрасивейшее место. Ждал ответа с нескрываемой ухмылкой. Пусть теперь взрывается эта Тина. Он уже пришел в себя. Обуздает ее быстренько. Даже интересно посмотреть, как она начнет взрываться.

Взрыва не последовало. Он услышал выдержанное:

— В тех местах я не бывала. Но наслышана о них.

Роман, мысленно похвалив ее за редкостную выдержку, продолжая веселиться глазами, выжидательно подался вперед, налег грудью на столешницу.

— Ну а если бы сейчас представился случай прокатиться туда? Согласилась бы или нет?

— Почему же нет, — услышал в ответ.

— В таком случае поехали сейчас. А Иринку я свожу туда на той неделе.

У Ирины посерели щеки. Как же запросто Босс отдавал предпочтение Алевтине, а ее легко сдвигал в сторонку?!.. Но как он желает, так тому пускай и быть... А вот Тине нынешнее она не простит ни за что и никогда! Ни за что и никогда! Она ж просто-напросто надувала ее, плачась, только что, как страдала там, в Лесном Углу... Если бы страдала, повторять не захотела б... Так она может запросто увести от ней Романа.

Настроение у Романа тем временем поднималось и поднималось. Да и почему б ему было бы не подниматься? С Тиной-Тиночкой обошлось все «тик-так»... Но что Тина? Мелочевка. По утру его известили, чтоб не нынче-завтра он ждал астраханского «верблюда». Тот ему подкинет новую приличную партию наркоты. От перепродажи ему светят сотни тысяч.

Ему захотелось как-то ублажить сейчас и Ирину, ну хотя бы только на сегодня, и он дал ей команду быстренько выставить на стол бутылец с закуской. Выпил с ней вдвоем. Алевтина рюмку не взя-

ла. Ира приготовилась обругать ее за выпендрежь. Роман поднял сдерживающий палец.

На пороге дома он распорядился, чтобы Алевтина вынесла ему из комнаты посошковую рюмашку, и она молчком принесла ему ее. Он без слов лихо опрокинул ее в рот.

В тот день Роман ездил без шофера, сам крутил баранку. Алевтина устроилась сзади.

Но проехали они от окраины к центру города совсем мало. Сидящему за рулем отчего — то сделалось плохо. Его начало ломать, бросать с боку на бок. Наконец, с глухим стоном он безжизненно ткнулся лбом в баранку заглохшей машины. Алевтина все это время отстраненно, безучастно, не сморгнув ни разу, молча наблюдала за ним...

Малая толика белого порошка, ловко высыпанного Тиной из пакетика в последнюю рюмку Романа, верно сделала свое. Тот пакетик Алевтина целую неделю всюду при себе держала — чтоб в отчаянный момент принять его и уйти через короткий срок в небытие. Судьба, случай поступили иначе. Теперь Тине предстояло вновь добывать такой пакетик. Только для себя. Ей такой, какой она стала, не хотелось оставаться в жизни. Даже после того, как она только что рассчиталась полностью с Романом.

* * *

На исходе лета, в первые сентябрьские дни после кратких небольших дождей пошли вновь жаркие деньки. В эту пору Андрей Федорович, перевозмогая себя, с утренней зари до сумерек с перерывами не сходил со своего участка — перекапывал, что в свое время оставалось невскопанным, брал из земли малые остатки лука, чеснока, вырубал отслужившие свое старые кусты смородины — много всякого делал. Приезжавшую по выходным помочь Веру почти тут же спроваживал восвояси. Знал по слухам, ее дочке после краткого пребывания в больнице не полегчало, да и не могло полегчать. Вере надо было чаще оставаться с ней, при ней.

На один из солнечных сентябрьских деньков до конца Андрея Федоровича не хватило. К четырем часам, окончательно обессилив, приволакивая шаткие, тряпичные ноги, он раньше обычного побрел к автобусной остановке. Пришел туда одним из последних. Еле-еле втиснулся в «паз». До города всю дорогу простоял, вплотную прижатый спиной к вздрагивающим и поскрипывающим зад-

ним дверцам автобуса.

Наконец, добрался к себе. В комнатке его так и повлекло тут же плюхнуться не в стоящее у стола, во второе, старенькое кресло против «Рекорда», у глухой стены, чтобы солнце было не в глаза, в затылок. Он еще к тому же, прежде чем облачиться в старую пижаму, сумел-таки пересилить себя и по пояс сполоснулся под краном.

Отдыхая, с полчаса предавался блаженной расслабленности. Как же было хорошо посидеть вот так...

До сумерек было еще далеко да и что несли они ему? Телевизор он включал очень редко и ненадолго. Не терпел бесконечный треп про перестройку да про всевозможные нескончаемые реформы, начинал, сердясь, ерзать в кресле, а когда демонстрировали прямо — таки барские, роскошные усадьбы «новых русских», у него принимались вздрагивать и напрягаться крылья ноздрей. Приходили думы: вот о «новых русских», пожалуйста, о крестьянстве нынешнем — хоть словцо бы кто-то проронил!..

Когда в кресле у него начинало клонить голову на грудь, он, прокидываясь, поднимал глаза и, случалось, повыше «Рекорда» останавливался взглядом на знакомой с давних пор фотографии, сотню лет назад, наверно, наклеенную на тисненый крепкий картон. С нее взирали молодой мужчина в форменном сюртуке почтовика, крохотная девочка на высокой подставке, на которые обычно ставят цветы, и сидящая на стуле слева от нее молодая красивая женщина в светлом платье до носков белых туфель. На открытке внизу значилось оттиснутое с помутневшей позолотой: «Воронеж. Фотография Н. В. Максимова. Негативы сохраняются»... Когда отца с матерью забирали, фотография эта сохранилась как-то в их комнатке. Ее передали после Ксении Петровне, а она много спустя показала и вручила ее повзрослевшему к тому времени Андрею.

Чтоб встряхнуться, не впасть в дрему, старик раза три-четыре вставал, проходил по диагонали комнату и устроился в конце концов в кресле за столом. На столе была другая фотография, небольшая, в деревянной рамке, с его Леной. Привычную, он ее не замечал неделями. В тот же вечер от первого взгляда на нее у него опалило сердце, затеснило за грудиной. На мгновение сбился пульс. Он поднялся из-за стола. Ровно подышал. Снова опустился в тонко звякнувшее пружинной кресло против «Рекорда». Окончательно приходя в себя, сомкнул веки... Да, такая она, штука, жизнь. Больше половины ее в трудах и в насущных повседневных заботах. После

прожитое на яву повторяется в воспоминаниях. Да в таких, что вровень с самой жизнью. Столь же ярких и берущих за душу. Пребывающих с тобой все отпущенные тебе годы.

Как же дорога была ему Лена! Дорога и по сей день. Холодок меж ними просквозил всего однажды. Из-за ерунды какой-то.

В кресле пред прикрытыми его веками возникает середина страшно как далекого и одновременно совсем близкого мая. Всем классом они после консультации шли вишневыми садами за центральной улицей городка. Его подхватила было под руку Люба Тогобецкая, веселая и простецкая девчонка. Он отделался от ней, лишь когда ребятня принялась дурачиться, толкаться на тропке, и ускорила шаг, чтоб догнать ушедшую вперед Лену.

Разгоряченный, скоро он настиг ее и, набравшись дерзости, радуясь, что они наконец одни, далеко от всех, притянул ее к себе за плечи, да так, что коснулся грудью ее маленьких тугих грудей. Как же обожгло его то внезапное прикосновение! Она ж тотчас уперлась ладонями в его плечи и вполголоса сдавленно потребовала: «Пусти. Ну! Я тебе не Тогобецкая. Обнимайся с ней». Обиженный, он спросил: «Ты ревнуешь меня, что ли, а?» И оторопел под ее уничтожающим взглядом. «Я? Тебя? Как пришло тебе такое в голову?» От таких ее слов он мгновенно провалился в пропасть не испытанного прежде унижения. Обратился для себя в ничто... Следом память высветлила их далекий от города железнодорожный вокзал. После выпускных — когда уже шла война — Лена собралась за родственницей в Киев. Он прознал случайно о ее отъезде. В полночь пришел на пустующий в тот час вокзал. Ее пассажирский подан был на первый путь. Он остановился на краю перрона, у водонапорной башни. Посадка кончалась, а ее он так и не увидел. Скоро паровоз с шипом выпустил по перрону серый влажный пар. С головы и до хвоста состава пробегающе пролязгали буфера. И вагоны медленно поплыли мимо.

В предпоследнем из них, приближающемся с нарастающей скоростью, тамбур еще оставался открытым и скупой, проникающей в него изнутри вагона свет высветил внезапно сзади проводницы на верхней ступеньке тонкую фигурку Лены с русым ободком волос на голове. Он поспешно — чтоб она не заметила его — отступил вплотную к стене башни и увидел, как она подняла трепетную, машущую узкую ладошку и услышал отчаянно выкрикнутое ею во весь голос: «Андрюш! Я вижу тебя! Я тебя давно заметила! Слы-

шишь, я люблю тебя, Андрюш! Очень-очень!». Как же глубоко запало в него прозвучавшее тогда на весь перрон! Большой радости и счастья, чем в ту ночь, он за все им прожитые годы не испытывал, не знал...

В ту ночь пробуждался он трижды, причем всякий раз от одного виденья: он стоял в конце перрона, в тени небольшой водонапорной башни, шагах в пяти от первого железнодорожного пути. По рельсам его скоро тронулся короткий пассажирский поезд. Его обдало теплым паром от прошедшего паровоза. А в конце состава в незакрытом тамбуре предпоследнего вагона он видел ее, ту, которую перестал надеяться увидеть. За спиною проводницы она поднятой ладошкой махала ему. И он был тогда переполнен счастьем.

* * *

Всю неделю после того сна Андрей Федорович не ездил на дачу. Ему занеможилось. Надо было отлежаться в городской квартире.

А в конце той недели в Лесном Углу приключилась беда. Поздней ночью за бетонным ограждением оставшегося без хозяина коттеджа одновременно схватились огнем оба его этажа. Пламя быстро перекинулось на гараж, на баню-сауну и на прочие надворные постройки, хотя ветра в ту ночь почти не было. Причем взялось сразу многое не только снаружи, но каким-то образом и изнутри. Взалось бурно. Меж еще слабыми огнями по двору трижды прометнулась темная фигура плотного парня с крепко сжатым ртом. С тмени его поднималась под ветерком тонкая прялка рыжеватых волос. Треснули и осыпались наружу стекла в нескольких окнах. Огонь из них стал заливать сосновые верхние перекладины. Охранявшие коттедж и подворье два бритоголовых крепыша сквозь сплошное пламя коридора полуголые еле выбились наружу. Взяться за тушение пожара они не могли, да и даже не подумали.

Поздним утром на потухшее к тому времени пожарище прибыли пожарники и, само собою, милицейские. Они вскоре увезли с собой в машине продрогших вконец, ставших сизолицыми бритоголовых, оказавшимися Николаем Дегтярем и Василием Обьедковым. Заподозрить их в поджоге ими ж охраняемого угодя никому и в голову не пришло. После смерти Босса они оба оставались на своих местах, охранниками. Более того, тот, кто объявил, что без промедления приобретет особняк, обещал щедро увеличить им оплату. Ну чего им было надо кроме? С какой стати бы они предали

огню, что сулило им бесхлопотные легкие немалые деньжата? Следователи допрашивали их для вида да еще потому, что оказалось, в день перед пожаром эти «братаны» допоздна «оттягивались» в городском питейном заведении. Вот в ту пору, пока они там «оттягивались», кто-то и настроил все в коттедже для огня. Но кто? Кое у кого пало, было, подозрение на Владлена Мазнева. Он в ту ночь ночевал в своем домишке. Но признать его, болящего, за поджигателя было б курам на смех. И готовить поджог ему было б не по силам. А так, будь он покрепче, мог бы и спалить. Очень уж презирал и ненавидел он Романа. А того, кто прометнулся по двору коттеджа в начале пожара, у кого ветерком поднимало на макушке клочок волос, того не видала ни одна живая душа.

В Лесном Углу о сгоревшем за какие-то часы богатом уголье никто не жалел. Без него спокойней и достойней станет жить. Тот, кто собирался выкупить коттедж Романа, был скорей всего тоже тот еще тип. Спасибо судьбе, что она взяла и избавила поселок от соседства с ним.

Но кто, все же кто начисто спалил дом богатый, гараж, баню-сауну и прочее? Милицейским в их мозги никакой правдоподобной версии не приходило. Отпечатков пальцев на пожарище не сохранилось. Всё сгорело. Следы обуви? Их к приезду следователей затоптали побывавшие на пожаре. Да и что бы дали те следы? Одним словом, кроме углей, за бетонной оградой не осталось ничего. После этого ищи-свищи ветра в поле.

Неожиданно озарило только остроносого и вообще-то туповатого капитана Фенькина. До него стороной, случайно дошло, будто сперва к даче Романа прицелялся не тот, кто чуть не обрел ее. Второй покупатель стал давать побольше первого. Может, отступившийся поневоле и решил, озлобясь, отомстить ему поджогом. Чтоб, как говорят, ни нашим, ни вашим. Почему и нет? Но не сам же тот состоятельный мужик так искусно, разом подпалил особняк? Нет, конечно. Нанял кого-то? Да. И естественно, за круглую сумму. Но кого?.. И тут Фенькина озарило вторично. Да вполне возможно, что Максима Вдовина. Почему? Тот и раньше грозился беспременно посчитаться с Боссом и с его двумя прежними охранниками. Не успел. Один из охранников еще раньше сам с собой покончил. А Роману помогли уйти из жизни. Оставалось в отмщение за поруганную любовь погибшего в Чечне друга взять да подпалить его хоромы в соснах! Он и подпалил. Разве не логично? Но не в оди-

ночку. Как пить дать, ему помогли побывавшие с ним в Чечне. Для его озлобленных дружков, много чего переживших, повидавших, особо для тех, кто, вернувшись в их город, долго оставался без работы, местные богатеи были самыми презренными людьми. Насолить как можно крепче им — святой долг. Насолить во что бы то ни стало! На пути к такой цели таким парням море по колено.

Ни Максима Вдовина, ни его товарищей выводить перед людьми на чистую воду Фенькин не стал. У него была иная цель — припугнуть разоблачением компанию эту и схватить с нее в качестве отступного добрую половину взятого ими от заказчика поджога. Как и чем закончилась та задумка не очень-то умного, но стремящегося беспрерывно стать богатым милицейского капитана со временем суждено было узнать четверым — Вдовину Максиму, двум его дружкам, побывавшим с ним в Чечне, и старику Мартынову.

Фенькин, упредив Максима заранее, что придет к нему на дом по важному делу ровно в полночь, встал на его пороге точно в обусловленный час. В небольшом опрятном зале Вдовин сидел в одиночестве. Мать его, проводница, в полдень отбыла с пассажирским на Москву, сестра ушла ночевать к подруге. Дружков же своих хозяин жилья устроил за пологом спальни. Разговор у милицейского офицера с бывшим рядовым десантником пошел в зале за столом.

Капитан, в обращении с простым человеком всегда грубоватый и самоуверенный, сразу взял быка за рога. Он сказал, что среди «следаков» по факту пожара на даче только у него есть верная, но скрываемая им от прочих версия и к ней достоверные, неопровержимые доказательства. Он способен сегодня же дать по ней ход разработке, но способен и прикрыть известное ему наглухо и навсегда. Но прикрыть, естественно, не за так. Максим должен выложить ему половину от полученного за устроенный пожар, причем лучше в долларах. Вдовин выслушал его невозмутимо, отпираться от поджога не стал. Что ж касается выплаты Фенькину, сказал так:

— Ты б еще побольше закосил с меня. Четвертью от названной тобой доли обойдешься.

Капитан вообще-то на большее не рассчитывал, но попробовал поупираться, настоять на ранее запрошенном. В конце же концов согласился на треть.

— Хорошо. Пиши расписку, — заключил повелительно Максим.

— Что?! — обалдело вытаращился милиционер. — Издеваться вздумал надо мной? Не хватало, чтобы я тебе расписки писал.

Максим хоть бы шевельнулся, сохранил невозмутимость.

— Не напишешь — не получишь ни шиша.

Фенькин начал свирепеть.

— Да я тебя изувечу сейчас, гад!

Роман ровно упредил:

— Я с тобой поскорее могу сделать то же самое. Так что ты на понт меня не надо. Вот тебе бумага, — взял он чистый лист с угла стола. — А вот шариковая ручка. Изложи, за что получаешь с меня баксы и в каком количестве. Да не вздумай химичить. Почерк твой я знаю. Подпись-закорючку тоже видел и запомнил. Оформляем все как надо — и адью. Ты о нашем сговоре никому ни слова, ну и я, само собой. К чему нам друг друга гробить, правда?

Фенькин вряд бы сделал все, как потребовал Максим. Но когда увидел, что тот достал из кармана брюк и упер стволом в столешницу «макарова», взялся за бумагу и за ручку. Написал три строки под диктовку Максима.

— А теперь, — поднялся из-за стола, — давай, как положено. Баксы и бумагу одновременно из рук в руки.

Вдовин тоже встал.

— Прежде я прочту бумагу. Ты там всякое мог наворочать. Да еще на ней нужны подписи свидетелей.

Острый нос капитана Фенькина сделался мертвецки белым.

— О каких таких свидетелях речь?

Максим, не спуская с него глаз, качнул за спину затылком и там из-за полога спальни появились два качка со взглядами, не сулившими ничего хорошего. Забыв про бумагу на столе, Фенькин дернулся к дверям в коридор. Максим изловчился и успел подсесть его ногой сзади. Опрокинутый навзничь, Фенькин хрипло выдал:

— Только не кончайте! Сделаю, как хотите.

— Поднимайся. Приведи себя в порядок. И пошел отсюда, — тяжело сказал Максим. — Да гляди, надумаешь что-то против нас, мы тебя из-под земли достанем. И тогда, считай, ты не жилец уже.

В ту ночь в скудном освещении уличных нечастых фонарей из тьмы сверху плавно заскользила на землю реденькая пелена снега.

Фенькин, уходя по улице к центру города, в сердцах вовсю костерил нагло провернувших его «чеченцев» и уже начинал подумывать, как бы круче посчитаться с ними.

* * *

О пожаре в Лесном Углу Андрей Федорович узнал на вторые сутки после случившегося. Ему рассказала о нем Вера.

Поздним вечером перед сном старик долго думал о том, кто бы мог спалить Романов коттедж и надворные постройки при нем. Ничего определенного в голову не приходило. Многие могли решиться на такое. Но кто б не решился, поступил он правильно. Неправедно нажитое и должно было сгореть...

Перед тем как уйти наконец-то в сон, уже в дреме, в полусне, Лесной Угол отступает от старика, и он чувствует наступление знакомого ему, пережитого не однажды раньше. Он постепенно уменьшается, обращается в нечто малое, чтоб исчезнув из сегодняшнего, обрести себя в ином бытие,, возвращается в Кандыбовку, в прожитое там. Со всей ясностью видит себя ранним утром у плиты на кухне, ощущает запах сбежавшего молока. Слышит осторожный, легкий стук в дверь из сеней. После его энергичного: «Заходите!», — видит из кухни: на пороге встает тщедушная незнакомая, явно не кандыбовская женщины. У нее седая голова, робкий, выжидательный взгляд, щеки в частой сетке морщин. Он старуху эту видит впервые. «Вы ко мне?» — смотрит вопросительно на нее. «Я, — начинает сбивчиво старуха... — Мне сказали, вы — Мартынов». Он кивает: «Да». «Андрей Федорович?» «Андрей Федорович». Он не понимает, почему при таком его ответе на ее мелко вздрагивающих ресницах появляются вдруг слезы. Лицо делается жалким, страдальческим, однако в то же время проясненным, обрадованным. Удивительная посетительница! Что ей надо от него? Спросить он не успевает. Старая женщина неожиданно стремительно шагает к нему, вскидывает руки на плечи, сухими губами тычется в края его губ, в подбородок, в нос, плачуще и очастливлено выговаривая при этом: «Мой Андрейка, Мой Андрейка!».

В раннем детстве так называла его только *она!* И теперь он узнает ее по ласковым теплым глазам и по ямочке на подбородке. Полный день они сидят в одной из двух комнат, занимаемого им небольшого дома друг перед другом, глядя в очень измененные годами лица. Они словно многократно скомканные, сжатые не раз и после того разглаженные карандашные наброски на бумаге. Он, сын, не однажды порывается подняться, принести на стол хотя бы чай. Мать поспешно поднимает останавливающую его на месте сухую

ладошку. Она говорит и говорит и никак не может приостановиться и передохнуть, хотя в ее речи многое дается нелегко ей, с трудом, с невольными сбоями, когда память не подсказывает ей вовремя единственно нужное в этом месте слово. Мучается она и другим — скомканностью и невнятицами в речи. Ему не вдруг удастся все разобрать, понять, но в конце концов до него доходит: после Карлага она несколько лет проживала у единственной сестры в Свердловске, где в последнее время у нее случились два инсульта, второй — после похорон сестры.

Почему после освобождения она подалась из Казахстана на Урал? Потому что на запрос ее из Глинок сообщили: у них в городе А. Ф. Мартынов не проживает. К кому было ехать ей сюда?.. «И еще, — продолжает она после некоторой заминки, — к тому времени ты уже был, по моим понятиям, как-то устроен. Появлением своим в то время я, скорей всего, усложнила бы, наверно, твою жизнь». «Мама!» — оскорбляется он... В это время выражение ее лица меняется. Оно смягчается и светлеет. Она переходит на другое. «Для нас, ЖИР, «жен изменников Родины», не имеющих никаких судимостей, легче было в самое трудное, голодное время, в войну, когда мы валяли валенки для армии, шили ватники. По две нормы давали. Сами напрашивались на сверхурочные. Понимали, как нужны были в те времена. Согревали тех, кто в снегах, в сражениях. Вкладывали в карманы ватников, нацарапанные на бумажках пожелания непременно выжить, уцелеть и победить».

В ночь матери становится плохо. К утру она ослабела, не могла уже подняться с постели. Трое суток Андрей Федорович кормил ее с ложки. Опираясь на подбитую под спину подушку, она плохо держала голову. Неряшливо ела. В какую-то долю секунды Андрей Федорович ловит себя на том, что непроизвольно морщится. Она замечает и роняет прерывающимся голосом: «Потерпи, Андрюш. Скоро я тебя от себя освобожу». У него от стыда перехватывает дыханье: «Мам, о чем ты? Разве ты мне в тягость?» Мать ему не отвечает.

На четвертые сутки в третьем часу ночи он привычно пробуждается, слышит изредка пропадающее дыханье матери, на носках подходит к ее койке и присаживается на краю. Спящая обирает пальцами у горла край простынки, поправляет ее сбоку под себя, натывается на ладонь, присевшего подле, мягко гладит ее пальцами, вдруг роняет руку на бок и какое-то время, кажется, не дышит. Он

тревожно наклоняется над ней. Она начинает дышать. Но вздох, как дышат убегающие из последних сил от какого-то ужаса. Он спешит на кухню за стаканом воды, по пути включает электричество. Возвращается — она мертва...

Пробуждается он весь в поту. На полу у его кровати слабо розовеет узкая полоска света, протянувшаяся от кухонной форточка. Город продолжает спать. А ему в это время почему-то вспоминается давным-давно в ночь перед смертью сказанное матерью: «Страшные времена, Андрюш, для России миновали. У нее по всем приметам впереди светлая, свободная жизнь. Она к ней обязательно придет».

* * *

Эта фраза, тогда почти не задевшая его слуха, повторяется в его памяти после того сна чуть не ежедневно. Иногда печально или иронически. Иногда, заставляя снова и снова глубоко задумываться.

Прежде чем опять отправиться в Лесной Угол, он отвел себе три дня, чтобы походить по городу, присмотреться, как и чем живет городской народ. Пропадая на сотках своих, этой жизни он практически не знал. За все лето ни единожды не побывал на улицах и на рынке, не приглядывался, чем и как торгуют на базаре, в ларьках. Думал, что и без того все знает, иногда включая телевизор. А с экрана его в глаза лезло одно — аресты, погони, драки, стычки в Думе, бесконечные пожары, аварии. Хоть бы промелькнула, когда, чем и как живет село.

В своем городе ничего похожего на телевизионные разборки он не увидел. Шли по улицам спокойные люди и, как правило, неплохо одетые. Чего не бывало в прежние, недавние времена, в магазинах торговали колбасами, сыром, молоком и мясом, тортами и прочим. Опустившихся попрошайек он не встретил.

В то утро за порогом бани, в зале с кассой, в парикмахерской, в буфете, не было ни души. Пожилая толстая нелюдимая по виду кассирша упреждающе пробубнила:

— Билет в общую помоечную двадцать рублей.

Во вместилистой раздевалке сумки и белье занимали только три места. Причем, двое помывшихся уже одевались. Один — весь изношенный, кожа да кости — одевался проворно. Второму занятие это давалось не просто. Грузный и одышливый, с багровым лицом, он с трудом натягивал носки.

В моечной спиной к вошедшему на одной из бетонных длинных лавок возле тазика усердно сопел крупный лысый мужчина. Он намыливал бирюзовую мочалку, а намылив, принялся с нажимом тереть ею плечи, грудь и руки. Взглянул на вошедшего, лишь когда направился под душ смывать с тела пену. Они оба без труда узнали друг друга, хотя не встречались много лет.

— Привет, Мартынов, — приподнял ладонь идущий под душ.

— Здравствуй, — отозвался Андрей Федорович.

Поздоровались они так, словно виделись не далее как вчера. Поначалу оба мылись молча. Погодя немного, слово за слово разговорились. Обо всем и ни о чем. Вспомнили, что учились в Глинках в одной школе, только в разных классах. После армии, когда молодого Мартынова направили на работу в Кандыбовку, где прожил он несколько тяжелых, трудных лет, Токарев постепенно дошел до поста заместителя генерального директора по быту в местном глинкинском «ящике». Под его рукою многое тогда было — общежития, квартирный фонд, крупное подсобное хозяйство, ежегодный пакет санаторных и курортных путевок. Для гостей столичных он построил дом охотника, выбив лучшее в округе уголье. И себя не забывал при этом. Как давно стало известным Мартынову, в застойные времена он при скромной зарплате в лучшем месте города для себя коттедж отгрохал. Рядышком — просторный гараж. Не в скоплении с другими, в престижном местечке, где всего два дачных уголья, уже будучи на пенсии, особняк поставил. И все-таки продолжал завидовать более хватким. Рассказал: теперешний глава «ящика» норовит его, этот «ящик», перепрофилировать, приватизировать и со временем передать по наследству сыну.

— Понял, для кого перестройки и реформы всякие закладывались и раскручиваются все полней? — подморгнул он Мартынову. — Для таких вот хватких, головастых. Коммунисты, серым веществом не обделенные, знают, как ворочать надо. А то кое-кто справляется все, почему, мол, крупные из них не подняли партию против Горбачева, Ельцина. С чего б вздумалось им восставать?

С прилипшими к пояснице и плечам мелкими листочкам от венника он прошел с шайкой к крану, дважды окатил себя холодной водой.

— Вот так! Хорошо. Теперь — перерыв. Пройдем в комнатку по соседству. Пивка примем. И посолонцуем лососинку.

Андрей Федорович отказался. У него на пиво запрет. Желудок бастует.

В предбанник они вышли вместе. Токарев набросил на тело банное большое полотенце, присел на скамью. Наблюдая за неспешно одевающимся старым знакомым, он теперь о чем-то думал, иронически помалкивал. Вытертые досуха его плечи, грудь, лицо скоро снова увлажнились. На лбу высыпали мелкие просинки пота.

Когда Андрей Федорович надевал пиджак, в стекла окна сыпнуло мелким снежком.

— Ты отсюда как? — спросил его Токарев.

— Пешком.

— Ну гляди. Я бы мог подкинуть. У меня своя машина здесь.

Андрей Федорович вновь отказался. А когда он был уже у порога, Токарев спросил:

— Да, а как ты с партией? Кое кто от неё отошел.

— И ты тоже?

Спросил и заметил: еще б чуть — дрогнул и вильнул бы в сторону токаревский глаз. Но нет, он его от собеседника не отвел.

— Зачем?

— А я сдал, — неподвиженно для себя соврал Андрей Федорович.

Токарев вздохнул:

— Может быть, и я скоро попрощаюсь с ним... Мы, считай, свое отжили. А туда, где, как говорится, ни горестей, ни печали, что ты с красной книжкой, что без — один хрен.

За стеклянными дверями бани Мартынова обдало налетевшим ветром.

На обратном пути перед мысленным взором Андрея Федоровича проплыло лицо повстречавшейся с ним по дороге в баню девушки. И как магниевой вспышкой ярко — только запоздало — озарило: прошла мимо Алевтина, дочка умершего врача, Аркадия Осиповича. Он же видел ее не единожды. И глаза ее, и лоб, и приподнятый подбородок. А был слух, милиция ее ищет... Еще через несколько шагов поразило другое — почему же старый Токарев ни словечком не обмолвился о своем недавно отравившемся племяннике? Или совесть не позволила? Или он был совершенно равнодушен к этой своей копии?

* * *

После бани Андрей Федорович без малого три недели сутками изводился от наплывающей на него в наступившую пасмурную,

хмурую погоду и телесной и душевной бесконечной угнетенности. За все это время из своей холодной, промозглой городской квартирки он почти не выходил. Хлеб ему покупала, приносила Вера. Дважды заходил проведать Владлен Мазнев. И при них он оставался таким, каким был в привычном одиночестве — целиком ушедшим в себя. То и дело пропускал мимо ушей то, о чем разговаривали с ним. Когда ж опять оставался один — снова, снова, снова приходило безотвязное в голову — ну зачем прожил он на земле целых восемьдесят лет? Даже с гаком. Ну зачем:!? К чему? Лежал с ладонями под затылком в узкой жесткой кровати и не находил ответа на свое «зачем». Да, он делал то, другое, третье. Много чего делал. Изводился в разных заботах. Творил доброе и не очень. Но что от всего того останется после него? Ровным счетом ничего.

Изводился так, пока однажды просветленно не восстал против самого себя. Как так — ничего?! Да во многом нынешнем есть крупица и его труда. Да. Да. Есть. Во всем есть. Подумалось так — поплыла перед глазами городская улица, по которой он прошелся недавно. С новыми домами. Но он тоже много чего строил на ней. Проплыл широко раздавшийся шумный и обильный рынок. Открывался он, однако, при нем. Протянулось скопище легковушек на центральной улице... Пока он нигде не появлялся годами — кроме «Лесного угла» — жизнь, оказывается, шла пусть не так, как ему хотелось бы, пусть чужим для сердца его, диким чередом, но шла. Люди жили и живут... Может, так и надо? Может, все чужое, черное со временем отойдет от глубинного, побежденное человеческим, людским?

Через день он почувствовал себя вполне сносно. Ночь проспал нормальным сном. Пробудился взбодренным. В шестом часу, без труда поднявшись с дивана, прошел к окну посмотреть на раннюю улицу. Выпавший в ночь тонкий снежок сделал ее чистой, белейшей. Над ней постепенно расширялась бледно-голубая, с единственным облачком, небесная высь. Облачко медленно истаявало.

Как же можно было упускать нынешнюю редкую легкость в теле и такое утро, обещающее солнечный, мягкий день? Неспеша прибравшись, позавтракав, Андрей Федорович собрался на дачу. Спички и ключи — в карман. Загодя приготовленную легкую кошелку с крышкой — с собой. В ней он привезет в город Стрелку. Чтоб никто не косился на него, не ворчал бы осудительно: «Ну вот. Не хватало нам еще с собаками ездить». Перед выходом за дверь взял из

холодильника давно купленные специально для нее два небольших кружка ливерной колбасы. И с кошелкой, с сумкой — за порог.

Автобус из города выходил почти пустым. Ехали в нем два молодых учителя дальней сельской школы, проживающие в городе, и три старика помоложе Алексея Федоровича. Ехали без разговоров. Лишь за городом старики, сидевшие рядком, перекинулись между собой двумя фразами. «Не слышал, — спросил один, — дочиста сгорел коттедж в Лесном Углу?» «Дочиста», — ответил второй.

Андрей Федорович чуть ли не неделю назад как узнал от Веры, от соседей по лестничной клетке о случившемся в Лесном Углу. Да, сгорел романовский коттедж с мелкими пристройками. Одни говорили, будто бы пожар устроили те, кого обставили на торгах. А по мнению других, огнем занялось все, потому что два охранника дома в ночь ту были пьяными в стельку.

Без малого через час, на второй загородной остановке старик выбрался из автобуса. К дачному поселку отсюда вела, уходящая налево, припорошенная снежком тропка то ли с очень ранним, то ли со вчерашним поздним следом. Шлось Андрею Федоровичу хорошо, легко. Слабости обычной в теле не было. В нынешнем году он с конца июня начал примечать — она нарастала постепенно, от недели к неделе, но если не считать последней простуды, до середины нынешнего лета на здоровье он не очень жаловался. Правда, сердце чаще прежнего сбивалось с ритма и перед глазами на какие-то мгновения начинали наплывать все собою закрывающие радужные пятна и спирали. И ему поэтому думалось подчас: подступающие нынешние зимние холода станут для него, должно быть, последними. Каково-то будет выдужить бесконечные дни и ночи в стенах с едва теплящимися батареями. Н-да...

Сегодня же немощи в нем будто и в помине не бывало... Лес стоял немой просторный, глубоко просматриваемый. Кое-где на дубах еще рыжели редкие листья-пятнышки. Серовато зеленели тонкими стволами не частые среди дубков осинки. На середине пути сбоку брызнуло солнце, и лес тотчас же разлиновался в золотистую косую линейку. Впереди с вершинной ветки сорвалась небольшая шапка снега. Полетела пылью вниз, радужно, искристо вспыхнула в полосе ярких и косых лучей. От чистого, свежо шипящего ноздри воздуха у Андрея Федоровича на коротких срок приятно пошло кругом в голове.

На входе в поселок в ноги ему бросилось, затолкалось мордоч-

кой в коленях заскулившее небольшое существо. Стрелка, видимо, давно пребывала здесь совсем одна. На зиму собак в опустевшем поселении не оставалось. Стрелка исхудала. На ее загривке и на впалых боках топорщилась грязная шерстка.

Андрей Федорович все продумал по дороге в Лесной Угол. Колбасу он прежде стеллит в домике на плитке, лишь потом скормит Стрелке. Стоило, однако, ей вскинуть на его колени вздрагивающие лапы, а ему увидеть в ее глазах голодное, колотящееся нетерпение, как он поспешил извлечь из кошелки половину первой кружалки. С усилием разломив ее, основательно промороженную, обжигающую холодом пальцы, бросил Стрелке кусок. На еще не смягчившемся на раннем солнце снегу кусок этот ускользал, не давался ей. Только после нескольких попыток она перегрызла его надвое и, давясь, запрокидывая голову повыше, принялась судорожно заглатывать первый кусок, в напряжении прогибая спину вверх. Проглотила, принялась за новый, поменьше. С той же судорожной поспешностью завозила его по снегу, разгрызла с трудом. Опустившись на корточки, Андрей Федорович потянулся к ней рукой, вознамерясь успокаивающе прикоснуться к ее лбу. Нет, ей было не до ласки. Она увернулась от его ладони. Ей хотелось есть и есть. Только есть! Он не удержался, дал ей снова маленький кусок, а потом и всю вторую половину кружка. Она край его обгрызла, заглотила. Облизала кровоточащие десны. А остаток половинки захватила посредине, отбежала с ним в сторонку, быстро-быстро разгребла там снег, положила обретенное на дно ямки и присыпала сверху снегом.

Наконец, они продолжили путь к его домику. Стрелка то и дело забегала наперед, скидывалась перед ним, путалась в ногах и вдруг стремглав припустилась назад. Оглянувшись, он увидел, она хозяйски поправляла захоронку.

За своей оградой, у крыльца он развел маленький костер — электричества в поселке не было, его на день, видно, отключали. В большой банке из-под ивасей степлил извлеченную из кошелки последнюю колбасинку. Немного насытившись, расчетливая и запасливая Стрелка есть ее не стала, отнесла к куче старого заснеженного перегона и припрятала в ней. Ну коль так, пускай так. День велик. Когда надо, припомнит, прибежит сюда, подкормится.

Они посидели на крыльце, пока в Стрелке не пропали последние всплески мелкой нервной и голодной дрожи. Она сзади, как

обычно, пропустила голову и передние лапы под его левый локоть и стала блаженствовать в этой позе. Старик ласково поглаживал пальцем ее благородной лепки, раздвоенный посреди ложбинкой умный лоб.

Отдохнув, по следам, тянувшимся сбоку внешней стороны ограды, Андрей Федорович пошагал с дворянкой к реке. Отпечатки галош уходили вдаль, вели туда, где на повороте под высоким обрывом с соснами наверху горбилась на льду черная фигурка. Приближаясь к ней, Андрей Федорович узнал Мазнева.

Владен — в валенках с галошами, в ватном пиджаке, в треушке — с расставленными широко ногами сидел на зеленом низком деревянном коробе и подергивал над лункой во льду зимнее короткое удилище. У галош его валялись окуньки. Штук с десяток. Выуженные рано, когда был морозец, успели уснуть. Поперечные темные полоски на них посерели. А два, покрупнее, в ладонь, яркости пока не потеряли и нет-нет подскакивали.

Подойдя к удильщику, Андрей Федорович поздоровался. Стрелка опустила у его ноги. Владен не поднялся, лишь на время перестал подергивать леску. Подбородком, осуждающе, повел на собаку:

— Лебедь буду, ну характерец у этой особы. Я с собой, Федырыч, прихватил два бутерброда. Отвалил один по-братски ей. Проглотила, не жевнув. Сюда звал, на рыбу — ни в какую. Прозевать тебя боялась, что ли? Отболевал, ты в который раз сюда приехал? — Услыхал, что впервые, подтолкнул треух на голове. — Значит, лебедь буду, она Кашпировский. Экстрасенс. Не ошиблась, угадала, что приедешь нынче. Накормил ее иль нет?

Услыхал, что да, посдвигал галошей свой улов, пару окуньков отодвинул к Стрелке:

— Разговляйся.

Стрелка поднялась, опустила вздернутое было ухо, коротко лизнула языком по верхней губе, но осталась у ноги Андрея Федоровича. Мазнев мрачновато глянул на нее, встал.

— Когда сытая, ишь с каким ты гонором... Ну-ну!

Он за осень основательно похудел. Потемневшее лицо его осунулось. У Андрея Федоровича само собой выговорилось:

— Ты отчего так сдал?

— Ха! — выдохнул со злинкой Мазнев. — «Отчего». От сплошного отдыха... Вот житуха у тебя, Саврасов. Огребаешь пенсион

приличный и не знаешь, как живет коренной простой народ. Как-то приходится, скажем, семерым из десятка нашего брата... Я, лебедь буду, крупно опозорился недавно. От нечего есть с незажившими болячками целую неделю коробейничал у хозяина одного, разворотливого мальчишки. Распалился в споре с ним, грохнул короб его ему в ноги, кйроб с разным потайным товаром, и зарекся унижаться по гроб жизни — чтобы я, литейщик классный, всякой поганью торговал? Да пошло оно, такое, к чертям всяким!

Замолчал. Достал сигаретный бычок, прикурил от спички, пустил из ноздрей быстрые короткие струйки дымка. Курил Мазнев так, словно отвели ему на курево всего полминуты. Кривя губы, обжигая пальцы, затянулся напоследок и свирепо плюнул на раздавленный им на снегу крохотный чинарик.

— Я б теперешних хозяев жизни... — сказал яростно сквозь зубы. — Ух ты! Что творят... Летом был у наших работяг неоплачиваемый отпуск. Теперь, в зиму, ползавода еще на таком же. А чего, скажи, жевать народу в таком отпуске? А? Ну чего?

Старик горько промолчал. Что он мог сказать?

Распалено посопев, Владлен глуховато справился про другое: дошло ль до него, что недавно сожгли дачу Романа? Услыхал, что дошло, испытующе сощурился.

— Ну и как ты отнесся к этому?

— Поделом сожгли, — ответил старик. — Иль ты думал я отвечу по-другому?

Мазнев не успел ничего сказать. Помешала Стрелка. Она неожиданно метнулась к лунке и отчаянно-звонко взяла. У нее совочками встали уши и встопорщилась на загривке шерсть.

Короткое пластиковое удилице с пробковой рукоятью, положенное рыбаком у лунки, само надвинулось на нее, оказалось серединой на ней. Распрямилось. Вновь прогнулось. Мазнев подсеченно рухнул на колени и в треушке, сбившейся на брови, стал вываживать из глубины заходившее кругами там неподатливое, упирающееся. Забыв обо всем на свете, он от усердия выпятил нижнюю губу, изнутри желто тронутую никотином, напряженно задвигал рубчатými желваками. Андрей Федорович и замолкшая Стрелка неотрывно наблюдали за ним. Осторожно сматывая кольцами леску, Владлен подвел добычу чуть не к самой лунке. Но тут рыба снова прынула в сторону и в глубь, и удильщик сразу торопливо сбросил несколько колец лесы. Так он делал еще трижды, локтем со-

швырнув с себя треух. Глухо, зло, ожесточенно выругался. А спустя немного, тонко, плачуще простонал.

— Ух какая чертоломина влупилась! Через лунку как ее? Уйдет!

И опять леса натянулась, задрожала. Помаленьку, полегоньку пошла вверх. Желваки на скулах Мазнева замерли. Верхняя губа козырьком застыла над небритым подбородком. В лунке показалась рыба морда. На лед выплеснулись прозрачные язычки воды. Красными срывающимися пальцами Владлен — будто обжигаясь — захватил со второй попытки не дающийся поначалу щучий нос. И вновь плачуще зажаловался.

— Упущу! Лебедь буду, упущу такую! Ну как ее взять?

Но выгаскивал-таки ее. Рыбья голова подалась повыше. Над обрезом лунки показались стоячие, в желтых ободках глаза. И Владлен моментом перебросил кольца лески в левую руку и с непостижимым проворством воткнул пальцы правой руки — указательный и большой — в глазные проемы щучьей длинной и костистой головы. Вдавил в глубь ее глаза и ликующе — победно во все горло, на всю речку проорал.

— Всё!! Я тебя теперь возьму! Теперь, милка, ты моя!!

Подтягивая рыбу наверх, он с колен поднялся на корточки, с корточек — постепенно в рост. Щуку временами обжимала узковатая для ней лунка. Мазнев осторожно принялся тянуть ее в две руки. Тянул и в азарте продолжал орать.

— Наша! Все! Лебедь буду, наша! Ух ты чертоломина!

Поднятое им головою ближе к поясу длинное и скользкое тело рыбины замерло с изогнутым хвостом. Боль от вдавленных глаз парализовала щуку. Брошенная на присыпанный стеклянистым снежком лед, она трудно перекинулась с боку на живот. Стрелка любознательно приблизилась к ней, исподальки потянулась прикоснуться лапой и мгновенно отскочила, взлаяв. Щука круто, сильно выгнулась и взлетела на мгновение серым полудужьем надо льдом. Владлен победительно сиял.

— Взять такую на лесу для окуня — сам бы сроду не поверил!

Все недавние недовольства отступили от него. Он жил лишь сиюминутным и нетерпеливо отмахнулся от Андрея Федоровича.

— Пропади он пропадом полудневный автобус! Я поеду в город к вечеру.

Сказал так и с несвойственной ему какой-то детскостью, со смущением за ребячий азарт подморгнул.

— Говорят, удачи ходят парой, Федорыч. Глядь, да вытяну еще. Закурил, успокоился и заговорил совсем о другом:

— Когда клева нет, я терзаюсь, Федорыч, из-за разных мыслей... Мне до слез обидно, как СССР обкорнали с запада и с юга. Сколько отошло от Союза бывшего!. К добру ль это? Жили-т дружно. Нда... Постепенно нас обкладывают со всех сторон. У тебя такое ощущение есть?

Старик скучновато покивал. А Владлен продолжил:

— И еще не по духу мне что творится на селе. В Израиле и то есть колхозы. Я тут про кибуцы, или как там их. А у нас, говорят, скупают земли новые помещики... Ну да ладно. Поглядим, что будет... Давай трогайся к автобусу. А то опоздаешь.

* * *

Возвращаясь от Владлена, старик легко дошагал до дачного поселения, от него, отдохнув с часок, до дубравы и пошел по ней к автобусной остановке. Он доволен был собой. А что? Побывал на чистом воздухе. Накормил досыта Стрелку. Видел редкую рыбачью удачу. Повезло — и Владлен мгновенно изменился. Он вообще-то добрый малый. Жизнь его безбожно корежит. Так нет, он еще и на рыбалку выбирается. И ему, старику, надо также жить. Утром встал. Еду, термос с собой. И со Стрелкой на автобусе сюда. Может, даже и с подледной снастью. С какой стати он законопатился в своих почти не отапливаемых стенах? Оттого и слабость, и тупые головные боли. И пульс бьется через пень-колоду. Ему начало верить-ся: так отныне он и заживет. И не просто верилось — он немало в том не сомневался. В конце концов, что такое его годы? Не такие уж дремучие.

В лесу он минул две трети пути, когда поскользнулся на толстой ветке, валявшейся на тропе. Его прострелило от внезапности, и он дернулся всем телом. Устоял. Но от резкого движения в мозг стегнуло обжигающим. Зажгло и закаменело за левой лопаткой. В глазах закрутилось и закаруселилось многоцветье. И накрыло такой слабостью, что он слепо, суетно, ищуще заводил по сторонам руками. Натолкнулся правой на шершавое, надежное. Привалился боком к дубку. Обхватил его и стал постепенно оседать на тряпичных, вялых ногах. Сказал себе мысленно: «Ничего, посидишь, придешь в себя». Опустился на снег, потянулся прикоснуться к тонко-тонко и совсем негромко заскулившей Стрелке. Не успел. На

него устремился с выси... самолет. Тот, что заходил в сорок втором на понтонную переправу из— под солнца. Рванул справа от понтона взрыв. Красно лопнуло что-то в затылке. И мгновенно захлестнуло немой черной водой...

* * *

Пришел в себя — в голове забродили затихающие трески, вызвоны, шумы. Слабо подташнивало. Сколько длилось беспомыслие?.. Тени вытянулись и сместились несколько, позолоченности в воздухе поубавилось. Перед ним вкопано стояла Стрелка. Но как только он немного подвинулся, ожила, затопталась на одном и том же месте. Усталой рукой он слегка похлопал себя по бедру. И она тотчас поняла, чего от нее хотят. Виляя всем телом, тронулась к нему. Теплым влажным и шершавым языком лизнула в ладонь, и он мягко, нежно стал поглаживать пальцем теплую срединную ложбинку ее лба. Странно: то, что с ним случилось и чего давно страшился он, не ввергло его ни в растерянность, ни тем более в панику. Он остался, каким был до удара. И что окружало его, тоже сохранилось почти прежним. Так же голубело в редкой и высокой сетке тонких ветвей притухающее постепенно. небо. И таким же оставался пахнущий лесом и подтающим за день снежком чистый воздух. По-прежнему пошумливали невдалеке дорога. Вблизи дробно простучало. Дятел? Эти звуки, краски, запахи — стоило ему придти в себя — стали сочнее, четче, ярче будничных, привычных. Обступающий его мир как бы обновился, сделался первородным — как в далеком и полузабытом детстве. Неожиданно, через целые полвека с лишком, как вчерашнее увиделось, что мелко перед тем, как его накрыло черным — ярко-синий Дон, понтонная переправа, плотно запрудивший ее голодно мычащий скот и они, парнишки-солдаты, едва выскочившие из окружения, в большинстве своем раненые и контуженные и теперь назначенные регулировать движение на переправе. Из-под солнца вынырнул небольшой, круто взявший вниз самолет, покрывая все чужим стонущим ревом. У понтона один за другим поднялись еще два столба воды. Его, легкого, плотной силой подшвырнуло вверх, и через мгновение он барахтался в ледяной воде. Потонуть ему не дали. Вытащили.

Он с запиской лейтенанта был оставлен в городке поблизости от понтонной переправы. В окраинном домике старенькой учительницы. А когда начал приходит в себя, вот таким же, как сейчас,

обновленным, ярким, звучным предстал перед ним и не яркий, и не звучный мир — серый, трудный мир сорок второго. На какой же день он ушел от старой учительницы? Не пускала. Говорила, отойдет от ее жилища немного — упадет, замерзнет. Но ему надо было догонять команду. Он ее, конечно, не догнал. Пристал к другой, что шла из Донбасса. В пути дневок у них не было. Едой они не снабжались. Ели то, что давали обнищавшие в своих селах старики-старухи. До Камышина на Волге добирались два месяца. Без единой за весь срок помывки в бане...

Ослабевшему, ему хорошо сиделось со Стрелкой. Однако же надо было двигаться к дороге. Он собрался посмотреть, который час и уставился недоуменно на левую руку: непослушная, она не поднялась. Даже пальцы не шевельнулись. Он поднял ее с колена правой рукой. И одновременно ощутил, что не в состоянии подвинуть, подтянуть и левую ногу. И вот тут-то обожгло его пугающим. Как же теперь быть? Заикнулось, забухало за грудиной сердце. Увлажнился жаркий лоб.

Выручил дуб. Опершись правой о него, перехватываясь с каждым разом понемногу повыше, он сумел-таки подняться. Левая рука висела веревкой. А отекая нога отнялась не окончательно, прогибалась чуточку в колене. Одеревеневшую, не ему как бы и принадлежавшую, с третьей-пятой попытки ее удалось-таки подтянуть к правой. Старик тронулся вперед, как ходят разбитые и слепые — выставив перед собой здоровую руку, издали тянувшуюся напряженно ко всему, за что можно было ухватиться, на что можно опереться.

После каждого трудного перехода от дерева к дереву он приостанавливался, отдыхал. Иногда казалось, что нога становится чуточку послушней, и он в один из таких моментов, приободрившись немного, обратился к терпеливо и непонимающе снизу вверх смотрящей на него собаке. Обратился и оторопело услышал не свой — чужой, жеванный, немтующий голос:

— Ни... его... мы обою выкутимся.

Пораженно замолчал. Это было уж совсем никуда. Когда так вот с языком. Больше он не проронил ни слова.

Раз за разом, не удерживаясь, оползая, падая, он пытался подняться по крутой подсыпке к полотну дороги. Ничего не получалось. А тут к остановке, подошел автобус. Он к нему не мог успеть, конечно. Он вообще не мог достичь асфальта. Но пускай и незна-

дежно, вскинул все же руку. Ни шофер, ни пассажиры, даже если бы и посмотрели в его сторону, не смогли б ее увидеть.

* * *

Из автобуса на остановке сошел единственный пассажир. Парень в унтах, в куртке нараспашку и без шапки. Он кому-то прокричал в салон.

— Мне отсюда до тещи минут двадцать ходу. Как бы я ее не навестил? Да ты что?!

Створки дверцы дернулись, но не тронулись друг к другу. Их, должно быть, заедало. Опять дернулись.

В это время Стрелка со всех ног выкатилась, выскочила на асфальт и с отчаянным брехом заметалась перед самым автобусом.

Парень в унтах туповато вскинул глаз свой на нее, оглянулся на лес — не спешит ли там ее хозяйин? Увидал распростертого на подъеме, но с приподнятой головою старика и замолотил кулаком в только что сомкнувшиеся створки.

Стрелка продолжала неистовствовать и бросаться с лаем в колеса. Створки снова разошлись.

— Стой, шеф! — гаркнул парень повелительно шоферу. — У тебя гляделки где? Кобелька задавишь! Да старик тут терпит бедствие. Тебе надо взять его с собой.

В автобусе разом раздалось несколько нетерпеливых, раздраженных голосов:

— Не хватало подбирать еще кого-то.

— Не успел к посадке, пускай добирается как знает!

— Ехать надо!

Шофер дверь, однако, открыл.

В это время из-за кромки дорожного полотна показались голова, плечи и за ними стала вырастать фигура старого, боком, скованно поднимающегося человека. В передернутом пальто. Старика подталкивал и поддерживал сзади парень. Стрелка суетилась между его унтами и ботинками Андрея Федоровича. Парень тоском проволока старика до автобуса, не помог подняться — сам поднял его в двери, с веселинкой протолкнул вовнутрь.

— Ну ты, батя, дух! — сказал. — Поднабрался почище меня. Без моей гуманитарной помощи тебе бы каюк. А теперь доедешь, доберешься.

Старик подвлочил к правой левую ногу, ненадежно, тем не ме-

нее, все же укрепился на обеих у хромированного поручня спиной к дверям. Салон раздраженной, злее прежнего загомонил:

— Алкаша нам только не хватало!!

— Мы чего, в вытрезвитель, что ли, едем?!

— Этот дед, он свалится скоро. Прыгать нам через него?

— Шофер! Мы тронемся или нет? Вот бардак!

С четвертого ряда длинная сухая старуха с яростным лицом боярыни Морозовой, ни к кому не обращаясь, изрекла брезгливо, обличительно, глядя на стоящего к ней в профиль у дверей:

— Старики и те... Как же можно так по-свински напиваться?

Андрей Федорович не слышал ее. В это время он подумал оплошало об оставленной где-то кошелке, в которой собирался отвезти отсюда Стрелку. Зимой она здесь замерзнет...

Тем не менее, слова «боярыни» были первыми дошедшими до слуха его. Но не до сознания. Он ее не понял, да и если б понял, ничего б не выговорил в ответ. Зато вид его, его взгляд говорили о другом. После леса впервые глаза его сделались глазами малого ребенка, ясными, чистыми и добрыми. В дверь поднялся шофер, сухоскулый, подтянутый, строгий. Утишающе приподнял руку:

— Помолчим, — сказал. — Посмотрите на часы. Мы идем без опоздания. Приготовьте деньги. Обилетимся.

Он направился в конец автобуса и пошел замедленно оттуда, принимая плату. Пассажиры вновь повернулись к дверям. В них шумно вторгся запотевший в ходьбе, тяжело дышащий Мазнев. Со своим зеленым коробом. Он уперся в спину Андрея Федоровича.

— Где ты столько валандался, Федорыч? — спросил. — И с чего в проходе раскорячился? Проходи в конец автобуса. Мест там тоже нет, но стоять свободнее. Не желаешь? Тогда дай-ка, я протиснусь.

И он ловко проскользнул сбоку старика, чуть не натолкнувшись на поднявшуюся и направившуюся к выходу «боярыню». Старая женщина встала перед первыми креслами и сказала веско полнолицей девушке на сиденье у стены, чтобы та уступила свое место другому, тому, кто постарше. Девушка покраснела и спросила агрессивно:

— Кому? Вам? У вас есть же место.

«Боярыня» показала головой на стоявшего рядом с нею старика.

— Вот ему.

— Вы смеетесь? — оскорбилась полнолицая. — Этой пьяни?

Андрей Федорович понял: говорят о нем. Повернулся к женщи-

не и поспешно, отказывающе затряс головой. Ему было хорошо и так — ехать стоя. Вообще ему, по его понятию, стало крепко везти. В лесу был он только со Стрелкой. А теперь кругом народ. После удара у него ухудшились зрение и слух. Он не различал лиц сидящих в автобусе. И не очень понимал, о чем говорили там и тут. Но что от того? Главное, он был среди людей. Он смотрел на них появившимся у него в лесу доверчивым детским взглядом. И столкнувшись нечаянно с этим взглядом, полнолицая еще более покраснела и проворно виновато встала с кресла.

— Извините! — сказала смущенно. — Садитесь, пожалуйста.

«Боярыня» грубовато, повелительно увлекла пошатнувшегося и поддержанного ею старого человека к креслу, усадила полупринудительно, положила ему на колено его левую беспомощную руку. Поджав губы, тронулась к себе, разминувшись с приближающимся к выходу водителем. Скорбно и негромко выговорила в выпавшей на секунду тишине как бы про себя, но вслух:

— Да какие же мы русские теперь, господи? Если так друг к другу? Мы когда-то были русскими.

К тому времени на нее смотрели многие. И тишь затянулась. Разговаривали лишь двое сзади, но и те негромко Молодая худенькая большеглазая женщина, сидящая рядом с только что присевшим стариком, извлекла поспешно деньги из сумочки.

— Пожалуйста, — протянула водителю. — За меня и вот за... дедушку.

Шофер отсчитал ей сдачу.

— Получите. А за Федоровича вы побеспокоились напрасно. Он полвека назад рассчитался за свои поездки.

Соскочив на асфальт, водитель сердито закричал что-то парню в унтах. Тот старался поймать Стрелку. Но как только приближался к ней, она тут же отскакивала и присаживалась на обочине. Вновь и вновь смотрела в сторону автобуса.

* * *

Ни рука, ни нога у Андрея Федоровича не болели. Всего-навсего не слушались его. И он в кресле позабыл о них. В нем вторично в этот день возникло двойное — щемящее ощущение первородной редкостной чистоты одного из первых снежных дней и сменяющее его временами сосущее чувство некоей смутной вины в этом мире перед кем-то и за что-то. Вины неискупной и непоправимой. Про-

жив столько, виноват он был во многом, бесспорно. Но знал: его многие провинности всякий раз ему прощались людьми, потому что в них по отношению к ним не было ни черного зла, ни бесчеловечности. И все же, и все же... Он опять винулся перед ними. Перед Леной и Святохой. Перед Тиной, Верой, Мазневым. Перед Дедом и десятками других. Перед Стрелкой. Вспомнилось о ней — поплыло перед глазами нынешнее: как она, голодная, давилась кусками, как тепло, щекотно дышала в самую его ладонь и как, звонко и отчаянно лая, заступала путь автобусу. А он? Как же он ее, ни к кому помимо так не льнувшую, взял да и оставил в обезлюдившем до далекого тепла поселке? Как же так? Он теперь ведь не сумеет больше к ней.

В углу глаза сделалось тепло от малой влаги. Постепенно остывая, она стала холодить веко. Старик отер его пальцем правой руки.

Шофер, спустя несколько, взглянул через зеркало заднего обзора в говорливый, шумный до леса, а теперь непривычно онемевший салон. Большинство сидящих в нем ушло в свои думы. О чем думали они? О разном, конечно... И к Андрею Федоровичу пришло в голову свое... В последнее время эта думка кратко, вскользь, отрывочно появлялась у него не единожды. И сейчас, в пути, пришла неожиданно, негаданно. Он при этом усмехнулся ей мимолетно, снисходительно, с мягкой иронией в углу губ... А она продолжала самопроизвольно шириться и гасить усмешку губ... А что? Для преуспевания людского, лада на Земле всего-то и надо, чтобы всякий, нарождаясь, становился просто человеком. Че-ло-ве-ком. И во всем всегда оставался им. Только и всего... Да. Только и всего... Но пойдя ж ты, достижимо ли такое?..

Впереди вскоре начала наплывать городская окраина.

Николай НАСЕДКИН

ЗАВТРА ОБЯЗАТЕЛЬНО НАСТУПИТ

Повесть

1

Гроссман, Иосиф Давидович, был старый еврей.

Он сам так себя называл с недавнего времени: «Я, — взялся говорить-приговаривать, — старый еврей...» И добавлял что-нибудь вроде: «Меня за мякину не проведёшь!..»

Вот и на этого странного парня Иосиф Давидович сразу же обратил внимание, заметил его. Так, по крайней мере, он потом своей Свете-рыбке говорил-утверждал:

— Слушай сюда! Помнишь, как я тебе в первый же его приход сказал: «Это довольно интересно!», — помнишь? Меня, старого еврея, на прикиде не проведёшь!..

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации.

А прикид парня действительно заведению Иосифа Давидовича соответствовал мало. Да что там мало — совсем не соответствовал! «Золотая рыбка» — один из самых классных и дорогих баров-кафе в Баранове. Сюда заглядывают большие люди, настоящие гроссманы*, многие из них даже и подкатывают к самому входу на «мерседесах» да «тойотах» прямо по тротуару — на гибдэдэшников (или как там сейчас этих гаишников обзывают?) плюют-поплёвывают. Вот какие клиенты у Иосифа Давидовича! А этот...

У него даже сумочки-кошелька не имелось, навреде прежнего дамского ридикуля, в каком каждый уважаемый человек нынче свои повседневные капиталы носит. Барсетка называется. Да какая там барсетка, мобильника плохонького — и того не имелось! Одет почти как бомж-бродяга. Мороз ударил градусов под двадцать в этот день — да, да, как раз католическое Рождество было, это Иосиф Давидович хорошо запомнил. Сам он, правда, православный, но именно на 25 декабря такой небывало сильный в эту зиму, запоминающийся мороз придавил, да к тому ж было воскресенье — последняя отдыха: а Иосиф Давидович еврейскую субботу в память предков соблюдал-читил свято. Однажды, правда, нарушил он святую субботу, согрешил, но — дело того стоило: за одну ту субботу Иосиф Давидович сумел-умудрился нужный куш сорвать и жизнь-судьбу свою кардинально поправить. Так что прости, Господь Вседержитель, но как раз грех бы случился-произошёл, если бы Иосиф Давидович тогда свой шанс упустил...

Так вот, мороз приличный, а на парне этом курточка на рыбьем меху и чёрная кепочка суконная — такие совсем молодые пацаны, в основном студенты-школьники всякие носят. Полоска у кепочки с боков и сзади, вроде манжета — отвернул бедолага, прикрыл наполовину уши, а мочки, видно, чуть не отвалились: кинулся их сразу оттирать. А руки-то, руки! Красно-сизые, скрюченные — перчаток-то и в помине нет. Шарф, правда, на шее имелся да вполне приличный — цвета масла сливочного, почти белый, пушистый. Вязали, сразу видно, любящие женские ручки. Иосифу Давидовичу такие-подобные шарфы первая жена, Роза-покойница, вязала — последний вот сейчас и донашивает. Может, из-за шарфа-то Иосиф Давидович и не погнал странного посетителя, а — мог бы, мог. Ну, не погнать, а намекнуть толсто: мол-дескать, зачем вам, молодой человек, иметь свои неприятности?

* Гроссман (с нем.) — большой, великий человек.

Вон через дорогу, на Кооперативной, в подвале имеется пивной бар-забегаловка — вот там и пиво для вас есть дешёвое, и рыба пиву под стать порционными кусками. А здесь, в «Золотой рыбки», самое скромное пиво — 26 рэ за масенькую бутылочку или целый бакс, если на валюту-зелень...

Но нет, не сказал, не намекнул Иосиф Давидович и нукеру мордату своему, вышибале-секьюрити подмигивать не стал на странного посетителя. И шарф тут свою роль сыграл, конечно, и, как уже говорилось, нюх-чутьё Иосифа Давидовича сработал, да и — вот бывает же! — чем-то глянул этот странный зачуханный барановский парень старому еврею, несмотря на свою суконную кепочку, простылую куртку-неаляску, позорные брюки с пузырями на коленях и стоптанные сапоги. Возраст, что ли? Да не Иосифа Давидовича — парня. Ему даже кустистая мужицкая борода лет не добавила — тридцать пять всего, не больше. У Иосифа Давидовича сейчас бы старший сын, Веня, примерно таким был — если бы родился тогда, в 1970-м...

Парень вошёл скромно, робко, как показалось Иосифу Давидовичу. Да, вот ещё странность-то: очки на нём тёмные были — он их, отвернувшись, протёр концом шарфика, а уж потом уши растирать-отогревать взялся и публику почтенную оглядывать. Впрочем, публики ещё мало собралось — из шести столиков только два были заняты: за одним католики гуляли-праздновали, всё радовались-обсуждали, какая в их костёле рождественская служба прекрасная прошла-состоялась. Ещё за одним столиком, пожалуй, самые дорогие из дорогих гости сидели-оттягивались: Бай и Боров со своими гёрлами — решили-вздумали осчастливить Иосифа Давидовича, принять его угощение «жидовское».

Это, конечно, Боров — хам, свинья барановская, гой вонючий! — позволяет себе, когда нажрётся дармовой водки, «жидом» Иосифа Давидовича обзывать-клеить. Правда, Иосиф Давидович каждый раз с достоинством одёргивает хама: «Какое глупство! Вы меня вполне обижаете!..» Да разве с таким бандитам да ещё пьяным возражаешь? Тут же за наган-пушку хватается, желваками играть начинает... Свинья антисемитская!

Да, вот ещё почему Иосиф Давидович первое посещение того странного парня запомнил-зафиксировал — Бай с Боровом в тот вечер наведались. Они даже и не за *получкой* приходили, а разговор крупный до Иосифа Давидовича имели. А известно, какой разго-

вор у бандитов-рэкетиров с бедным старым евреем — опять дань повысили. Да ещё и обрадовали чуть не до инфаркта: отныне брать будут только валютой-зеленью — капустой, по-ихнему. Надоело им, видите ли, терять своё на инфляции. У Иосифа Давидовича даже нога увечная-больная заныла-застонала — он сам порой горько пошучивал: мол-дескать, от горя да от страха душа его в левую пятку убегает и там, в больной ноге, скорбит-плачется. Горько стало Иосифу Давидовичу, а — куда ж деться? Но и так сразу, в единый момент разве ж можно с родными деньгами расстаться?! Успел Иосиф Давидович сообразить, заплакался: мол-дескать, долларов в наличности нет, а тут Новогодье, Рождество, в банках сплошные каникулы... Дали бандюги срок две недели, наугощались в тот вечер всласть, до отрыжки за счёт бедного Иосифа Давидовича. И куда в этого хилого Борова-подсвинка столько дармовой-халявной водки влезает?

Одним словом, огорчённым был в тот вечер Иосиф Давидович. Очень огорчённым. Но виду старался не показывать. Выходил то и дело в зальчик, самолично, хромя к входу, встречал больших гостей, приглашал-улыбался. Парня в кепоне, правда, хотя и не погнал сразу, но и приветствовать, конечно, не стал. Тот пробрался-приблизился к стойке, сел на крайний вертящийся стул-табурет, сгорбился ещё больше, кепчонку на коленях пристроил, руку правую к груди приложил, начал кланяться-кивать Свете-рыбке, за что-то благодарить:

— Здравствуйте! Извините! С праздником вас! Спасибо!..

Светик хмыкнула, смерила странного гостя взглядом русалочьим.

— Пожалуйста! И вас с праздником! Что пить-есть будем?

Последнее она уже с явной издёвочкой молвила, рукой белой на полки буфетные указала. А там — «Белая лошадь», «Камю», «Мартини», «Бавария»...

— Спасибо, спасибо! — как китайский болванчик закивал-закланялся парень, руку к сердцу заприкладывал. — Извините! Мне, пожалуйста, белый мартини и орешки.

Света-рыбонька на него прищурилась, а посетитель вдруг добавил:

— Извините, только мартини обязательно из холодильника и со льдом, а орешки, пожалуйста, все, какие у вас есть — фисташки там, арахис, миндаль...

— Есть у нас и миндаль, и фисташки, и даже фундук, — ответи-

ла Света-рыбка многозначительно, — только, может, *если деньги есть*, вам сначала согреться чем-нибудь крепким? А то ведь от мартины со льдом совсем простынете.

— Спасибо, спасибо! — закивал странный парень. — И, правда, коньячку мне сто пятьдесят плесните... Извините! Ещё бутерброд дайте, с сёмгой...

Про деньги мимо ушей пропустил, словно не слышал. Светик-рыбонька на Иосифа Давидовича глянула вопросительно, тот, помедлив секунду, головой кивнул: негоже в праздник скандал затевать, да и парень наглецом-халявщиком не смотрится — больно робок. Впрочем, в случае чего и шарф забрать-отобрать можно: шарф у парня стоящий — вещь.

Выпил борода и коньяк заморский, и вермут-коктейль заокеанский, бутербродом-орешками закусил и ещё кофе глясе заказал-потребовал. А потом счёт попросил — уже взбодрённый, раскрасневшийся, почти не горбится, бороду оглаживает, непроницаемыми очками поплёскивает... Ну, ни дать, ни взять — купчина-богатея погулял-попраздновал. Света-рыбка потюкала маникюрчиком по клавишам кассы, чек на стойку выложила — 464 рубля 50 копеек!

Для какого-нибудь Бая или Борова, конечно, тьфу — восемнадцать баксов-долларов всего лишь, но для этого бедолаги наверняка — недельная зарплата, если он ещё её получает. Парень склонился, очки на мгновение с глаз сдвинул, глянул, языком поцокал, покопался во внутреннем кармане своей бомжовой куртки, выудил бумажку пятисотрублёвую — новёхонькую, хрустящую, даже пополам не согнутую — и Свете-рыбке протянул. Та, откровенно не стесняясь, к светильнику у кассы приложила купюру-ассигнацию, изучила, потом согнула, пальчик послюнявила и на сгибе прочность краски проверила, хмыкнула-гмыкнула и отсчитала сдачу: три десятки бумажками, а пятёрку и ещё полтинник — металлическими.

И что же делает борода в очках? Берёт, и всю сдачу воистину купецким жестом обратно отодвигает — на чай, мол. Потом раз десять — не меньше — свои «спасибо» и «извините» пробормотал, поклонялся и ушёл-исчез. Иосиф Давидович тут же, не медля и самолично, пятисотрублёвку эту проверил-просмотрел и отдельно от прочих спрятал-положил.

Мало ли чего!

* * *

На следующий день Иосиф Давидович выходной себе после тяжёлого праздничного воскресенья устроил — теперь иногда позволял себе и такое. Что поделаешь — возраст. Однако ж ещё с вечера он дал Светлане-рыбке наказ и утром наставление повторил: если парень с бородой появится и опять *странно* рассчитается — не смешивать его деньги с остальными, доставить целыми и несмятыми домой.

Весь день Иосиф Давидович кейфовал на диване, смотрел по видуку американские фильмы, пил чай и грыз фисташки. Уж как хотел вечером позвонить-звякнуть в «Золотую рыбку», ублажить любопытство, но удержал себя, не осквернил субботу. Зато, едва впустив домой за двойные броневые двери жену-рыбку, тут же, даже не дав ей раздеться, потребовал отчёта. Да, чутьё его не обмануло: бородач объявился снова около восьми вечера, сел за тот же угол стойки, заказал коньяк, маслины, пива две бутылочки с креветками. Был он в этот раз как-то развязнее, что ли, начал знакомиться с барменшей, уверять-хихикать, будто где-то её раньше видел-встречал, взялся комплименты ей отпускать и стихи даже читал. А зовут его Иваном...

— Какое глупство! — прервал Иосиф Давидович раскрасневшуюся супружницу. — Меня совсем не волнует этих глупостей! Ты про деньги говори...

И действительно, уж к кому, к кому, а к этому Ивану в кепке Свету-рыбоньку ревновать даже смешно: для неё бедный мужчина — не мужчина, пусть он хоть Арнольд Шварценеггер, Леонардо Ди Каприо или даже сам Филипп Киркоров. Для мадам Гроссман-два главное достоинство мужика заключалось не в лице, не в бицепсах и даже, пардон, не в штанах, а — в кошельке. Это старый Гроссман претлично знал, потому и напомнил-поторопил про деньги.

Деньги? Тут и Света-рыбка встрепенулась: да, да, опять вытащил из кармана пятисотенную хрустящую бумажку, небрежно бросил на стойку и на этот раз от сдачи в шестнадцать рубчиков барски отказался. Странно всё это...

Очень странно!

* * *

И на следующий вечер повторилось то же самое.

И на последующий, и на послепоследующий... Станный этот Иван приходил, отдыхал-угощался часик-полтора, расплачивался каждый раз новенькой до неприличия пятисотенной и, пылко поблагодарив не однажды барменшу, оставлял сдачу на чай.

И вот ещё какая подозрительная странность в этом парне обнаружилась — парик! Ещё в первый же вечер Иосиф Давидович заприметил: странно он как-то уши растирает — не ладонями, а кончиками пальцев. И кепку всегда осторожно, бережно, чересчур уж аккуратно снимает. Пригляделся Иосиф Давидович — ба, паричок! Уж в париках-то он, старый еврей, кой-чего понимал — сам несколько лет носит, с тех пор, как после смерти-кончины первой жены Розы снова женихом себя почувствовал...

Да-а-а, этому странному парню что-то есть скрывать или от кого-то скрываться. И борода у него, видно, свежая, недавняя, а то, может, и тоже фальшивая?..

Наконец, 30-го декабря, в предсубботный и в предновогодний вечер, Иосиф Давидович порешил, что с этим раздражающе-таинственным делом надо кончать. Он, как только Иван объявился на пороге и очки свои протёр, подошёл, солидно прихрамывая, к гостю, представился, что как это он и есть хозяин «Золотой рыбки», а потом внушительно произнес-предложил:

— Я имею вам сказать пару слов... Прошу вас до себе в компанию!

Парень схватился за сердце, с жаром начал прикланиваться, «спасибо-извините» надоедливо частить. В своём кабинете-офисе в глубинах «Рыбки» Иосиф Давидович выставил на стол коньяк, разлил по хрустальным напёрсткам и, когда выпили за первоначальное знакомство, — взялся тянуть kota за хвост: мол-дескать, когда человек богатый, уважаемый, у него и деньги соответственно крупные и новые — прямо из банка... А вот если человек одет скромно, очень скромно, чересчур скромно, то откуда ж у него могут взяться новые крупные деньги?..

— Извините! Вы хотите спросить, уважаемый Иосиф Давидович, — перебил гость, прикладывая руку к груди, — не сам ли я печатаю эти деньги?

А улыбка странная, да и взгляд за тёмными стёклами вроде усмеш-

ливый... Или это мнится Иосифу Давидовичу? Однако ж нечего позволять каждому... странному проходимцу над старым уважаемым евреем надсмехаться. Иосиф Давидович построжел, губы поджал.

— Какое глупство! Я не хотел спрашивать, кто их печатает, я хотел спрашивать — почему они такие новые?

— Потому, извините, дорогой Иосиф Давидович, что именно я сам их и печатаю, — спокойно, уже с откровенной усмешечкой ответил гость.

— Вы с ума слетели! — даже привскочил на кресле Иосиф Давидович. — Как можно понять такие слова? Зачем вы такое говорите?! Это же — тюрьма!..

— Да никакой, извините, тюрьмы, Иосиф вы мой Давидович, успокойтесь, пожалуйста, — проговорил уверенно Иван, похлопал по дрожащей горячей руке хозяина «Золотой рыбки» своей холодной рукой и вполголоса, почти шёпотом добавил. — Извините, но смею догадываться, что вы уже проверили мои пятисотенные в банке — ну, проверили ведь? И убедились, что отличить их от настоящих нельзя. Не-воз-мож-но!

Иосиф Давидович действительно носил первые же две подозрительные пятисотрублёвки в «Кредитсоцбанк» к Марку Соломоновичу, попросил проверить на фальшивость потщательнее. Старый друг-товарищ успокоил: деньги настоящие — не обманули Иосифа Давидовича клиенты-алкоголики... Но ведь он, Иосиф Давидович, всем своим нутром старого еврея чуял — дело тут нечисто. И вот, пожалуйста, это довольно интересно: сидит человек в нищем прикиде, с накладными волосами и в шпионских очках, спокойненько глотает коньяк по семьсот рэ за бутылку и сообщает-уверяет вполне серьёзно, будто он, прости Господь Вседержитель, — фальшивомонетчик. У Иосифа Давидовича подмышки и лысина под париком обильно вспотели, по увечной ноге зудливые мурашки поползли. А Иван этот перегнулся через стол, голос заговорщицки понизил и сказал почему-то как бы по-одесски:

— Извините! Я имею до вас интерес, Иосиф Давидович, чтобы вы стали моим компаньоном...

2

Это наступал его год, Лохова. Год Собаки.

Двенадцать лет назад он в *свой* год женился — и был же счаст-

лив с Аней, девять лет жили во взаимной любви, дружно и ласково. Правда, детей им Бог не дал, ну так не одни они такие на свете, сейчас много бездетных пар... Да и с ребёнком, Иван предполагал, катастрофа еще раньше бы их семью развалила-уничтожила: попробуй сейчас вырастить хоть одного наследника, прокорми-одень его — вывернуться наизнанку надо. А выворачиваться, иначе говоря, — деньгэ зашибать, Лохов, увы, умел не очень-то. Нет, правду говорят: и фамилия, и имя, и даже отчество определяют судьбу человека. Ну, разве может быть богатым и удачливым индивидуум с ФИО Лохов Иван Иванович? Это ж нарочно не придумаешь! Иван ещё с юности, увлекаясь филологией, выяснил подоплёку своей дурацкой фамилии: лох он и есть лох — мужик, крестьянин наивный и лопоухий. Простодушных лохов все кому ни лень общипывают, каждый встречный-поперечный облапошить за свою прямую обязанность считает. Да и вообще лохам в жизни не везёт. Бедный Лохов по себе это преогличнейше знал.

Но он и знал-верил, что бывал и ещё будет, должен быть и на его улице пусть и редкий, но праздник. И связано это, как ни смейся, с астрологией. Да, именно каждый очередной год Собаки, или, как он иронизировал, Щенка, под лопоухой тенью которого удосужило Ивана родиться, уже дважды круто и именно в лучшую — праздничную — сторону менял жизнь-судьбу Лохова. В 1982-м мать его с отцом развелась и перебралась вместе с ним, Ваней, из деревни вот сюда, в большой город, областной центр. Конечно, развод вроде бы дело не очень празднично-весёлое, но отец к тому времени уже совсем пропащим алкашом стал, бил их с матерью смертным боем...

Но даже и не это — освобождение от папашы — главное. Главный праздник в том, что здесь, в городе, Иван начал учиться в большой школе по полной программе, изучать иностранный язык-дойч, встретился с Анной Семёновной, учительницей русского языка и литературы, которая раскрыла перед ним такой мир, такой необъятный мир... Если б не Анна Семёновна, Иван никогда бы не решился попробовать сочинять стихи, не поступил бы на филфак пединститута, не замахнулся бы на аспирантуру...

Правда, потом наступила-грянула та, первая, катастрофа в 1992-м, обезьяньем, году. Умерла мама, скоропостижно, от инфаркта. А вскоре и, что называется, накрылась аспирантура. С аспирантурой, впрочем, может быть, в чём-то и он сам виноват — на рожон полез.

Заявил тему выстраданную — «Мелодия патриотизма в современной русской поэзии», но на кафедре руководству она чем-то не понравилась, не глянулась. Пришлось, разумеется, тему и диплома срочно менять: он собирался по Николаю Рубцову писать, а ему ультимативно предложили — только о ком-нибудь из наших, чернозёмных-барановских поэтов. Какой-то местечковый патриотизм, ей-Богу!..

Ну, ладно, защитился по Баратынскому, в армии год отслужил, в школе начал преподавать русский и литературу. Встретил как-то свою институтскую профессоршу, Ларису Ивановну, она потревожила рану: не надумал ли в аспирантуру всё же поступать? Лохов горько усмехнулся: про Баратынского уже всё писано-переписано, а свой Рубцов в наших барановских палестинах что-то всё не народится, не появится никак...

Так и жил потихоньку: школьникам-акселератам пытался любовь к поэзии привить, получал свою учительскую зарплатишку, сочинял стихи, которые изредка по чайной ложке печатали в газетах, по вечерам сидел дома за книгами, ученическими тетрадками да над чистым листом бумаги, вздрагивая от пьяных дебошей соседей за стеной. Но это терпимо, главное, что комната своя в коммуналке была-имелась. Правда, порядочную девушку в такое убогое жилище не пригласить. Впрочем, и непорядочных Лохов тоже приглашать не умел. Он вообще в отношениях с женщинами был лох лохом. Он так и собирался жить-тянуть свой век холостяком до гробовой доски.

В одиночестве...

* * *

Но тут подступил-грянул очередной год Собаченции — 1994-й. И жизнь Лохова опять кардинально перевернулась к плюсу. Он встретил Аню и вышла наконец-то первая книжечка его стихов.

Встреча с Аней, как это всегда и бывает, произошла случайно. Пошёл Иван в Рождественский праздник на очередной вернисаж под названием «Художники из подвала» в областную картинную галерею. Уже скрипела-разворачивалась пресловутая перестройка-катастрофка, на волне которой и всплыли из своего подвала эти «подпольные» художники. Лохов терпеть не мог подобные псевдо-авангардные штучки-дрючки, особенно в провинциально-чернозёмном исполнении. И действительно, зрелище представилось в ос-

новном убогое: винегрет из дурного подражания Кандинскому, Фальку, Шагалу, позднему Пикассо и чёрт ещё знает кому. Иван уже совсем было пожалел, что в очередной раз обманулся в ожиданиях и только зря потерял время...

Как вдруг он увидел несколько празднично-светлых полотенок в живой настоящий мир: берёзы в яркой шумной зелени... заснеженные ели и сосны... золотые маковки церкви... узнаваемые неожиданной красотой уголки родного города... Причём, как и должно быть при соприкосновении с талантливой — от сердца — живописью, к каждой картине хотелось возвращаться вновь и вновь — и не для того, чтобы разгадывать её как ребус, а чтобы ещё раз всмотреться, удивиться красоте окружающей повседневной действительности, которую в полусне тусклой жизни и замечать перестал; удивиться дару художника, порадоваться за него. И — за себя, что встретил такого мастера, почувствовать-ощутить праздничное настроение в себе...

Лохов ещё раз, запоминая, всмотрелся-вчитался в фамилию автора на табличках — А. Елизарова. Хорошая русская фамилия! Ивана как кто подтолкнул: потревожил суровую старушку-смотрительницу у входа, поинтересовался, прикладывая руку к груди:

— Извините! Простите, Бога ради! Вы не знаете, а вот художница А. Елизарова — это наша, барановская?

— Как же не знаю! — расплылась в добродушной улыбке суровая бабуся. — Конечно, наша... Да вон она сама... Аня, Аннушка! Подойди, тут тобой интересуются...

К ним приблизилась плавной неспешной походкой молодая женщина в тёмном глухом платье с застенчивым взглядом печальных карих глаз. Ну, что оставалось делать Лохову?! Только багроветь, заикаться, благодарить неловко Анну Ильиничну за талант, руку к груди прикладывать, наклонять раннюю свою лысину и твердить-повторять своё «спасибо» беспрерывно. Слава Богу, что она его за дурачка, за идиотика блаженного не приняла. Лохов же потом не раз говорил-упоминал совершенно без улыбки, всерьёз, будто в ту первую их встречу он настоящий нимб-ореол вокруг Аниной головы видел-наблюдал. А из, так сказать, прозаических штрихов-деталей он, кроме тёмного платья и карих глаз, отметил, что Аня довольно высока ростом, и ему пришлось бороться с привычной своей сутулостью, стройнеть, дабы смотреть на неё глаза в глаза.

В её удивительные, бездонные глаза!

* * *

Осенью, говоря высоким штилем, состоялось-произошло их бракосочетание.

На свадьбе гости друженько желали им жить вместе сто лет, никак не меньше, а усердно провозглашавший тосты свидетель-дрэжка жениха Толя Скопюк, артист облдрамтеатра, даже предрёк-пожелал Ване-другану и его очаровательной Ане нарожать аж семьдесят короедов-наследников...

Свадьба их не отличалась пышностью и многолюдством — собрались в квартире Аниной сестры, Татьяны, только близкие, родные и друзья. Самые дорогие подарки новобрачным подарили сами молодожёны: жених невесте — сигнальный экземпляр своей книжечки стихов под названием «Звезда одинокая», вышедшей в Воронеже. На титульном листе красовалось лаконичное посвящение — «Ане Елизаровой». Невеста, в свою очередь, преподнесла жениху сюрпризом его жанровый портрет: Иван в цилиндре и романтическом плаще времён Пушкина, сложив руки на груди, стоит на берегу реки, на фоне Покровской белокаменной церкви и грустно, но вместе с тем и величаво (сутулости нет и в помине!) глядит в заречную, затянутую дымкой осеннего тумана, даль...

Толян Скопюк подарил новобрачным два театральных парика, сопроводив своё подношение топорной шуточкой: мол, при семейных ссорах-драчках прически ключьями летят, так что дар его со временем и пригодится. Остальные подарки гостей тоже были больше шутливыми, чем весомыми — за исключением, разумеется, елизаровских: родители Ани (отец возглавлял пригородное хозяйство, а мать там же заведовала бухгалтерией) вручили старшей дочери сберкнижку с изрядной суммой на меблировку новой квартиры, а вот саму квартиру, можно сказать, преподнесла сестра Татьяна. Вернее, она при всех одарила молодожёнов торжественной клятвой-обещанием выбить им квартиру ещё до Нового года...

И, правда, уже в конце декабря Лоховы жили-обустраивались в своей однокомнатной квартире, в огромном кирпичном доме на Интернациональной, в самом центре города.

Татьяна работала в горадминистрации.

* * *

Нет, не надо было им соглашаться на эту квартиру.

Это Лохов потом, уже после катастрофы, анализируя цепь собы-

тий, их связь между собой, убедительно для себя понял. Ну, жили бы в коммуналке у него, а со временем что-нибудь придумали бы... Эх, надо было бежать от Татьяны Ильиничны и её тягостных благоденний решительно и подальше. Ведь не соглашалась же ни в какую Аня одна на квартиру, снимала угол у бабусяи и, можно быть уверенным, продолжала бы жить в чужом углу и дальше, если б не встретила Ивана. Ей ведь там лишь ночевать приходилось, а дни и вечера проводила она, по существу — жила, в мастерской или на пленэре.

Уговорила-убедила Лоховых Татьяна стать её соседями, напугала не столько долгодлинной, хотя и льготной очередью, сколько мрачной перспективой очутиться новосёлами где-нибудь в районе автовокзала — у чёрта на куличках. А что Иван, что Анна жизни себе не представляли без Набережной, без близости реки, вдоль которой и раскинулся старинный церковно-особнячковый центр города...

Таким образом, через *квартирный вопрос*, который, конечно, не одних москвичей испортил, молодожёны Лоховы как бы и попали сразу в должники Татьяне Ильиничне. В то время она жила ещё с первым мужем — то ли сербом, то ли словаком Яном, с которым познакомилась-встретилась в Московской сельхозакадемии — училась там на сельского экономиста. У них подрастала дочка с чудным для девочки именем — Ивашка. Серб или словак работал почти по специальности — агрономом в городском зеленхозе, а Татьяна сразу пошла-попёрла в те времена по комсомольско-общественной стезе: сначала в райкоме комсомола, потом в горкоме, перебралась в советскую власть — в горисполком... Между прочим, она любила, просто чрезвычайно ценила свою фамилию и при знакомстве или при любом другом удобном случае подчёркнуто произносила-представлялась: Е-ли-за-ро-ва!

Лохов знал от Ани, что её сестра ещё с отрочества попрекала родителей: зачем, дескать, они дали своим двум дочерям имена совсем наоборот. Эх, если бы она, Татьяна, была Анной Ильиничной — уж она бы это обыгрывала на полную катушку. Татьяна пыталась хотя бы отыскать себе мужа по фамилии Ульянов, дабы стать-писаться Злизаровой-Ульяновой. И ей даже чуть было это не удалось: как раз Аня и познакомила старшую сестру с молодым художником — Игорем Ульяновым. Однако ж бедный Игорёк в чём-то уж совсем не удовлетворил Татьяну, не сложилась у них любовь-

женитьба, и Татьяне так и не суждено было стать полной однофамилицей сестры великого вождя пролетарской революции. Впрочем, при демвласти это уже роли не играло. Иван просто поражался разнице натур двух сестёр: Татьяна была на пять лет старше Анны и по умению жить годилась ей в наставницы, говорила с ней командным тоном. Право, матушка сестёр явно согрешила на стороне, зачав Анну, настолько та пошла не в их — не в светлоглазую елизаровскую — породу.

Итак, к тому моменту, когда Лохов стал родственником Татьяны, ее уже перестал удовлетворять иностранец Ян — они подали заявление на развод. Словацкий Ян-Иван готовился к уезду на родину, а в их квартиру между тем уже навевывался и даже оставался ночевать новый претендент на руку Татьяны — некий Борис. Фамилию он имел какую-то не запоминающуюся, во всяком случае — не Годунов, не Ельцин и не Березовский. Впрочем, фамилия его никого в округе и не интересовала: во-первых, он, как выражаются-говорят в народе, вышел замуж — то есть пришёл жить в дом жены; а во-вторых, Татьяна, разумеется, и на этот раз свою всё же знаменательно-историческую фамилию менять-обменивать не собиралась, так что и Бориса этого, вечно насупленного и молчаливого, все стали называть-считать Елизаровым.

Время шло-катилось. Лохов писал-сочинял стихи, мечтал о новом сборнике и учил детей. Аня писала-рисовала элегические пейзажи и натюрморты, мечтала о персональной выставке и варила щи. Их родственники Елизаровы между тем создали-родили вместо новой Ивашки какой-то торговый кооператив, обкатывали машину-иномарку, обустроивали дачу, заложили в пригороде особняк двухэтажный... Короче, статус соседей-родственников определился вполне: Елизаровы — преуспевающие буржуины, Лоховы — самая что ни на есть распозорная голь-нищета.

Оно бы ничего: бедность, как говорится, не порок. Однако ж порой и вшивой гнилой интеллигенции кушать хотца. Зарплату издевательскую в школе напрочь зажимать-задерживать стали, пейзажи-натюрморты почти вовсе перестали покупать... Один раз Анна у сестры перехватила деньжонок, другой раз в долг попросила, третий раз подзаянла... Пошла к Елизаровым — а куда ж денешься? — и опять, и снова...

Ну и, разумеется, рано или поздно, а ультимативно-деловой семейно-родственный разговор должен был состояться. И он состо-

ялся. Впрочем, говорила-выступала на этом семейном совете одна Татьяна Ильинична — Боря по традиции молча угрюмо сопел в две дырочки, Иван с Аней подавленно, без возражений, внимали по сути не советам, а приказам: всё, хватит бездельничать — пора бабки заколачивать, отдавать долги и начинать самим жить по-людски. Это ж надо, даже комп до сих пор купить не могут, не говоря уж о тачке или дачном домике. Они, Елизаровы, открывают новую торговую точку с круглосуточным режимом работы и им как раз нужны-требуется два продавца. Возражения есть? Возражений нет!..

Так Иван с Аней стали торгашами.

* * *

Ух, и корчило поначалу Лохова.

Ну, ладно бы ещё — книгами торговать. А то — пиво, водка, сигареты, презервативы, жвачка... Но постепенно, со временем Иван чуть уравновесился-смирился. Магазинчик-павильон с претенциозным названием «Елизаровский» стоял на бойком месте, на перекрёстке Мичуринской и Карла Маркса, неподалёку от центра. Рядом — «Детский мир», ледовый Дворец спорта, больница, микро-район новых высоток. Народу, особенно днём, заглядывало много: скучать не приходилось, да и выручка-прибыль, а с ней и зарплатная доля скапливалась бойко — глядишь, вскоре и весь долг милым родственничкам можно будет возвернуть, выкупиться на свободу. А в ночные смены и вовсе благодать — сиди, книжки хорошие читай-почитывай или стихи вволю сочиняй.

Были-случались, конечно, и всякие неприятности — в торговом бизнесе без них разве ж обойдёшься? Подсунули раза три-четыре Лохову фальшивые купюры — прежде чем он научился их распознавать, да попытались как-то раз ограбить «Елизаровский» комок ночные гости незваные. Слава Богу, попались пацаны неопытные: Иван лишь только им пистолет показал, не предупредив, как учила Татьяна, что он газовый, — как те и дали стрелкача... Одним словом, пустяки всё, мелочи жизни.

Вот и та катастрофа, круто изменившая жизнь-судьбу Лохова три года назад, началась тихо, подкралась незаметно, произошла буквально среди бела дня и на глазах у многочисленных свидетелей...

Прилюдно!

3

Он так и сказал, словно подсмеиваясь над Иосифом Давидовичем:

— Я имею до вас интерес, чтобы вы стали моим компаньоном...

Старый еврей машинально стянул с головы парик и вытер платком мокрую лысину.

— Коль раз вы меня спрашиваете, то я бы хотел услышать подробностей.

Иосиф Давидович приладил на место парик, постарался взять себя в руки, построжесть, дабы в случае нелепого розыгрыша сохранить полное достоинство. Впрочем, чутьё всё сильнее и определённое сигнализировало Иосифу Давидовичу — дело явно пахнет деньгами. Это только нищета позорная, не умеющая жить, лохи всякие уверены-считают, будто денежки не пахнут. О-го-го, ещё как сильно пахнут! Как вкусно, как сладко пахнут — слаще желанной женщины! Особенно — когда их много и они твои...

Парень тоже построжел, отставил напёрсток с коньяком в сторону, перестал прикладывать руку к груди, заговорил делово:

— Значит так: в особые подробности, извините, я входить не буду — это пока лишнее. Да и — вы же человек деловой, понимаете — не все подробности можно рассказать. Как говорится — коммерческая тайна. Суть же вот в чём: я, извините, изобрёл способ, как делать фальшивые деньги на таком уровне, что их практически нельзя отличить от настоящих. Впрочем, извините, мне не очень нравится слово «фальшивые», поэтому я предпочитаю говорить — «мои» или «свои». Итак, — вы следите за моей мыслью, дорогой Иосиф Давидович? — я научился делать *свои* деньги не хуже государственных. А теперь вот пришёл к вам с предложением: сделать превратить *мои* деньги в *наши*. В наши с вами!..

Гость замолк, словно выложил-сказал абсолютно всё и ни капельки не сомневается: Иосиф Давидович полностью всё и вся понял, во всём разобрался, — выжидательно смотрел на хозяина «Золотой рыбки». В ярком свете хрустальной развесистой люстры с огромной мрачного колорита картины на стене сурово смотрел на него и пророк Моисей, вытянув указующий перст — то ли благословляя Иосифа Давидовича, то ли строго вопрошая: а ты чтить ветхозаветные заповеди? Иосиф Давидович тяжело вздохнул и сде-

лал как бы шажок навстречу.

— Это прямо смешно, но я ещё не знаю как вас зовут по фамилии!

— Извините! Лохов, Иван Иванович, — привстал посетитель и даже как бы прищёлкнул под столом стоптанными каблуками. — Отставной, так сказать, учитель-словесник и по совместительству, извините, поэт.

Иосиф Давидович на «Лохова» невольно скривил усмешку, на «учителя-словесника» поморщился, на «поэта» нахмурился. Посетитель поспешил веско разъяснить-добавить:

— Извините, вы напрасно морщитесь, любезный Иосиф Давидович! Наш великий поэт Михайло Ломоносов совершал и великие открытия в физике и математике. А вот, к примеру, итальянский гениальный художник-живописец Леонардо да Винчи изобрёл ещё в начале шестнадцатого века вертолёт, но ему, увы, не поверили, и в результате стали летать на вертолётах только четыреста лет спустя. Четыре века потеряли!.. Для изобретателя главное не профессия, а — голова. Поэтам-изобретателям тоже, извините, надо верить, Иосиф Давидович.

— А я имею интерес ещё раз посмотреть ваши деньги, — попросил хозяин кабинета.

Гость выудил из кармана куртки две пятисотрублёвки, выложил на стол. Иосиф Давидович нацепил на мясистый солидный нос очки в золотой оправе, тщательно обсмотрел купюры, общупал, обнюхал и даже лизнул. Достал мощную лупу из ящика стола, ещё раз исследовал по миллиметру, как и все прежние купюры этого Лохова. Город-крепость на море, парусник; на другой стороне крупным планом памятник Великому Петру в Архангельске, название города и ещё один парусник, уже в порту... Та-а-ак, и номера у банкнот разные, но, главное, водяные знаки-изображения — голова того же Петра Первого и цифра 500 — на месте...

— А я имею интерес ещё спросить, — глянул поверх золотых очков на гостя Иосиф Давидович. — Ещё есть эти красивые бумажки?

— Извините, извините! Только две. Просто за одну, так сказать, смену я не в состоянии больше сделать, не успеваю. Вот на эти две красивые, как вы выразились, бумажки я затратил десять часов напряжённого труда...

— Это довольно интересно, — сказал Иосиф Давидович, — но я

хотел ещё спрашивать: почему не тысяча? Вы бы сразу получали иметь целых две!

— Э-э, извините, дорогой вы мой Иосиф Давидович, тут уже психология! — как-то снисходительно пояснил бывший учитель. — Тут логика, здесь уже тонкий расчёт. Вы ведь тоже отлично знаете, что в нашей провинциальной глуши тысячерублёвые ассигнации — вещь довольно редкая. А особенно, извините, в руках вот таких, как я... скромно одетых людей. С ними жуткие проблемы всегда были бы: ни сдачи получить, ни разменять, да ещё и боятся тысячерублёвок продавцы, сверхтщательно проверяют. Ну вот, я и решил не рисковать и пока специализироваться на пятисотках. Во-первых, я тогда, когда затевал это дело, ещё не уверен был, что достигну таких великолепных результатов. А во-вторых, я, напротив, уверен был, что мне вполне будет хватать на жизнь-прожитьё и пятисотрублёвок... Логично?

Иосиф Давидович словно не слышал вопроса, задумался глубоко, формулируя главную ещё неясную для него туманную загвоздку в этом деле. Сформулировал-слепил:

— Коль раз вы до меня пришли и рассказываете такие интересные вещи, то и я имею интерес до вас спросить: а зачем вы до меня пришли?

— Извините! Но я же сказал-объяснил уже: я предлагаю вам стать моим компаньоном. Или, если угодно по-современному, — моим спонсором. Дело в том, что я доработал-усовершенствовал свое изобретение, придумал — как механизировать процесс. Для этого надо купить-приобрести кой-какую хитроумную импортную аппаратуру-технику. Техника эта стоит довольно прилично и продаётся только за валюту. Но это не страшно — она окупится сказочно быстро, буквально за две-три недели... А вот почему я именно до вас, дорогой Иосиф Давидович, пришёл: так, во-первых, в этом доме над вашей «Золотой рыбкой» живёт моя бывшая, но любимая мною жена, а во-вторых, — вы мне симпатичны, Иосиф Давидович, извините... Вы слушайте сюда: по моим подсчётам, мы с вами будем в день — в один день! — выпускать денежной бумажной массы на сумму... пятьдесят тысяч рублей...

Гость впился в окончательно взопревшего Иосифа Давидовича победительным взглядом, добавил-придавил ещё:

— А то и больше! Извините! Наверняка больше! Причём, заметьте особо, дальновиднейший Иосиф Давидович, мы с вами смо-

жем для безопасности изготавливать не только пятисотки, но и сотенные купюры, и пятидесятирублёвые, и ваши любимые тысячные, а захотим, то для куражу и — десятки...

— А баксы-доллары? — вдруг сдавленным голосом даже не спросил, а как-то квакнул Иосиф Давидович.

— Извините! Ноу прблем, как говорят американцы, — весело всхотнул Лохов. — Мы и над этим со временем пораскинем мозгами. Всё в наших руках, дорогой вы мой, драгоценнейший Иосиф Давидович. Был бы, как говорится, первоначальный капитал...

Хозяин «Золотой рыбки» снова машинально снял парик и утёрся

Господь Вседержитель!

* * *

Но Иосиф Давидович был старым опытным евреем — его за несколько фальшивых бумажек не проведёшь.

Уже наслаждаясь сладкой истомой под ложечкой от предчувствия-предвкушения громадной удачи, он всё же твердо решил про себя: суетиться и спешить — это глупство. Надо обязательно поближе познакомиться с этим Лоховым, побывать в его фальшивомонетской мастерской, своими глазами и через лупу увидеть, как он изготавливает-печатает свои денежки...

Но гость вдруг жёстко ухватил Иосифа Давидовича за горло и взялся сжимать-сдавливать, перекрывая кислород. Образно, конечно, говоря. Оказывается, завтра, 31-го декабря, это нужное оборудование ещё будет продаваться по старым ценам, а вот после Нового года оно подорожает аж на 20, а то и целых 25 процентов! Это Лохов знает точно, потому что запрос писал в ту торговую фирму московскую, где только и можно приобрести такую современную технику, и ему неделю назад пришёл ответ. Иосиф Давидович, разумеется, займел интерес взглянуть на этот документ, но у посетителя его с собой почему-то не оказалось. Он предложил будущему компаньону заглянуть, не откладывая, к нему домой, там окончательно договориться и начать действовать. То есть, Иосиф Давидович вручит Лохову нужную сумму, тот утром сядет на машину (у него есть знакомый частник с «Газелью») и помчится в столицу... Почему не ночью? Да разве ж по такому гололёду да ещё в наши бандитские времена с большими деньгами можно ездить ночью по дорогам! Нет, рисковать не стоит, да и ни к чему. Ведь главное —

оформить 31-го до 16-00 документы и внести-заплатить по ещё старым ценам деньги в кассу. А потом Лохов с водителем встретят-переждут в Москве праздник (ведь Иосиф Давидович выделит и на командировочные расходы — всё это потом окупится-возвернётся с лихвой!), затем хорошенько проверят-испытают купленную технику и привезут аккуратненько домой. И начнётся у него, Иосифа Давидовича, жизнь сказочная, как у царя Соломона.

Хозяин «Золотой рыбки» всё ещё мучительно колебался-раздумывал, но будущий компаньон доубедил-добил его мудрой притчей:

— Извините! Вы знаете, дорогой Иосиф Давидович, какую историю-диалог любят повторять деловые американцы? «Тук! Тук! — Кто там? — Это я, твой шанс! — Неправда, шанс два раза не стучит!..»

Да, да, что шанс во второй раз может не стукнуть — это Иосиф Давидович знал преотлично. Уже сколько раз в своей жизни, особенно по молодости, упускал он свой шанс, имел такое глупство — не откликаться, не реагировать на первый его стук. О-о-о, лишь один Господь Вседержитель знает-ведаёт, сколько пришлось натерпеться-выдержать из-за этого в жизни Иосифу Давидовичу — куда там многострадальному библейскому Иову! Вот был такой хороший сочинитель, тоже по фамилии Гроссман, — так вот, разве что только он смог бы написать-создать ещё один роман «Жизнь и судьба» — уже про Иосифа Давидовича и за его биографию. Там бы всё рассказано было. Как во времена Моисеевы мыкались-блуждали сорок лет несчастные евреи по пустыне, так и Иосиф Давидович вплоть до зрелых лет не находил выхода из пустыни бедности... Тот Гроссман, сочинитель, описал бы, как пришлось бедному Иосифу Давидовичу из родной Одессы экстренно и навсегда в чужие края бежать-подаваться, и почему у него нога покалечена, а вместо родных зубов сверкают сплошь вставные... Описал бы, зачем они с первой женой, Розой, долго детей не заводили и как почти в последний момент перед рождением избавились от первенца Венички, а когда вздумали всё же заводить-рождать наследников, уже поздно было: вот и померла Роза, народив второго, Яшу, ставшего первым и единственным, помучилась ещё несколько лет на этом жестоком свете и отошла к Вседержителю... Поведал бы тот сочинитель-писатель Гроссман всему миру, как безутешно плакал-стенал Иосиф Давидович за дорогой покойницей и как почти целый год вдовствовал... Показал бы в книге, и как дочь соседская Светла-

на-рыбонька безжалостно смеялась над ним и говорила, мол-дескать, старость жениха она ещё терпеть согласна, но вот постыдную и позорную бедность — ни за что! Так что пока Иосиф Давидович не станет *новым русским*, настоящим бизнесменом, а не владельцем одного жалкого комка-киоска, — она будет только смеяться ему на лицо и лучше будет продолжать жить с родителями, хотя ей уже и под тридцать...

А ещё романист-сочинитель ярко бы и описал, как однажды всё же рискнул Иосиф Давидович, не упустил свой шанс, услышал-распознал первый же его стук. Его тогда вот так же припёрли неожиданно к стенке, не дали времени на раздумья: ежели через сутки требуемую сумму не принесёшь — «Золотая рыбка» тебе не достанется, другой перекупит... Рискнул Иосиф Давидович, наплевал даже на еврейскую субботу и, хуже того, почти, можно сказать, на преступление пошёл, но добыл всего за один день — да что там, всего за несколько часов! — недостающие деньги, успел купить-приобрести вожделенную «Золотую рыбку»...

Поведал бы и дальше писатель-биограф, как пошли у Иосифа Давидовича дела в гору, как уговорил он Свету-рыбоньку стать его супругой законной, как наобещал ей золотые горы... Увы, и ещё раз, увы! Кто ж не знает, что у женщины аппетит во время еды приходит: мало стало его рыбке доходов от «Золотой рыбки». Господь Вседержитель! И «старым жидом» обзывать начала, и грозиться взялась, что-де бросит-уйдёт, а уж ребёнка зачнёт от другого — это без сомнения, ибо он, Иосиф Давидович, «старый жид», не только деньги большие зарабатывать не умеет, но и детей уже делать-строить не в состоянии...

Да и самому Иосифу Давидовичу, если честно, доходов тоже давно стало не хватать. Сына Яшу надо уже отправлять в Америку продолжать обучение, — а как же, не лох же он какой-нибудь, а Гроссман! Рэкетирь эти доморощенные, бай-боровы вонючие уже окончательно достали. Цены на продукты каждый день скачут-повышаются, — где ж тут большой прибыли нагребёшь? Не-е-ет, надо ноги всей семьёй делать из этой страны и как можно дальше. Ближе к земле обетованной. Но, конечно, не в Израиль, а — в Германию или ещё лучше сразу за океан, в благословенную Америку-Еврейку. А там без нескольких миллионов даже и правоверному еврейку делать нечего, не то, что выкресту...

И вот: «Тук! Это я, твой шанс!..» Иосифу Давидовичу уже ше-

стьдесят, и это раздался, без сомнения, последний в его жизни-судьбе стук персонального шанса. На-и-пос-лед-ней-ший! Но, может быть, и даже притча почти Соломонова не так подействовала на Иосифа Давидовича, как заверение Лохова, что он даст-оставит ему очень важные гарантии, каковые находятся там же, у него дома.

— Ну, ладно! За то, что я хочу накормить двоих голодных птенчиков — пусть меня накажет Бог! — сказал Иосиф Давидович. — Но я не хочу погибать через глупость. Я иду сейчас без денег. Я иду смотреть подробностей и гарантий своими глазами. Я имею этот интерес!

Гость облегчённо перевёл дух и чуть было тоже не сдёрнул парик, чтобы утереться. Но удержался, схватил поспешно рюмку, жадно хлебнул-заглотил праздничный коньяк, в виде тоста выдохнул:

— Ну, вот и славненько!

* * *

О-го-го! Господь Вседержитель!

У этого странного Лохова оказалась солидная трёхкомнатная квартира на улице Энгельса, считай в центре — с мебелью, пушистой рыжей кошкой и собакой-таксой.

Иосиф Давидович, дабы не мучиться подозрениями, без обиняков заявил, что имеет интерес узнать-увидеть своими глазами за прописку. Хозяин квартиры охотно достал паспорт, Иосиф Давидович осмотрел через лупу: Лохов Иван Иванович, русский, разведён, детей нет, фото на месте, штамп прописочный чёткий — Энгельса, 8, кв. 31.

Хозяин между тем выставил из пакета на стол в большой комнате бутылку коньяка, бутылку мартини, свёрток с бутербродами, упаковку замороженных креветок, связку бананов, коробку конфет — дары «Золотой рыбки»... Стоимость всего этого явно превышала сумму в тыщу рэ, оставшиеся в кабинете Иосифа Давидовича, ну да пусть — что ж теперь считаться: уже как бы складчина компаньонов-подельников получилась.

— Извините! Драгоценнейший Иосиф Давидович, давайте-ка по рюмашке для сугреву, по нашему русскому обычаю, — энергично потёр руки Лохов.

Он как-то возбуждался всё больше, словно пьянел. Видно, ещё до прихода в «Золотую рыбку» приложился... Впрочем, под столом

стоял недопитый огнетушитель портвейна «Агдам». Иосифу Давидовичу это чрезвычайно не нравилось. Он незаметно ощупал бумажник на поясице, в потайном кармане, брюзгливо осмотрелся. Со стен на него сурово, как Моисей в его собственном кабинете-офисе, взирали-смотрели каких-то два мрачных господина. Хозяин, заметив интерес дорогого гостя, всхохотнул, распустил бороду.

— Извините, это наши свидетели будут. Слева, вон тот — Станиславский Константин Сергеевич, известный реформатор театра. Это как раз он всё время восклицал: «Не верю!» Помните? А вон тот, справа, — Островский Александр Николаевич, знаменитый сочинитель пьес про толстосумов-миродов и купчин-жидовин всяких... Уважаемые люди! Я имею в виду, извините, Станиславского и Островского. Спасибо, Иосиф Давидович! Извините! Давайте и за них выпьем!..

Иосифу Давидовичу теперь уже явно услышалась насмешка.

— Бросьте этих глупостей! — скривился он. — Вы только и думаете об выпить. Давайте дела делать, а потом уж и будем думать об выпить...

Но Лохов всё же хряпнул единолично рюмашку стограммовую и сжевал бутерброд с сервелатом, извиняясь и оправдываясь, что-де у него во рту с самого утра маковой росинки не было. Он также выделил пару бутербродов таксе, а коту, истощно требующему своей доли, покрошил в его чашку колбаски. И только после этих забот о колбасе насущной приступили к коммерции.

Для начала Лохов чуть больше приоткрыл занавесу над своим эпохальным изобретением и процессом кустарного производства денег. В нише, в глухой кладовочке он продемонстрировал Иосифу Давидовичу вместо ожидаемого компьютера и принтера — фотоувеличитель «Нева», мощный театральный софит-осветитель с фиолетовой лампой, какой-то амперметр, реостат и прочие электрофизические приборы, целую батарею склянок с химическими реактивами, стопу нарезанной по формату пятисоток какой-то велюровой, что ли, бумаги... Но главное, будущий компаньон показал гостю уже почти готовый образчик-экземпляр продукции — пятисотенную купюру, одна сторона которой, со статуей царя Петра, уже совсем и полностью была чёткой, готовой, а другая — ещё совершенно бледная, туманная, недопроявленная: словно травленная кислотой...

— Извините, самое трудное, — пояснил убедительно Лохов, —

нанести и закрепить водяные знаки, потайную нить-строчку, а также обновлять каждый раз номер купюры. Приходится одну и ту же стадию — электролизную, ионизирующую, купажную или фотопроекционную — повторять многократно...

Впрочем, дальше вдаваться в подробности этот новоявленный алхимик не стал, пояснил лишь ещё, что при машинном производстве процесс ускорится в десятки раз, а может быть, и в сотни...

Тут же был предьявлен и ответ из Москвы: почтовые штампы, обратный адрес — всё даже и через лупу выглядит солидно, достоверно. Внутри пакета — фирменный бланк на атласной бумаге с грифом АО «Бертольт-Брюдер»: «Уважаемый г. Лохов И. И.! По Вашей просьбе высылаем Вам проспекты и прайс-лист. Рады Вас видеть в числе наших клиентов. Напоминаем, что, по независящим от нас причинам, с 1-го января цены на наши товары будут повышены как минимум на 20%. Спешите сделать покупку! 31-го декабря мы работаем до 16-00, 1, 2, 3 и 4 января — выходные дни. Наш адрес: 123609, Москва, Красная Пресня, 12, офис 13».

Лохов взялся подсовывать Иосифу Давидовичу проспекты, тыкать-указывать пальцам в красочные фотокартинки.

— Вот, извините, офсетная настольная печатная машина «Лино-типе-Хелль». Она в пять цветов одновременно может печатать. Это — чудо! Но мы с вами, дорогой Иосиф Давидович, извините, скорей всего, остановим выбор вот на этом чуде: гляньте — формная копировально-множительная машина с компьютерным управлением MISOMEX SR 70... Вы понимаете — Эм И Эс О Эм Е Икс Эс Эр семьдесят?!..

Лохов уже почти вопил в каком-то ёрническом экстазе. Иосиф Давидович, в свою очередь, уже ошалел от этой тарабарщины.

— Сколько? — плаксивым голосом спросил он, — Я имею интерес спросить: сколько это стоит?

— Спасибо, спасибо! Извините, сейчас уточним, — отвернулся к свету, приподнял на лоб тёмные очки и склонился над листом с ценами компаньон. — Тэ-э-эк-с, вот у нас расценочки, находим наш «Мисомекс»... Ага! Тринадцать тысяч у. е. То есть — условных единиц, а проще говоря, — баксов... Ну и, извините, на специальную бумагу, за машину, командировочные... Круглым счётом, извините, пятнадцать тысяч долларов. Спасибо!

Иосиф Давидович заёрзал на стуле — нестерпимо зачесался копчик. Это почти вся его потаённая незадекларированная заначка,

которую он собирал-хранил в чулке на самый чёрный день и не доверял даже «Кредитсоцбанку» под честное еврейское слово Марка Соломоновича. Из этой заначки хозяин «Золотой рыбки» собирался только на дань рэкетирам-половцам нужное взять, а теперь и на это даже не останется...

Так глубоко погрузился-унырнул Иосиф Давидович в транс мучительных размышлений, что сам не заметил, как вслед за хозяином прошёл-прохромал в портретный зал, подсел к столу, выпил добрую гранёную рюмку, взялся жевать бутерброд. Лохов — змий-искуситель! — не торопил, не подталкивал дорогого гостя. Пятнадцать тысяч долларов это — *деньги!*

— А я имею сказать вам пару слов, — очнулся, наконец, Иосиф Давидович. — Какой вы имели интерес тянуть за резину? Я ваши деньги держал на руках ещё в католическое Рождество...

— Спасибо! Извините, Иосиф Давидович, — охотно, но как-то покровительственно, даже снисходительно взялся объяснять Лохов, — но вы же недооцениваете психологию и ментальность. Мы, русские, — люди нерешительные, в денежных делах, извините, робкие, нахрапом обогащаться не умеем — большинство, по крайней мере. Ну, как бы я пришёл к вам, дорогой Иосиф Давидович, в своей кепочке, да и в первый же день, извините, с порога бы и бухнул: так, мол, и так, научился делать фальшивые деньги, идите ко мне в подельники!.. Смешно, извините! Нет, такое нахрапом не сделаешь. Это вам, извините, евреям, дал Господь талант, это вы за один день в состоянии крупное денежное дело провернуть, обогатиться даже и за счёт, бывает, другого... Недаром же в народе — уж простите, ради Бога! — говорят: если родом ты жид, то и будешь всегда сыт!..

Иосиф Давидович поджал губы. Мало хама Кабана с его свинячьим хамством! Мало того, что жена-шикса* не так давно даже при людях обозвала его, родного мужа и уважаемого старого человека «жидом пархатым»!.. Так теперь ещё и этот лох Лохов будет оскорблять-издеваться?! Встать бы да уйти...

— Какое глупство! — совсем плаксиво выговорил он. — В порядочном обществе после таких слов за руку не подадут. Вы, наверное, есть антисемит!..

Хозяин вскочил со стула, сделал испуганное лицо, заприканивался, прижимая руку к сердцу, заизвинялся жарко и вроде искренне:

— Простите! Извините, Бога ради, дорогой Иосиф Давидович!

* Шикса (с древнеевр.) — гойка, нееврейка.

Что вы! Какие оскорбления? И какой я антисемит, Бог с вами! Антисемиты, если дословно, — это противники семитов, то есть евреев, всех арабов-мусульман и даже эфиопов чернокожих... Ведь это глупство? Глупство!.. А «жид» — это, извините, не национальность, это же обозначение сущности человека, дорогой Иосиф Давидович. И Пушкин незабвенный, и Гоголь, и Чехов, и Достоевский слово «жид» употребляли широко — почитайте-ка их произведения. А им всегда и все руку подавали. Вы, извините, разве не подали бы руки Чехову или Достоевскому?!..

Вдруг Лохов как бы спохватился.

— Впрочем, простите-извините, Иосиф Давидович, куда ж это мы? О чем это мы? Иосиф Давидович, дорогой, вот сидят в глухом чернозёмном городе два человека — русский и еврей; хорошо сидят и делают общее хорошее дело. Ну, какие могут быть меж нами межнациональные розни-обиды? Между нами могли бы быть лишь *заветные* обиды-недоразумения — извините за каламбур. То есть, если бы один из нас жил по ветхозаветным законам — ну, там: око за око и прочее... А второй бы придерживался новозаветных заповедей Христовых, — дескать, подставь левую щёку, если уже получил по правой... Причём, извините драгоценнейший Иосиф Давидович, при такой ситуации тому, кто чтит Ветхий Завет, жить-существовать намного прибыльнее и вольготнее, а второму — совсем наоборот... Не так ли?

Иосифу Давидовичу очень, до крайности уже не нравилась вся эта двусмысленная щекотливая болтовня с каждой рюмкой всё больше и больше пьяневшего парня.

— Я имею интерес видеть-знать гарантии, за которые вы говорили, — уже до неприличия плаксивым тоном оборвал он потенциального компаньона.

— Простите, простите! Вот они, — обвёл Лохов вокруг себя рукой. — Я оставляю вам в залог эту трёхкомнатную квартиру стоимостью примерно в пятьдесят тысяч долларов и самое дорогое, что у меня есть — Баксика и Евру...

Кот и такса, услышав свои валютные клички-имена, приоткрыли со сна мудрые свои зенки...

Что ж, квартира — это весомо.

4

Тот чёрный для Лохова день три года назад — был предпраздничным, канун православного Рождества.

Народу в магазинчике, как и водится в такой канунный день, — невпроворот. Шум, толкотня. Часов около одиннадцати к прилавку протиснулся мальчик-салапет лет семи: чёрные кудряшки из-под вязаной шапочки, глаза большие тёмные туманятся слезой, лицо жалобно-плаксивое.

— Дяденька! — всхлипывая, сказал он. — Дяденька! Нас сегодня раньше с занятий отпустили, а мамки дома нету. Дяденька, можно я у вас балалаечку оставлю? А то с ней гулять — она мешает. А мама когда в обед придёт — я обратно заберу. Мы здесь рядом живём, в девятиэтажке...

Чудной мальчишка! Обычно такие карапузы со скрипочками в кожаных футлярах ходят, а тут — балалайка в целлофановом мешке-чехле: старенькая на вид, неказистая...

— Извини! А где ж ты учишься, в колледже, что ли? — усмехнулся добродушно Лохов, принимая инструмент.

— Нет, в лицее! — крикнул, уже убегая, повеселевший вундеркинд.

Странно, музыкальные школы вроде бы в колледжи искусств, а не в лицеи переименовали?.. Впрочем, какая разница! Народу всё прибывало, денежки текли в кассу ручьём — отвлекаться некогда. Лохов приткнул балалайку в угол и тотчас же забыл о ней.

Примерно в половине двенадцатого его отвлек от торговых хлопот пожилой солидный мужчина в дублёнке, пыжике и в фотохромных затемнённых очках. Он углядел балалайку, почему-то чрезвычайно заинтересовался ею, попросил показать. Лохов решил сразу, что любопытствующий господин — иностранец. Так оно, в общем, и оказалось. Посетитель обнюхал балалайку со всех сторон, не снимая очков, осмотрел-изучил её и, подозревая Лохова, выдал хохму: я, мол, намерен купить-приобрести эту балалайку за пятнадцать тысяч рублей...

Само собой, Лохов рассмеялся, сказал, прикланиваясь, пять «спасиб» за милую шутку, но господин, оказывается, не шутил. Он был чрезвычайно взволнован, взялся брызгать слюной и предлагать тридцать тысяч, стараясь, чтобы разговор их не слышали покупатели.

тели. Он торопливо начал объяснять, что сам жил когда-то в Советском Союзе, теперь владеет в Германии то ли музеем, то ли выставочным залом и вот приехал в Россию за экспонатами для своего музея, узнал-прочитал в Москве про бесценные балалайки чернозёмного мастера Нумерова, этого русского Страдивари, примчался специально сюда, на его родину, уже целых две недели безуспешно ищет, и вот — такая фантастическая удача!..

Лохов старался внимательно слушать, но его то и дело отвлекали требовательные окрики-вопросы посетителей. Между тем этот иностранный музейщик вынул из кармана дублёнки «Комсомолку», начал совать Ивану под нос. Вдруг Лохов всеми фибрами души понял-осознал, что судьба подбрасывает ему уникальнейший шанс. И для начала надо хотя бы вникнуть в суть этого шанса. Он, жарко извиняясь и хлопая себя ладонью в грудь, выпроводил орущих покупателей, запер стеклянную дверь, схватил газету. Там была ну очень интересная заметка-информация о барановском балалаечных дел мастере прошлого века Нумерове, сообщалось, что в «живых» осталось не более десятка инструментов, сделанных его золотыми руками, и недавно одна такая нумеровская балалайка ушла на аукционе Сотбис за тридцать тысяч, естественно, долларов...

Господи Иисусе! Лохов присел на стульчик, озабоченно почесал свою вытертую в поисках рифм проплешину, потом взял драгоценную-бесценную балалайку на колени, словно грудного ребёнка покачал и грустно признался, что продать её не может... Но темпераментный иностранец сорвал свой пыжик, выставив вспотевшую лысину-плешь более солидную, чем у Лохова, и начал уговаривать-убеждать ещё более жарко со скоростью примерно триста слов в минуту. Да, да, он отлично понимает, что молодой человек про музей не верит, но это так!.. А если и не так, то самому молодому человеку всё равно самолично балалайку на аукцион не вывезти! И сто тысяч рублей (почти четыре тысячи баксов!) — это очень хорошие деньги и без всяких нервных хлопот!.. Пусть молодой человек подумает до завтра, посоветуется с родными...

Лохов за это ухватился. Конечно, прямо вот так сразу, в одночасье стать отпетым мошенником нелегко, а тут есть-существует возможность сохранить более-менее честную мину при жульнической игре.

— Да, да! Спасибо! Извините! Но приходите завтра. Завтра утром я вас жду и обещаю: скрипка... то есть, тьфу, балалайка эта

будет ваша за... за...

Пыжик веско подтвердил: за сто тысяч полновесных российских рублей...

Это ж целое состояние!

* * *

Да, вот он шанс!

Уж шанс так шанс... А какой получится подарок Ане не только на Рождество, но и к девятой годовщине со дня их первой встречи. Всё, они выкупятся окончательно на волю, бросят к чертям собачьим это торгашество — будет возможность приискать работу по душе, подучиться где-нибудь. А главное — хоть какое-то время не думать о куске хлеба, закончить работу над новым сборником стихов и издать его хотя бы небольшим тиражом за свой счёт, арендовать зал для персональной выставки Анны...

Впрочем, стоп! Чего раньше времени мечтать, пора и действовать.

И Лохов развернул такую бурную деятельность, что не успевал вытирать пот со лба и лысины. Он вдохновенно взялся изменять-переворачивать свою судьбу. Сперва он вычистил полностью кассу: почти десять тысяч. Иван опрометью бросился домой, умолил Анну, толком ничего не объясняя, дабы не испортить сюрприза, доверить ему семейную записку-кубышку. Там оказалось пятнадцать тысяч. Что ж, пришлось пойти и бухнуться в ноги госпоже Елизаровой. Ей Лохов, разумеется, вообще ничего объяснять не стал, лишь поклялся головой, что завтра же вернёт и этот долг с процентами, и весь остаток прежнего до последней копейки. Свояченицу плешивая голова зятя не шибко привлекла, буркнула, чтобы расписку под залог своей доли квартиры написал. Иван, конечно, настрочил...

Когда он, взмыленный, прискакал к «Елизаровскому», там на крыльце уже нетерпеливо ждали его мальчишка-балалаечник и его маман — молодая симпатичная дамочка со светло-серыми глазами и русой косой-хвостом из-под норковой шапки. Лохов, извиняясь и прикланиваясь, впустил их, запер дверь, вывесил табличку «Перерыв» и такую чушь забормотал-заканючил — у самого уши освеко-лились: и жена-то у него страстная меломанка, и давно-то она именно о такой старинной и звонкой балалайке мечтала, и вот зашла к нему в магазин да увидела, и купить-то для неё за любые деньги

эту балалайку приказала, и ко всему прочему завтра годовщина их свадьбы... Иван наивно надеялся, что когда мамаша вундеркинда услышит предлагаемую цену (тридцать пять тысяч рублей!) — она очумеет от радости, но та лишь ещё больше построжела. Видно, почувяла неладное.

— Извините, у меня больше нет! — честно признался честный Лохов и для наглядности открыл кассу, вывернул карманы брюк. — Вот хоть обьщтите! Это ж, извините, по курсу — почти полторы тысячи долларов! Неужели, извините, мало за какую-то балалайку?..

— Пятьдесят тысяч! — отрезала непреклонно сероглазая мадам, одёргивая своего шустрого черноокого пацана, которого явно обрадовала перспектива избавиться от ненавистного инструмента в обмен на кучу бабок.

— Хорошо! Спасибо! Извините! — соглашаясь, забормотал Лохов. — Сейчас — тридцать пять. Правда, больше нету! И я расписку вам дам ещё на пятнадцать тысяч... Или вот паспорт в залог дам... Извините! А завтра, после обеда, вы подойдёте, и я вам остальные верну... Вы не подумайте, я вас не обману, ей-Богу! Честное слово! Извините!..

Ему с трудом, но поверили. Балалайку оставили. И даже паспорт лоховский не взяли. Только деньги забрали и ушли.

35000 рублей!

* * *

Сам же Лохов на следующий день окончательно поверил-понял, что его кинули — только к вечеру.

А то ведь до самого обеда всё глядел-высматривал завитринное пространство, на каждый стук двери вскидывался и хватался за балалайку — всё ждал заморского гостя...

Но и этого мало! Уже после, ближе к вечеру, — ну никто не поверит! — он на полном серьёзе ждал «мамашу» пацанчика, дабы вернуть ей эту дурацкую балалайку в обмен на свои кровные...

Ну — лох лохом!

* * *

Далее жизнь-судьба Ивана поначалу пошла совсем набекрень и под гору.

Уж с торгашеской работы его Елизарова вышибла — это само собой. Но самый сволочизм заключался в другом: милая лоховская

свояченица все свои иезуитские и нахрапистые силы-способности применила-задействовала, дабы снять с себя это почётно-родственное звание. Иезуитские способности Елизарова применила к младшей сестре и, наконец, убедила-заставила её отказаться от Ивана, расстаться с ним, предать. А нахрапистые елизаровские силы были задействованы против самого Лохова. Он просто-напросто был вышвырнут из квартиры с одним чемоданом, своей дурацкой доисторической пишмашинкой «Москва» и одной тысячей рублей в кармане — в виде окончательного и безоговорочного расчёта за квартиру...

Когда он через несколько дней зашёл за паспортом, где уже чернели штампы о разводе и выписке, его ещё раз жёстко предупредили: если он не оставит Анну в покое, будет шататься тут поблизости — его быстренько упекут в кутузку года на три. Лохов знал-догадывался — это не пустые угрозы: Ивашке уже исполнилось пятнадцать и в гости к Елизаровым зачастил на шикарном «мерсе» акселератный прыщавый юнец — сынок мафиозного мента-полковника из областной милиции...

Лохов, даже не повидав Аню, ушёл.

* * *

Как говорится, полный абзац.

Тут бы и опуститься ему в бомжи-бродяги, но, как Иван уже неоднократно убеждался, в самый последний, в самый, казалось бы, наитупиковый момент его жизни, когда уже впору и о намыленной верёвке подумать, наступало вдруг послабление, открывался неожиданно выход-поворот из жизненного тупика.

Буквально в тот самый день, когда он со своим чемоданом и проштемпелёванным паспортом сидел угрюмо на вокзале, где отлежал уже все бока за несколько ночёвок, и решал-размышлял, куда, в какие края податься, на него наткнулся Толян Скопюк — друг и свидетель его семейно-свадебного счастья. Ну, само собой, — объятия, хохот, восклицания, похлопывания по плечам. Друзья-то друзья, а год, почитай, не виделись, не встречались. К тому ж Толя находился в перманентно-хроническом своём состоянии, то есть навеселе, да и Лохов с утра уже притулялся раза три у стойки вокзального ресторана — отсюда и градус встречи, отсюда и кипение эмоций.

Пошли, естественно, к стойке отметить событие, и вот тут-то

прояснилась неслучайность встречи с точки зрения вышних сил. Дело в том, что Анатолий как раз ждал поезд на Москву — едет за окончательными документами на отъезд... в Германию! Как? Что? Почему?! А потому! Оказывается, немцы во искупление своей вины за Вторую мировую войну приглашают к себе жить потомков-родственников уничтоженных ими евреев... Вообще-то Лохов толком так и не понял суть дела, его лишь удивило-поразило одно.

— Извини! Толя, дорогой, извини! Но ты-то здесь при чём?

— Что за дела! — напыжился Толя Скопюк. — Как это при чём? Я по матери — чистокровный еврей!.. Вернее — по бабушке... Ну, одним словом, у них, у жидов, главной считается материнская кровь. А у моей матери мать была еврейка...

Чудны дела Твои, Господи! Толя Скопюк, провинциальный русский крепко пьющий актёр, стал евреем и со всем своим семейством — женой и тремя детьми — едет жить в Германию: сразу там получит новую квартиру, ему будет обеспечено солидное пособие, пока он не одолеет немецкий язык и не устроится на денежную службу...

— Извини, Анатолий, но ты хоть слово «жид» напрочь забудь, а то в сильный просак там попадёшь...

— Что за дела! Это всё пустяки, — отмахнулся Скопюк и выпил порцию водочки. — Меня вот моя квартира здесь волнует, — не хочу её продавать. Вдруг там не получится, а потом и не вернёшься... Это уезжать легко... Да и кот с собакой... А кстати, Ванёк, друган, а ты-то чего с чемоданом?..

И вот тут-то дело прояснилось, обоюдовыгодная сделка состоялась. Лохов будет пока жить в квартире Скопюков, охранять её, следить за порядком, отбиваться от всяких расплодившихся прихвятизаторов...

— Старик! — почти кричал, не обращая внимания на ресторанных пассажиров, Скопюк. — Что за дела! Я тебе буду бабки присылать-отстёгивать, чтоб ты и за коммунальные услуги платил, и за телефон. Не дрейфь — и тебе будет оставаться. Они, эти фрицы, знаешь, какие бабки там платить обещают — нам, артистам погорелого театра, здесь и не снилось... Что за дела!

Впрочем, под конец встречи, уже перед поездом, Толя-друган спохватился и выразил как бы сочувствие краху семейной жизни Лохова.

— Что за дела! Жалко, Ваня, жалко! Анка твоя — баба непло-

хая, вот только квёлая. Может, оно и к лучшему, тем более, что коредов нет... Э-э-эх, если б я своих не настрогал, тоже, может, щас бы на свободу подался... Хотя — вру, подлец! Ленка моя — на свете одна такая, лучше не найти!..

Захмелевший Толя даже взялся уговаривать-упрашивать Ивана идти немедленно с чемоданом к нему до хаты и ждать там его возвращения из столицы. Но Лохов всё же перекантовался на вокзале ещё две ночи, дождался друга, помог Скопюкам погрузиться в поезд, расцеловался на прощание и остался на неопределённый, но длительный срок владельцем-хозяином шикарной трёхкомнатной квартиры.

Живи и радуйся.

* * *

И Лохов зажил, в общем-то, неплохо.

Скопюки оставили ему на коммунальные траты сразу на три месяца, а потом действительно стали раза два-три в год пересылать обещанные деньги. Конечно, ни в какой театр или на киностудию там Толю-баламута не взяли — ну никак язык вражеский ему не поддавался. Пришлось Толе со временем вспомнить свою первую профессию, благоприобретённую когда-то в советском ПТУ, и устроиться на мебельный бэтриб* столяром...

Лохову тоже пришлось — теперь уже в третий раз — менять свою специальность. Но вначале он пустил жильцов, надеясь этим прожить-пропитаться, дабы уже никакая служба-работа не отвлекала его от рифм и верлибров. В средней комнате, бывшей детской, поселилась семейная пара, старички-беженцы из Чечни, а в самой маленькой комнате, спальне, обосновался парень-студент. Большую комнату, зал, Лохов оставил за собой только лишь потому, что там, в мебельной стенке хранилась какая-никакая, но всё же библиотека Скопюков томов в сотню, которую Иван обогатил-пополнил своими заветными книгами, вынутыми из чемодана. Жильцы, слава Богу, подобрались тихие, да Лохову и не привыкать было к коммунальному житью-бытью. Но вскоре деньжат квартирных стало не хватать по весьма прозаической причине — *in vino veritas!**

Иван начал попивать и — попивать крепенько. Когда в одиночестве пить становилось уж вовсе невольно, он пытался первое вре-

* Бэтриб (*с нем.*) — предприятие, фабрика.

* *In vino veritas!* (*лат.*) — Истина в вине!

мя соблазнять на собутыльничество жильцов-соседей, но те оказались кто трезвенником, кто язвенником. Тогда Лохов взялся похаживать в Дом печати. Раньше он робел войти в этот Храм Слова, опусы свои стихотворные пересылал по почте. А тут один раз зашёл во взбодрённо-смелом состоянии духа, второй... Понравилось. В областной писательской организации, в затрапезном кабинете на 6-м этаже, встретили его радушно. Впрочем, как он потом подметил, там всех встречали радушно, особенно если посетитель уже имел в портфеле или кармане *эликсир вдохновения* или по первому же намёку бежал за ним в ближайший комок. Лохов раз сбегал, второй, а потом уже на равных с другими и скидывался, и угощался от даров других посетителей писательского штаба. Здесь, если продолжить сравнение, толклись-кучковались одни и те же четыре-пять профлитераторов, словно штабные офицеры, да двое-трое вестовых из литактива, а остальную армию барановских членов Союза писателей (человек пятнадцать) Иван так никогда и не увидел: то ли, как и положено, сидели по домам и писали, то ли, наоборот, писательство совершенно забросили, то ли, наконец, по причине возраста и болезней напрочь забыли пить-опохмеляться.

Конечно, поэтического и романтического в этих почти ежедневных пьянках-попойках было маловато. Какое там шампанское, какая там знаменитая пушкинская жжёнка! Чернозёмные пииты и эпики употребляли только дешёвую водку и преимущественно без закуски — не из бахвальства, разумеется, а из экономических соображений в пользу лишней бутылочки. И Лохов приучился, в конце концов, впихивать в себя опилочную тёплую водку и затыкать её в пищеводе бутербродом с солёной килькой или просто заплесневелым сухарём. Новые товарищи обещали уже вскоре принять его в Союз писателей...

Познакомился Иван в Доме печати и с некоторыми журналистами, научился заходить как бы по-свойски в редакционные кабинеты, правда, не уставая по извечной своей привычке прикланиваться, бормотать к делу и без дела «спасибо» и «простите-извините». Вскоре ему, во время очередной попойки, и предложили место ответственного секретаря в районке «Голос Черноземья». Газета хотя и обслуживала громадный сельский район, расположенный кольцом вокруг областного центра, но тираж имела мизерный, чуть больше тысячи экземпляров. Журналисты во время редакционной летучки-планёрки, кромсая на свежем номере «Голоса Черноземья»

трупик тощей селёдки, искренне недоумевали: ну чего этим сельским труженикам ещё надо? Сводка о ходе посевной есть, снимок передовой доярки на месте, обещательная речь-статья главы районной администрации во весь разворот...

Лохов, став ответсекком, должен был добавить на страницы агонизирующей газеты поэзии в прямом и переносном смыслах. Поначалу он попытался разделить-размежевать три процесса: дружбу с писателями, питье водки и делание газеты, догадываясь, что это пошло бы на пользу «Голосу Черноземья» и его читателям-подписчикам. Но, увы, ни опыта, ни характера Ивану не хватало. Эти несчастные читатели-подписчики попали из огня да в полымя: районка из хотя и не читабельного, но всё же сельского издания начала перерождаться-превращаться в орган штаба областной писательской организации. Лохов порой, мучаясь тяжким похмельем, раскрывал утром свежий номер своего «Голоса Черноземья» и его начинало мутить мучительнее, его просто выворачивало на газетный разворот, где теперь вместо казённого доклада чиновника, который врал и учил-поучал читателей без особых словесных ухищрений и претензий, громоздилось, к примеру, тяготное «эссе» местного живого классика Байстрыкина, прославившегося в литературе тем, что, будучи студентом-комсоргом Литинститута, ездил по «комсомольской путёвке» в Перedelкино бить окна дачи опального Пастернака. Теперь он велеречиво поучал землепашцев и доярок, как надо правильно понимать выражение Достоевского «Красота спасёт мир» и эпиграф к роману Льва Толстого «Мне отмщение, и Аз воздам»...

А когда Лохов переворачивал газетную страницу, он в отчаянии стискивал свою несчастную лысую похмельную головушку: на четвёртой полосе «Голоса Черноземья» изобильно теснились стихотворные «голоса» его постоянных напарников-наставников по *литроболу*. Хуже того, Иван среди этой антологии поэтических поделок с отвращением зрил и свои опусы, которые, может быть, и выделялись уровнем, но печатать самого себя в своей газете — это здорово напоминало развлечение библейского Онана... Одним словом, нехорошо как-то, не совсем этично. Это Лохов по трезвому понимал-чувствовал вполне и клялся больше не поддаваться на провокации штабистов-классиков. Но где ж тут устоишь после второго стакана под сухарь, когда тебя начинают хлопать по плечу и бодрить криками: «Старик, ты тоже гений!..» Порой так хочется

совсем и до конца поверить в свой талант и неизбежность славы.
Особенно — по пьяни.

* * *

Впрочем, вскоре в писорганизации сменился вождь-председатель — на более молодого и непьющего. Застолья-посиделки в писательском офисе прекратились. Пииты и прозаики, жаждащие-алчущие пития и споров, стали собираться на квартире бывшего председателя Алевтина. Иван тоже начал туда похаживать.

Но кризис уже назревал. И — свершился.

Однажды, как обычно, сидели в алевтининской берлоге, пили. У Лохова раскалывалась голова, крепко прихватило желудок, разыгрался геморрой. Иван ёрзал на стуле, кривился, никак не мог словить кайф от выпиваемого, да и не пил почти. Говорили, по обыкновению, о водке, бабах, бабках, но пришла-таки очередь и литературы. Обсудили и пришли к выводу, что никакой Солженицын не писатель, а Некрасов и вовсе не поэт...

Потом самый шумливый и шепутной, как пацан, несмотря на свои шестьдесят *пропитых* лет, Аркадий Телятников закричал свои свежепридуманные стихи:

*Встанет колос здесь не пояс
Иль поднимется трава...
Человек идёт по полю
От машинного двора...*

И вдруг Лохов не выдержал, чего никогда с ним не случалось, оборвал без всяких извинений, сжимая кулаками свои виски, взмолился:

— Аркадий! Арка-а-ади-и-ий! Ты мне друг, но истина дороже: нельзя так, нельзя! «Пояс — полю»... «трава — двора»... Это даже не недостаточные рифмы и даже не банальные или приблизительные, это совсем не рифмы...

— Да хватит тебе! — отмахнулся Аркадий, поддёргивая самодовольно джинсы. — Достаточные-предостаточные, банальные-то-нальные... Рифмы они и есть рифмы!

Иван окончательно утерял опору, его словно лично обидели-оскорбили. Он вскочил, стукнул кулаком по столешнице так, что его стопка опрокинулась, и почти закричал:

— Только безграмотный человек может так говорить! Да ты, Аркадий, знаешь ли вообще, что такое рифма? Так вот запомни: рифма бывает мужская и женская, ассонансная и диссонансная, оригинальная и банальная, достаточная и недостаточная, открытая и внутренняя, богатая и приблизительная...

Лохов почти задохнулся, форсируя голос. Событьельники оторопело на него взирали. Иван выбрался из-за стола, пошёл в прихожую и, размахивая указующим перстом правой руки, продолжал на ходу:

— А ещё рифма бывает и глагольная, и глубокая, и грамматическая, и каламбурная... Мало? Бывает корневая, бывает неточная, бывает омонимическая... Бывает неравносложная! Бывает разнородная! Бывает разноударная!..

Уже от входной двери, взявшись за ручку, Иван выдал ещё очередь:

— Я уж не говорю, что рифма бывает составная, бывает тавтологическая, бывает тематическая, бывает точная, бывает усечённая!.. И даже, Аркадий Васильевич, запомни это особо: бывает рифма-эхо!..

Лохов вышел и хлопнул дверью так, что по квартире загуляла-пронеслась вот эта как раз самая рифма...

Рифма-эхо.

* * *

Он — погибает!

Лохов понял это отчётливо, осознал всем своим неприкаянным существом: он спивается, он опускается, он деградирует — по-гиба-ет! Неужели ничего ему в жизни больше не осталось, как только пить-спиваться, кропать от времени до времени отрывочные стишки, тискаться-публиковаться в районке, жить в чужом доме, сшибать на опохмелку гроши, страдать от одиночества... А тут как на грех позвонил Толя Скопюк: всё, нажились-нагостились в проклятой Германии, навкальывались — возвращаемся нах хаус* ...

Иван три дня и три ночи лежал в своей комнате-норе, сказавшись больным, никуда не выходил и — думал, думал, мучительно размышлял. И для начала решил без оглядки и сомнений покончить-развязаться с Домом печати, уйти из газеты.

* нах хаус (с нем.) — домой.

И — надо же! — сработал, видимо, так называемый наполеоновский закон, который в данном случае можно было сформулировать так: надо решиться и начать менять свою судьбу, и тогда providение, сама Судьба начнёт тебе помогать. Во-первых, вместе с расчётом Лохов сразу получил и задерживаемую зарплату за последний месяц: на руках очутилась вполне приличная куча денег. А во-вторых, он на радостях осмелился заглянуть-зайти в «Золотую рыбку», впервые в жизни попробовал мартины со льдом... Но дело, конечно, не в буржуйском вермуте. Дело было в хозяине «Золотой рыбки», в этом старом еврее, который удивительно походил на знаменитого певца-эстрадника не только именем-отчеством и пуленепробиваемым чёрным париком, но и хроническим плаксиво-скорбным выражением-маской на бабьем лице. Именно эта встреча неожиданная с Иосифом Давидовичем Гроссманом, как короткое замыкание, словно бы высекла снап искр, осветивший Лохову гениально-поэтический план по выходу из личного жизненного тупика-кризиса.

И ведь как специально расчёт с долгами выдали ему новёхонькими, свежеотштампованными пятисотенными. Иван, к счастью, их даже не перегнул пополам, так целёхонькими и положил в дипломат. Дома Лохов ещё раз пересмотрел-пересчитал: таких «фальшивых» полутысячных купюр оказалось у него тринадцать штук. Он смущаться не стал: дело, что ни говори, он затеял, может быть, и справедливое, но отчасти и мошенническое. Так что если Господь Бог отвернётся от Ивана, то останется на нечистую силу надеяться, а та цифру 13 оченно даже любит-уважает.

План можно было начинать приводить в исполнение сразу, но Лохов решил не суетиться. Надо было и бородой для конспирации покрыться, и жильцам дать время-возможность съехать, но главное: стоило дождаться подступа своего счастливого года и вообще — наполнить операцию поэзией, создать настоящую жизненную поэму с рифмами-перекличками дат и событий.

Он же не какой-нибудь отпетый мошенник.

Он — поэт!

* * *

Лохов верил в успех своей поэмы.

И как же сжималось его сердце, когда 30-го декабря он шёл в «Золотую рыбку» с оставшимися пятисотками в кармане...

Однако ж все, в конце концов, получилось, как он рассчитал-

замыслил. Судьба, наконец, повернулась к нему своим прекрасным добрым лицом.

Начиналась новая жизнь...

* * *

Когда Иван позвонил в дверь некогда родимой квартиры — было два ночи.

Аня, открыв ему, шурилась со сна, запахивала халатик на груди, непонимающе слушала его извинения и не могла никак сообразить — чего он хочет?

А Лохов хотел сначала только отдать деньги, коротко пояснить суть дела и тут же уйти-исчезнуть, но от уже подзабытого запаха своей квартиры, от вида полусонной бывшей жены он расслабился, сник, обезволил.

— Извини! Кофеем напоишь? — спросил он, пытаясь добавить в голос шутливости.

— Конечно! — обрадовалась и полностью проснулась Анна. — Раздевайся, проходи...

Лохов разделся, пристроил шарфик на привычный крюк, достал свои старые тапки из обувного ящика, приткнул в угол сумку, прошел на кухню, осмотрелся.

— Извини! Всё торгуешь?

— Торгую.

— Прости!.. Одна живёшь?

— Одна. Мне, Ваня, уже под сорок... Забыл?

— Извини, извини! Ну и что? Тебе только тридцать шесть! — бодро взялся успокаивать Иван. — И даже в сорок пять, извини, баба ягодка опять... А что, Татьяна Ильинична женихов тебе не ищет?

— Они к свадьбе Ивашки уже вплотную готовятся — не до меня, — усмехнулась Анна и вдруг серьезно добавила. — Да и не хочу я никаких женихов!.. Я, может, тебя до сих пор люблю...

— Да?! — изумился Лохов. — А знаешь, какие стихи недавно у меня написались? Извини!..

*Простые радости свои
мне предлагала жизнь, врачюя.
Но о тебе я вспомнил. И
остановился, боль почуяв.*

*Пора смириться мне давно
с тем, что меня ты разлюбила.
И остаётся лишь одно —
забыть, забыть про всё, что было...*

Анна подошла к нему, обхватила его лысую голову, с грустью сказала:

— Зачем-то бороду отрастил... Перегаром пахнет... Поэт ты талантливый, а в жизни совсем дуралей... Хочешь остаться?

— Нет, Аня, извини, — встряхнул головой Лохов, высвободился из её объятий. — Мне сейчас срочно надо уехать. Я ещё толком не решил — куда, но, скорее всего, пока в свою деревню. Вот я тебе оставляю, извини...

Он вынул из кармана пачку зелёной инвалюты.

— Вот здесь пять тысяч долларов. Извини! Ты не бойся — они мои и вполне праведным путём получены. Брось ты эту торговлю, отдай все долги Елизаровой... Только деньги, извини, ты обменяй прежде на наши и не говори про все: скажи в «Русское лото» выиграла... Живи, пиши свои картины замечательные...

Лохов вдруг оживился:

— Извини, я вот что подумал: они ж тебя в покое не оставят. Продай ты к чертям собачьим эту квартиру или законсервируй и приезжай ко мне в деревню... У меня вон ещё десять тысяч в сумке... Представляешь, какая жизнь у нас пойдёт?!..

Конечно, Анна не сразу согласилась деньги взять... Конечно, не сразу и решила она хотя бы возмечтать о крутой перемене своей жизни-судьбы... Но ведь и Лохов, разумеется, не сразу ушёл, да и гощение его в родном доме у бывшей жены, понятно, одним кофе и беседами не ограничилось...

Когда под утро расставались — споров уже не было: Лохов обустроится-обживётся, позвонит Ане, вызовет её.

И — жить!

5

Иосиф Давидович Гроссман изо всех сил хранил тайну целых три дня.

Он под благовидным предлогом утром и вечером исчезал из дому или «Золотой рыбки», мчался на своём «ауди» на улицу Энгельса, самолично убирал-мыл за котом ванночку-парашу, выводил собаку

на гуляние, затем кормил животин и возвращался. Он даже субботу этими делами-заботами осквернил-похерил.

Наконец, неумогу стало хранить-готовить сюрприз для Светы-рыбки и Яшеньки, надоело слушать-сглатывать от жены «жида пархатого» — рассказал всё ей, признался. Она поначалу и верить не хотела, кричать безобразно начала, но Иосиф Давидович как смог её успокоил, убеждал, что нет нужды и возможности этому простецкому парню-мужику его, старого еврея, обмануть, вокруг пальца обвести... Но Света-рыбонька всё равно в случае чего пообещала сорвать с него, Иосифа Давидовича, его дурацкий парик с клопами, раздрать в клочья и подать в суд на развод с соответствующим дележом «Золотой рыбки»...

Иосифа Давидовича пот прошиб.

* * *

На Рождество (опять в субботу!), 7-го, погода случилась хуже некуда. Чертыхаясь, Иосиф Давидович шёл от машины к подъезду дома на Энгельса, представлял, как вымокнет сейчас с проклятой таксой под зимним мерзким дождём донельзя. Хвала Господу Вседержителю, он делает этих глупостей последний день...

Иосиф Давидович попытался открыть замок, но ничего не получилось. Вдруг дверь распахнулась и незнакомый человек, возникший на пороге, жизнерадостно завопил:

— Что за дела! Это вы и есть — Иосиф Давидович? Тут Ванёк написал записку, что вы ключи занесёте... Что за дела! Почему он нас не дождался, а?! Друган называется! Три года не видал и даже не поздоровались!..

У Иосифа Давидовича отпала челюсть, обнажив золото вставные зубов, и начала теряться точка опоры под увечной ногой. Он тупо смотрел на шумного человека, впадая в столбняк всё более и более и боясь до конца поверить в случившееся.

— Ах да! — воскликнул шумный человек. — Ванёк тут вам приказал отдать... Что за дела!

Он исчез на минуту и вынес-подал Иосифу Давидовичу странную страшную, невероятную вещь. Старый еврей мгновенно узнал-вспомнил её...

То была балалайка в целлофановом мешке-чехле.
Русский народный инструмент...

Владимир САШИН

РАССКАЗЫ

ВБРОД

Захолодало крепко. К середине ноября пару раз уже выпадал снег, но не задерживался, смываемый обильными дождями.

Холодно и неудобно было в поле, ветер бил по лицу редкими снежинками, чуть прихваченная морозцем грязь предательски расползлась под ногами. До Ивановки было уже рукой подать и изрядно озябший Серега Ковтун приободрился.

— Ничего, сейчас берегом до старой плотины, а там вдоль улицы до моста, — говорил он себе самому, кутаясь в грязный солдатский бушлат.

Армейскую одежку привез младший брат Ванька со второй чеченской войны. Сейчас Ванька находился в райцентре, досиживал пятнадцать суток за пьяный дебош. Старший брат Васька год уже как лежал на сельском кладбище. Ушел из жизни по пьяному делу, отравился, а может, прибили — кто ж теперь вспомнит, пьяные все были. Хоронили Василия в лютый мороз, снега намело под крыши, еле дотащились с гробом до могилки, увязая по пояс в сугробах. Так снегом и присыпали могилку горе-гробокопатели и по домам разошлись. Наутро протрезвевший первым кум Серегин, Коротков Иван, сходил на кладбище, присыпал могилу комьями мерзлой земли.

Владимир Сашин родился в 1972 г. в селе Берёзовка Токарёвского района Тамбовщины. По профессии — журналист. Автор трёх поэтических сборников. На страницах альманаха дебютирует как прозаик.

Член Союза писателей России.

Живёт в райцентре Токарёвка.

А за месяц до похорон Васьки, умерла мать Мария Сергеевна. Шла пьяная с другого конца села от сестры, свалилась в бурьян, заснула. С вечера дождь поливал, а к утру морозец приударил, только к обеду заметили в кустах заледеневший труп матери.

С тех пор Серега запил еще крепче. Работы в родной Бузовке не было. Серега с женой своей Веркой кормились случайными заработками да пропивали последнее из дома. Прогуляли все вещи, сараи, крышу с дома матери и пол из своего дома. Ходили в доме теперь по земле, как сто лет назад, наверное, ходили их предки. Так и жили они: Серега, жена его Верка и сын, двенадцатилетний Васятка. Несмотря на беспутство родителей, Васятка ходил в школу и учился на удивление хорошо. Отца и мать своих он любил, а за что — сказать сложно: может быть, потому, что любить на этом свете ему больше было некого. Председатель сельсовета Аркадий Петрович Минин не раз стыдил непутевых родителей, угрожал забрать сына в приют, но все увещевания его уходили как вода в песок, и Ковтуны продолжали жить по-прежнему.

Между тем, Серега преодолел путь вдоль реки и приблизился к селу. От Бузовки до Ивановки километров пять по шоссе, а напрямиком, полями, вдоль Битюга — вдвое короче выходит. Правда, мостик деревянный, возведенный еще в середине прошлого века, совсем уже хлипким стал, угрожая рухнуть в любой момент.

— Вот не везет так не везет, — сказал Серега самому себе, увидев, что мостик все-таки рухнул.

Лишь несколько почерневших от времени свай уныло отражались в серой воде. Дорогу до Ивановки Серега знал как свои пять пальцев, раз в месяц приходил он сюда, чтобы в местной сберкассе получить детское пособие на Васятку. Ходил сам, не доверяя жене, боялся, что Верка пропьет их единственный заработок, хотя и сам редко доносил до дома полученные в сберкассе гроши.

— Закурить бы, — проворчал Серега, опускаясь на корточки у берега.

Однако знал, что закурить не получится по причине полного отсутствия сигарет, да и спичек. Курева вдоволь у него водилось во времена когда был еще колхоз и платили зарплату. Выгнали его, когда по пьяному делу утопил трактор в пруду. Это была давнишняя забава бузовских мужиков: на спор переехать на тракторе по дну пруда с одного берега на другой. Спорили на бутылку или на две, но проигрывали, как правило, те, кто пытался форсировать пруд.

Трактора тонули, глохли на середине водоема, и редко кому удавалось достичь хотя бы прибрежных камышей на противоположном берегу. Не удалось и Серге Ковтуну, он проспорил литр самогона и был с позором изгнан с работы. Председатель колхоза Муса Мусаев не простил нарушителя дисциплины, да еще крепко наkostenялял Серге по плотной, короткой шее. Через пару месяцев сгорел доглы новый дом председателя, но поджигателя не нашли, а Мусаев переехал в соседнее село к многочисленным родственникам.

До следующего моста через Битюг было три километра и находило он в противоположной от сберкассы стороне, а значит, выходило, что путь Серёги увеличивался на шесть километров. Серёга критически осмотрел свое бедное одеяние и решил, что не дойдет. Вытершийся бушлат плохо удерживал тепло, а старые галоши на босу ногу не грели вовсе. Но идти было необходимо, и Серёга решился преодолеть водную преграду вброд. В месте, где он собрался переходить, было неглубоко, метра полтора, не более.

Серёга сбросил на пожухлую траву нехитрую свою одежонку, связал ее в узел и, в чем мать родила двинулся к воде. Лишь у самой кромки минуту помедлил и сделал шаг. Холодно было только вначале, но он не хотел прислушиваться к своим ощущениям и смело шагал по дну реки. Водоросли и осколки ракушек больно кололи ноги, холодный ветер выжимал слезы из глаз, но отступать Серёга Ковтун не любил, а может быть, не умел.

Невысокий, плотный, крепко сшитый да ладно скроенный, с недобрым прищуром голубых холодных глаз, он никогда не тратил время на размышления. Первый заводила и драчун в селе, Серёга наносил удар тогда, когда соперник думал, а стоит ли вообще затевать драку. Нож, топор, обрез охотничьего ружья — все шло в дело, когда Серёгу Ковтуна кто-нибудь выводил из себя. Односельчане удивлялись, что с таким характером он все еще на свободе и все еще жив. Он и сам порой этому удивлялся, своему необычному везению и гордился этим.

Должен ведь человек, чем-то гордиться. В детстве и ранней юности Серёга гордился умением отчаянно драться и не бояться физической боли. Не один кол был сломан об его упрямую голову в жестоких сшибках стенка на стенку. Потом предметом для гордости стали успехи на фронте любовном. Девушкам нравился этот наглый, смелый и бесшабашный парень. Времена менялись, вчерашние драчуны переженились, либо разъехались прочь из села, девичьи

цы повыскакивали замуж. Серега тоже женился на Верке Онищенко из соседней Павловки. Жену свою он никогда не любил, бил смертным боем, посылал за выпивкой и закуской. Верка мучилась, терпела побои и обиды, но идти ей было некуда. Родители умерли, а дом родительский развалился без присмотра.

Тяжело дыша и, забористо матерясь, Серега выбрался на другой берег, стал торопливо одеваться. На пригорке, возле крайних домов стояли местные мужики, наблюдали за переправой Ковтуна через реку.

— Что, уроды, мать вашу, а вам-то слабо? — крикнул он со злостью, пытаясь попасть ногой в штанину. — Сволочи, зажрались здесь, сидите по норам своим...

В глубине души Серега уже гордился своим поступком и знал, что уже к вечеру и в Ивановке, и в его родной Бузовке только и разговоров будет про его геройство. Ему было жутко холодно, но он крепился и виду не подавал. Гордо поглядывая на мужиков, Серега поднялся на обрывистый берег и широко зашагал по улице. Снова хотелось курить, но стрельнуть сигаретку у местных не позволила гордость.

Немного потеплело на душе, когда, получив в сберкассе деньги, он все той же широкой походкой подходил к шинку. Затем, заглянув в магазин, купил пачку самых дешевых сигарет и пошел к каменному мосту. Шел теперь не спеша, а в это время сына Васятку уже забрали из дома и повезли в приют.

«Там ему лучше будет!», — подумал Серега и у моста зашел еще в один шинок.

Жизнь теперь казалась ему легче и проще.

ПОТЁМКИНСКИЕ ПРУДЫ

Сан Саныч Бочкин находился в прескверном расположении духа, и было от чего. Ни возводимый рабочими из Молдавии новый гараж, ни истекающие соком голубцы, искусно приготовленные супругой, не могли поднять настроения. Покинув персональный «Шевроле», Сан Саныч с мрачным видом проследовал в правление.

— Никого ко мне не пускай! — рявкнул он секретарше и скрылся за дверью кабинета.

Грузно бухнувшись в кресло, председатель схватился за телефонную трубку:

— Пал Палыч, здравствуй, дорогой! Как дела? Как здоровье? В Испании, говоришь, отдыхал? Молодец! Ну, как там насчет просьбы моей. Что, нет ничего? Да ты меня просто без ножа режешь! — по-скучевшим вмиг голосом проговорил Сан Саныч и положил трубку.

Следующие три звонка приятелям тоже оказались безрезультатными, и Бочкин расстроился вконец.

Злоключения Сан Саныча начались в понедельник утром, когда ему позвонил заместитель главы района Скакалкин:

— Сан Саныч, в воскресенье в областном центре пройдет сельхозвыставка, все районы будут. Наш район должен выглядеть не хуже других: надо губернатору понравиться, сам понимаешь — политика. Так что с тебя два мешка рыбы, и чтобы крупная, а иначе: мой меч — твоя голова с плеч.

— Помилуйте, Павел Игнатьевич, какая рыба в нашем районе? Лет десять, как браконьеры всю переловили, — осипшим голосом начал было Сан Саныч.

— Ты мне Ваньку-то не валяй, у тебя прудов в хозяйстве много, так что потрудись ради общего дела, — голос заместителя становился жестким.

— А может, я лучше мясом? — взмолился Бочкин.

— Мясо Петрушкин привезет, а с тебя — рыба. И чтоб в пятницу утром доложил об исполнении, — отчеканил Скакалкин и положил трубку.

В то же самое утро, часом ранее, всех замов созвал к себе районный глава Бурчалкин и, как всегда, в грубой форме изложил суть проблемы. Достать рыбу,

мясо, колбасу и пиво поручено было Скакалкину.

Павел Игнатьевич поступил так, как обычно поступал в подобных ситуациях: а именно — переложил решение задач на нижестоящих руководителей. Бочкин достанет рыбу, Петрушкин привезет мясо, Трунс смотается в соседнюю область за колбасой и пивом, а он, Скакалкин, недремлющее око администрации, за всем проследит и доложит об исполнении. Ему хорошо был известен принцип работы административной машины: главное, чтоб крутилась исправно, а уж в какую сторону — не важно.

Между тем Бочкин продолжал падать духом и уже совсем было отчаялся, когда в голову пришла спасительная идея.

— Как же я, старый дурак, сразу не догадался? — ругал себя Сан Саныч, вылезая из постели.

Был уже поздний вечер и полная луна серебрила светом своим росистые травы. Заливались в кустах соловьи, квакали в пруду лягушки, а полевой извилистой дорогой в сторону границы с соседней областью пылил председательский «Шевроле». До Калиновки, что лежала к югу от колхоза, возглавляемого Бочкиным, было пять километров.

На краю села, аккуратно возле кладбища, стоял дом братьев Штучко. Невысокие, чернявые Остап и Тарас слыли в округе людьми известными, бывальыми, способными решить любую проблему. На счастье председателя братья были дома, возились в гараже со старенькой иномаркой.

— Кого это нечистая сила принесла на ночь глядя? — сердито заворчал Остап, выходя навстречу незваному гостю.

— Здорово, братцы, это я, Бочкин, председатель из «Красного серпа», — торопливо проговорил Сан Саныч.

— Здоровей видали, и то мимо проходили, — ответил на приветствие Остап и хищно оскалился, обнажив зубы.

— Никак случилось чего? — продолжил Штучко-старший.

— Выручайте, братцы, рыба нужна, — начал без предисловия Бочкин. — Чем хотите расплачусь, но в пятницу утром надо мне рыбы покрупней два мешка.

Остап переглянулся с вышедшим из гаража Тарасом, покачал головой и ответил:

—хлопотно это, сам знаешь: с рыбой нынче туго, давно перевели всю.

— Понимаю, что трудно, да наш губернатор сельхозвыставку затеял, а мне Скакалкин поручил рыбы достать, чтоб район наш не подвести, ведь мы испокон рыбными местами славились, — будто оправдываясь, пояснил Бочкин.

— Сельхозвыставку, говоришь, они это дело любят, — веско заметил Остап и продолжил, — что ж, попробуем твоему горю помочь. Ты мужик хороший, слову своему хозяин.

— Не выдайте, братцы, а я отблагодарю, — приободрился Сан Саныч.

— Ты это, того, не суетись. Мы проблему твою решим, а за расчетом приедем, когда посчитаем нужным, — сказал Остап и, повернувшись спиной к просителю, пошел к гаражу, показывая тем

самым, что аудиенция окончена.

Все еще не веря в успех, Бочкин нерешительно направился к своей машине.

— Ты говоришь, утром в пятницу? — окликнул его Остап.

— В пятницу, — подтвердил Сан Саныч.

В этот миг над его головой со свистом пронесся нетопырь и, рассекая тягучий влажный воздух, скрылся за кладбищенской оградой. Ворота гаража со скрежетом затворились, и Бочкин остался совсем один в этой почти перевозданной тишине. Недолго думая, он запрыгнул в машину и помчался в сторону родного колхоза, по пути поминая всех святых.

Остаток среды и четверг Сан Саныч провел как в полусне. Пару раз звонил Скаалкин, спрашивал, как дела. Бочкин что-то говорил, что-то подписывал на работе, что-то ел и все время напряженно думал. Думал он о рыбе и лихих братьях Штучко, о том, что если рыбы не будет, то попрут его из председателей, как пить дать попрут.

Вечером в четверг, докуривая последнюю сигарету в беседке возле дома, Сан Саныч заметил соседского деда Прокофия, копащегося у навозной кучи.

— Чего, старик копаешься: — спросил он просто так, разговора ради.

— Да вот, на рыбалку хочу сходить, — беззубо прошамкал старик.

— Совсем, старый, из ума выжил! — только и сказал Бочкин и скрылся в доме.

«Снова рыба, скоро свихнусь я на этой почве!..», — думал Сан Саныч, укладываясь в постель.

Ему не спалось до рассвета, и лишь ближе к утру сон стал одолевать председателя.

Но, чу, за окном послышалось тарахтенье мотора. Будто ужаленный, вскочил Бочкин с постели и выбежал на улицу.

К дому подъезжала выдавшая виды иномарка братьев Штучко.

— Принимай товар, Сан Саныч, — негромко сказал Остап, и они вместе с братом вытащили из багажника два внушительных мешка с рыбой.

Небрежно опустив их к ногам председателя, братья сели в машину.

— За расчетом осенью приедем, — так же приглушенно молвил

старший Штучко, и машина растаяла в тумане.

Бочкину вдруг захотелось преклонить колена перед своими спасителями, но их уж и след простыл.

А сельхозвыставка удалась на славу, и особо отличился район, возглавляемый Бурчалкиным. Поговаривали, что губернатор лично похвалил его за отменную рыбу и привел в пример другим главам, рыбное поголовье не сохранившим.

* * *

Глава Бурчалкин скупко похвалил своего зама Скакалкина, в душе, однако, приписывая все заслуги себе. Скакалкин не похвалил Бочкина, но позвонил ближе к обеду в понедельник.

— Вот видишь, товарищ Бочкин, можем, когда захотим. Ты мне к выходным сделай ведерко раков, а пивка Трунс подвезет. Нам, отцам района, тоже отдохнуть надо, особенно после сельхозвыставки, напрягла она меня, честно тебе скажу, — в трубке слышались короткие гудки, и Сан Саныч от души шмякнул ее об стол.

Накануне вечером соседский старик Прокофий трепался, что в соседней области в трех верстах от Калиновки какие-то головорезы напали на частный пруд:

— сторожа избили, связали, рыбы целый грузовик выловили и скрылись в тумане... Не иначе, опять братья Штучко шалят! — шамкал беззубо старик, пугливо озираясь по сторонам.

«Ну, теперь я точно с братьями не рассчитаюсь!», — подумал с тоской Сан Саныч.

Его «Шевроле» пылил в сторону Калиновки, где аккурат возле кладбища стоял дом лихих братьев Штучко...

Мария ЗНОБИЩЕВА

ИМЕНА

Рассказ

Теперь можно было подумать и о ребёнке. Достойный отец достойного семейства и самостоятельная преуспевающая мать. Они жили вместе уже десять лет. Предусмотрительно дождались, когда его повысят по службе. Предусмотрительно построили её карьеру. Предусмотрительно начали собственное дело. Предусмотрительно обзавелись домом, личным транспортом и собакой. Теперь можно было подумать.

Шёл второй месяц осторожного предусмотрительного ожидания. Всё свершалось чинно и мило, как в добротных викторианских романах. Камин и два кресла в гостиной, полусвет зимнего вечера, приятная расслабленность в мыслях и теле.

— Кого ты хочешь? Мальчика, конечно? — она посмотрела в огонь, разговаривая больше как будто с ним.

— Да... То есть, нет... Мне бы даже больше хотелось девочку. А тебе?

Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году. Студентка 4-го курса ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор шести поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Российский колокол», «Пионер», «Детская литература» и др.

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

В октябре прошлого года принята в Союз писателей России.

В 1-м номере «Тамбовского альманаха» Мария была представлена как поэт, в 3-м — как критик. В этом номере она выступает в качестве прозаика.

— А мне — пацана! Такого, знаешь, задиру и разбойника. Чтобы у него в голове всегда и по всем вопросам водились собственные мысли.

— Как у тебя?

— А почему бы и нет?..

Каждый подумал о своём.

— А как мы его назовём? — Он спросил только из вежливости, потому что был уверен, что родится дочь.

Она подобрала ноги под себя, удобнее устраиваясь в кресле и как бы готовясь услышать любимую сказку. Голосом золотистым и нежно-чужим прошептала: «Олежка».

Он не спросил, почему, да она и не ответила бы.

Тогда была ранняя осень, похожая на весну. Она только что перешла в пятый класс. Учиться совсем не хотелось, и ещё томило гудящее в жилах лето.

— Дети, в нашем классе двое новеньких: Катя и Олег.

Ослепительно красивая смуглая девочка с важностью поклонилась и заняла место рядом с ней. Того, другого, Олега, она тогда не запомнила. Весь урок с тактичным благородством (то есть, не поворачивая головы и ничем себя не выдавая) она осматривала новую соседку. Кате очень шло её имя. Вся она — от кончика косички до аккуратных бантиков на носках туфель — излучала тот особый тихий свет, который превращает обычную примерную девочку в образец для подражания. Катя держалась очень прямо, почти не улыбалась, красиво краснела и хмурила летучие тёмные брови, когда к ней обращались. На перемене примерная девочка довольно строго взглянула на неё и спросила:

— Почему ты так меня разглядываешь? Тебя как зовут?

— Кристина... — оказаться застигнутой врасплох было неприятно, — я тебя не разглядывала.

— Врёшь ты, Кристина. Я ведь не слепая. Ну, ничего, не стесняйся. Можешь смотреть — я разрешаю. Меня все разглядывают, потому что я красивая.

Это и точно было так. Но Кристину смутила эта смелая уверенность Кати. Смутила и почему-то заставила глубоко задуматься.

А потом пришло *то*.

На уроке литературы. Просто Анна Сергеевна назвала какое-то новое слово. И, как по волшебству, на него отозвался мальчик. Позже оказалось, что слово было его фамилией. Мальчик был совсем

бледный, почти прозрачный, как строчки Фета, которые он должен был отвечать. В раскрытое окно вошёл неслышный ветер. Кати в тот день не было, и поэтому ветер присел рядом с Кристиной. Он перевернул страницу её учебника, и — странно — залил её розовым золотом никогда не звучавшей прежде словесной музыки.

Кристина подняла глаза, и в них — хлынула синь. Холодная, сумеречная, свежая, она неслась на неё из какого-то бесконечного сияющего лабиринта. Она не могла бы сказать, что случилось потом: был ли сначала голос, а после свет, или прежде родился образ, из которого выросла музыка, но лицо мальчика, его глаза и тонкие бледные губы превратились во что-то важное, такое единственно важное в этом мире, что оторвать от них взгляд было невозможно.

— Я пришёл... — сказал мальчик.

— Пришёл, — повторило что-то у неё внутри.

— К тебе...

— Ко мне? — не поверилось жутко.

— С приветом...

И понеслись секунды муки и радости: только смотреть, смотреть на него, прямо в эти глаза, запоминать этот голос, весь, до нотки — серебряный и хрупкий.

— Рассказать, что солнце встало,

Что оно горячим светом

По листьям затрепетало...

Он помолчал, отвернулся, припоминая. «Говори же, говори! Я подсказу, я тоже знаю, только читай в моих глазах!»

— Рассказать, что лес проснулся —

Весь проснулся, веткой каждой!

«ВЭсь, вЭткой» — как он это сказал! Подхватил и унёс на двух волнах. И буквы поцеловали небо...

— Каждой птицей вострепнулся

И весенней дышит жаждой.

Рассказать, что с той же страстью,

Как вчера, пришёл я снова...

И тут как обожгло. «Страстью». Этого слова Кристина боялась. Значит, стихи — о том, о том, о том! Покраснела до слёз, потому что раньше этого были только Кай и Герда, потому что прежде *так* не думалось, потому что сквозь открытое окошко в солнце и плеск тополей упорхнула только что белая птица детства.

— Что душа тебе и счастью,

Как вчера, служить готова!
(Синие, синие какие у него глаза...)
— Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, но только песня зреет.
...Прошло. Несёт дневник. Что?! Четыре за невыразительность?
За не-вы-ра-зи-тельность?

В тот день она поставила ему несколько другие отметки.

Так начались долгие шесть лет Олега. Она служила этому имени, как рыцарь. Она молчала и только смотрела. Уходя из школы на выходные, страдала от того, что не видела, не слышала его. Они не дружили. Не разговаривали. Не сидели за одной партой. Не дежурили после уроков. Не танцевали вместе на школьных балах. Он всегда приглашал Катю, потому что Катя была красивая. И ей казалось, что это справедливо: король ведь должен любить королеву.

Олег прекрасно играл в футбол, волейбол, баскетбол и теннис, бегал быстрее всех, прыгал на самую большую длину и, как говорили, отлично плавал. Кристина страдала. Ничего этого она не умела. Но когда наступило лето, принялась усиленно тренироваться. Плавать она научилась, но руки и лёгкие были очень слабы. Играть в футбол её не брали. Зато каждое утро она бегала по просекам соснового бора, огибавшего деревенскую речку.

Сизый и жёлтый свет в вершинах улыбался ей, хвойные кроны вызванивали его имя, осторожные стрекозы одобрительно глядели на неё сквозь гигантские очки. В то лето она вытянулась, став как будто выше и стройней.

На первом же уроке физкультуры Кристина пробежала дистанцию первой среди девочек. И когда весь класс перед эстафетой делился на две команды, Олег, всегда бывший капитаном, сразу же позвал её к себе. Учительница заметила, улыбнувшись, что сначала надо разбирать мальчиков, а девочек приглашать — потом. Олег покраснел и ужасно разозлился за что-то на Кристину. Но и в эстафете она его не подвела.

Олег учился на «хорошо» и «отлично». Ему нравилась математика. Кристина любила языки, историю и литературу. Всё остальное просто терпела. Но вдруг ей во что бы то ни стало захотелось стать отличницей. И через год весь класс обращался к ней за помощью по любому предмету. Особенно приятно было тайком подска-

зывать Олегу, когда он отвечал у доски. Для этого она переселилась даже на ненавистную первую парту.

Он тоже иногда просил её о помощи — самой незначительной. А однажды его сестра из младшей параллели принесла ей своё сочинение.

— Проверь, пожалуйста. Олег сказал, что ты — самая умная в классе и, наверное, скоро сама станешь учительницей. Я приду на следующей перемене.

Весь урок Кристина читала скромное творение его сестры. По лицу её катились счастливые слёзы. Ей казалось, что теперь она тайно и кровно связана с ним, что буквы на чумазом тетрадном листке обещают ей неведомую радость, что он действительно ценит и уважает её. Спрятавшись ото всех, она целовала листок, шептала ему слова, которые никогда не решилась бы произнести вслух, делать на нём исправленья казалось ей кощунством.

Сестра его, наверное, тоже была королевских кровей. Наградив Кристину благосклонной улыбкой, она забрала свой листок и удалилась. «Теперь у меня есть повод заговорить с ним, — думала Кристина. — Сейчас я подойду и спрошу, что поставили за сочинение его сестре». Но она не подошла и не спросила: это было бы некрасивым напоминанием об оказанной услуге, — так ей тогда казалось.

Он говорил и делал странные вещи. Впрочем, когда Кристина задумывалась над ними, они не казались такими уж необыкновенными: это были её собственные мысли, о которых она молчала, и поступки, на которые она никогда не решилась бы. На переменах он постоянно рисовал. Никто не знал — что. Олега в классе уважали, даже любили, но близких друзей у него не было. Но как-то, выметая из парт бумажный мусор, Кристина нашла один из его рисунков. Это была женская фигурка, мягкая, невесомая, в ореоле пушистых волос. Только вместо лица у неё была пятиконечная звезда, и это казалось жутким. Кристина оставила рисунок себе и так привыкла к нему, что женщина-звезда перестала пугать её и стала её подругой. В другой раз она краем глаза увидела ещё один его набросок — тёмный профиль, похожий на Катин, и облепившую его кружевную стаю снежинок. В груди неприятно кольнуло, и Кристина поняла тогда, что это не ложь — то, что пишут в книжках о страдающей душе и раненом сердце.

Он и говорил по-особому, так, как и полагалось, по мнению Кри-

стины, говорить всем людям.

На уроке физкультуры он зацепился за куст боярышника и поврал майку. А на другое занятие пришёл в чём-то бесформенном и чёрном.

— Где твоя майка, Олег? — спросил его один из приятелей.

— Она умерла, — с непритворной печалью ответил тот, опуская длинные ресницы. — Она умерла, и я ношу по ней траур.

Он замечал то, чего в упор не видели другие.

— Этот Лобачевский не даёт мне нормально думать! — оправдывался он перед строгой математичкой, кивая на громоздкий, в жёлтых подтёках портрет.

Кристина тоже не любила Лобачевского, его сюртук, пристальный и мутный взгляд. С этого дня нелюбовь к нему переросла в ненависть: Олег получил-таки «пару».

Иногда Олег дерзил преподавателям, а Кристина, приходя в ужас от собственных мыслей, признавалась себе, что сама хотела бы иногда вот так постоять за справедливость.

Когда прошло уже три общих школьных года, ей захотелось узнать, что думает он о ней. Олег беспощадно высмеивал её подруг: одну — за вздорный характер, другую — за огненный цвет волос, третью — за слишком круглое и, в сущности, доброе лицо — за то, в чём они были виноваты меньше всего. Это было неприятно, и, решившись однажды спросить его, для чего он доводит их до слёз, она услышала:

— Я ненавижу то, что некрасиво.

В тот день она не решилась спорить с ним, но по ночам, возвращаясь к этому разговору, мысленно не соглашалась. Через несколько дней спор продолжился:

— Разве они виноваты в том, что некрасивы?

— Виноваты, если не понимают этого.

— Ну, хорошо. Над характером можно работать. Это поправимо. А что делать с формой лица? Ведь его создала природа.

— А булочек надо жрать поменьше! Эта твоя Коломенцева скоро треснет.

— Почему ты такой жестокий? Просто у неё такая привычка. Они есть и у тебя.

— Но не такие отвратительные. Я никогда не буду жрать, как животное.

— Главное разве в этом? Она ведь добрее всех в нашем классе.

Он только улыбался в ответ.

— А Инга просто рыжая — вся в маму. Здесь-то что можно сделать? Кстати, это я сама отговорила её красить волосы. Разве ты не видишь, как они на солнце горят, делаются почти красными?

— Великая красота! Просто супер! Куст рябины на голове. Как представлю её в халате и со скалкой — вот это да... Стерва будет что надо. До полноты картины ей надо школу закончить и замуж выйти.

Кристине было тогда так больно, что она не стала даже сдерживаться. Слезы гнева и обиды выступили на глазах.

Он только улыбался. А потом сказал то, что она запомнила на всю жизнь:

— Ты не такая, как они. Другая. Ты видишь красоту, как я. Но ты слишком добрая, чтобы за неё бороться. Красоту нужно добывать, вырывать у жизни. Иначе размажешь её, как манку по тарелке. И перестань плакать. У тебя лицо становится как у бабы!

А потом был девятый класс. Олег вырос и возмужал. Теперь Кристина не чувствовала себя долговязой и нескладной: они были одного роста. Перед уроком истории возле первой парты собралась внушительная толпа. Предстояло отвечать Гражданскую войну, учительница долго болела, а без неё никто ничего не понял. Кроме Кристины. И её попросили рассказать об армии Колчака.

Она уже не помнила, как это случилось, но лицо и глаза Олега оказались вдруг совсем близко. Он сидел на краешке соседней парты — ближе, чем самые близкие подружки, ближе, чем кто бы то ни было, и почти касался ботинком её туфельки. У Олега было в тот день одно из лучших его настроений: насмешливое, лукавое и нежное. Сначала он очень внимательно слушал, затем — начал задавать вопросы. Обстоятельно, как профессор на симпозиуме, Кристина повторяла ему то, что проговаривала несколько минут назад. Увидев, что сбить её с толку не удастся, он, видимо, решил её смутить. Надо сказать, что это удалось. Он смотрел на неё, не отрываясь, и взглянув на него в ответ, Кристина так и замерла: ведь он совсем не слушает! Он изучал её лицо, и это было ужасно. Продолжая свою лекцию, она в то же время думала о слишком густых своих бровях, узких и невыразительных глазах, о белесых ресницах, так не похожих на Катины... Он изучал её так долго и пристально, что щёки её порозовели. Сама не ведая о том, она была прекрасна в ту минуту — прекрасна, как юный проповедник. Распушившиеся

светлые волосы, яркий румянец, засиявшие стыдом и тайным восторгом глаза и голос, зазвучавший вдруг проникновенно и глубоко, привлекли к ней вскоре весь класс. «Я больше не выдержу», — подумала она, захлебнувшись мгновеньем, и замолчала. Глаза их снова встретились. В его — синих, как в детстве, — не было теперь насмешки. Не было и вечного их лукавства, не было и гордости, всегда пугавшей Кристину и превращавшей его в недосягаемого принца. Глаза улыбались мягкой и взрослой улыбкой, казалось, они просили дружбы и доверяли — её, печальным и серым — какую-то лишь двоим открывшуюся тайну — совсем, совсем не о Колчаке... И тут она увидела первый пушок над его губами. То было откровение внезапной взрослости, и оно поразило её. Она представила вдруг, что Олег — её сын, и что завтра он уйдёт на фронт, и что она навсегда потеряет его. Ей увиделись пыльная степь и полустанок, и пыльный вагон, увозящий его куда-то. Потом Олег показался ей братом. Младшим или так, будто они ровесники. Ей представилось, что они каждый день ходят с ним за грибами и черникой, а потом, высунув языки, сравнивают — чей синее, сочиняют песенки-не-складушки, едут куда-то на двух весёлых велосипедах, а по вечерам играют в бадминтон до тех самых пор, пока волан не станет невидимым и определить его полёт можно будет лишь по душному колыханью воздуха. Потом, потом...

Она была уже не сестрой его, а невестой. Они как будто прощались, и, держа её за руку, он вот так же смотрел ей в глаза: спрашивая, выпытывая, проникая в тайная тайных.

Бог знает, что читал в её глазах он и как долго продолжался их разговор, но когда Кристина очнулась, все почему-то смотрели на них. В глубине класса ворохнулся шумок. Кто-то хихикнул, кто-то вежливо кашлянул. «Был звонок», — авторитетно, театральным шёпотом сказала Катя.

Да, был звонок. И даже — о, несчастье, — учительница тоже смотрела на них из-за своего стола. Весь класс стоя наблюдал за мальчиком и девочкой, не замечающими никого вокруг.

Потом было много насмешек, впрочем, добрых, но от этого не менее мучительных. Олег избегал Кристины, она его — тоже. Так, будто они виноваты были друг перед другом, будто они совершили одну на двоих глупость.

«Евгения Онегина» она поняла раньше и лучше всех. Отвечать «Письмо Татьяны» вызвалась сама. А когда ответила, красная до

слёз, в классе стояла кромешная тишина. И никто, даже самые ярые насмешники, не осмелился сказать ей хотя бы слово. Все поняли. И понял пулей выскочивший из класса Олег. А через неделю их семья уехала из города вслед за получившим новое назначение отцом-военным. Этого не ожидали, тем более что до выпускного оставалось полгода. Они не простились. В тот день Кристину сбила машина, потому что она шла домой, ничего не видя.

Её часто навещали одноклассники, учителя, у постели сидела мама. Все они чего-то от неё хотели. Но Кристина не понимала, почему так важно было выпить кефир и съесть бульон, почему и для чего она должна была теперь «крепиться», «держаться», «стараться». Сломанная косточка ноги не срасталась удивительно долго. Никто не знал, почему. «Организм вполне крепкий», — говорили врачи.

— Это, мама, не косточка сломалась, — сказала она однажды, — это я сломалась.

— Что ты, милая? Опять у тебя жар. Поспи.

Спросить об Олеге было не у кого. Говорили, что он уехал в Тулу, а кто-то слышал, что и это было всего на год. Потом будто бы его семья собиралась во Владивосток.

То была её первая утрата. Всё потеряло смысл. С каким-то фанатизмом память подбрасывала ей всё новые и новые подробности недавнего прошлого: острый треугольник его подбородка, узор на кармашке ранца, запах чернил в его авторучке (она попросила однажды). Школа опустела. Когда все расходились, Кристина запиралась в кабинете математики, и, как о покойнике, рыдала о нём, сидя за его столом. Стол получал то поцелуи, то затрецины, выслушивал её пламенные монологи и — молчал.

Его фамилия никак не вычёркивалась из журнала, и когда кто-то из преподавателей по ошибке называл её при переключке, Кристина всё ещё слышался ироничный голос Олега:

— Присутствует!

И только Лобачевский, ставший вдруг милым и близким, по-прежнему угрюмо смотрел со стены.

Ей казалось, что прощая, наполненная *им* жизнь никогда не кончится. А если кончится, то в день выпускного, когда она скажет ему те заветные слова, которые давным-давно её мучат, и они простятся, как следует: красиво и немножко торжественно. Но случилось иначе, и в этой обидной незавершённости была такая почти трагическая пошлость, такая *некрасивость*, что хотелось плакать.

Потом она начала рисовать. Сначала его портреты, после — другое: замки, полыннные степи, пустыни с островерхими барханами, тихие заводы, поросшие камышом. Рисованье было дорогой к нему. Ей казалось, что она рисует его имя — похожее на льдинку или горное озеро. Олегом назывался осенний ветер, вздымающий сухие вихри листвы. Олегом звали князя (Кристина любила изображать его в шлеме и с легендарным щитом). «Олег» произносилось как вздох, а ещё казалось, будто падает лёгкая упругая капля — в самой глубине лесного сумрака, где никто не услышит её и не воскресит. Олег была отходящая от каменного мола ладья. Скорбная лодка для него одного.

Потом все рисунки куда-то исчезли, и Кристина никогда не вспоминала больше о них.

«Я уйду в монастырь», — решила она однажды. И не ушла. Прошло два года.

«Я найду его», — сказала в одну из невыносимых ночей. Она добралась до Владивостока, но, выйдя из вагона, расхохоталась, не зная, что делать дальше. Там она зачем-то закончила университет, там она искала *его* — и не нашла, конечно. Прошло ещё пять лет.

«Я никогда не выйду замуж», — пообещала она себе. И через год встретила того, кто спрашивает её сейчас, как они назовут... сына.

Неужели он ещё сомневается? Олег, Олежка, конечно...

— А девочку мы назовём... Любой.

Она не удивилась. «Простенько как-то, — только и подумала. — Да это и неважно. Всё равно будет мальчишка!».

Он закурил. Глаза его вдруг посветлели. Открылось окошко памяти, и в нём — Любочка.

У неё был удивительно тихий голос — такой тихий, что никто не мог слушать его без раздражения. «Девочка, погромче!» — кричали одни. «Что ты там мямлишь?» — нервничали другие. Любочка краснела, на ресницах её показывались даже слезинки. Видно было, что Любочка старается, но Небесный Мастер, наделяющий всех людей голосами, телами и душами, не предусмотрел для неё никакого громкоговорителя. Словно извиняясь за это, Любочка обычно молчала. Зато она умела многое делать руками. Руки её были совсем маленькие, как и вся она, какие-то розовые и милые, с аккуратными крохотными ноготками и ловкими пальчиками.

В то лето погода стояла самая грибная. По вечерам над посёлком гремели грозы, утром таяла и пела под ногами мокрая трава, и в душ-

ном воздухе полудня собиралась вся тайная пряная прелесть июля.

Как и все деревенские мальчишки, он не знал других радостей, кроме леса, речки и огромного неба, в которое так радостно было запускать бумажных змеев. Он закончил седьмой класс и просто сбежал из пропахшего пылью и дымом города.

Начались деревенские будни — одинаково светлые, ликующие и похожие больше на праздники. С утра и до полудня он пропадал с ребятами в поросших густыми травами оврагах, по склонам которых они любили скатываться на песчаное дно, ловил карасей или пропадал у соседа Мишки по кличке Алхимик.

После обеда, когда жара становилась нестерпимой, приходилось оставаться дома. Бабка поручала ему нехитрую садовую работу, и он часами собирал спелые вишни или красную смородину, или просто лежал на животе, подперев подбородок руками и слушая стрёкот кузнечиков. День ото дня занятие это становилось всё более скучным.

В один из таких часов, когда настоящее словно проваливается в невидимую бездну звука и света, он услышал тихий голос Любочки.

Голос говорил какие-то слова. Прислушиваясь, он подошёл поближе к изгороди — туда, откуда они доносились. Раньше он слышал, как девочки разговаривают со своими куклами, и это всегда казалось смешным. Но голос из-за изгороди звучал по-другому: то покорно, то воинственно, то быстро, то — как будто поневоле — так могла говорить только актриса или старательная школьная учительница:

...Имя твоё — птица в руке,

Имя твоё — льдинка на языке.

Одно-единственное движенье губ...

Имя твоё — пять букв.

«Оп-па! — подумал он, — да тут амуры... Что за пять букв? Саша, Витя, Миша, Сергей...» Стихи были незнакомые. В школе он не очень любил их слушать, но эти почему-то нравились. Может, из-за голоса: меняясь от слова к слову, он оставался свежим и сочным, хотелось, чтобы голос — запел.

В голову ему пришла озорная мысль — вот так, посреди представления, взять и показаться. Интересно, какое у неё будет лицо? И какое у неё вообще лицо?

— Какие хоть буквы? — Он раздвинул ветки и взобрался верхом на изгородь.

Вопреки его ожиданиям девочка нисколько не смутилась. Она обер-

нулась, поправила сбившуюся на лоб чёрную прядку, потом подошла к скамейке и показала ему маленький серебряно-голубой том.

— Цветаева. «Стихи к Блоку». Разве вы не знаете?

Лицо у него в тот момент было таким, точно врасплох была застигнута не она, а он. Во-первых, смущало «вы», во-вторых, два совершенно незнакомых имени («Мы ещё не проходили») и, в-третьих, её рассеянное «разве не знаете?».

— Что же вы молчите? Вас как зовут?

— Санёк...

— Сашей, значит. Как и Блока. А меня — Любочкой.

«Ишь ты!» — подумал он, отметив, что лицо у неё неинтересное — бледное, веснушчатое с небольшими неяркими глазами. Любочка смотрела выжидающе и вдруг, неизвестно почему, начала улыбаться:

— Вы что ли подслушивали?

— Да я это... Чё ты мне всё выкаешь? Тебе лет-то сколько?

— Даму о возрасте... Ну, ладно. Мне столько же, сколько было Джульетте, когда они встретились с Ромео.

Он начал выходить из себя, разговор совершенно ему не нравился.

— Ты можешь по нормальному говорить? Давай, я тоже начну загадки загадывать!

— Давай! — просияла она.

— Мне столько лет, что если б я был твой дед, то надо разделить на три и прибавить семь, и разделить на два, и вычесть четыре и прибавить восемь и ещё раз вычесть четыре, и разделить, и умножить...

— Не-е-ет, я в математике... — грустно прошептала Любочка, — да и откуда вы, то есть, ты знаешь моего деда?

— А откуда я должен знать твою дурацкую Ромеу?

— Если ты не моложе меня, вам должны были на лето задавать. Это Шекспир.

Про себя он подивился Любочкиной наивности. Последней прочитанной им книгой был «Справочник юного рыболова».

— А ты в восьмой пойдёшь?

— Да.

— Я тоже.

— Вот и выяснили. Мы, значит, ровесники. А Шекспира всё-таки почитай. Не пожалеешь!

Захотелось чем-нибудь её уязвить: «Вон какая — умничает, да ещё и поучает!»

— У тебя... голос, как у мыши.

— Да. Вот и папа так говорит. Но я работаю, я для этого и читаю вслух стихи. Мне уже надо идти, но ты приходи потом, если захочешь. Мы ведь только вчера приехали. Я и облюбовала эту скамейку. А тут — сосед с большими ушами! — Любочка снова улыбнулась, но не насмешливо, а ласково и как-то даже с состраданьем. Он невольно ощупал свои уши.

— Да я не в физическом смысле! Фразеологизм такой: подслушивать надо меньше, — и, тихонько смеясь, она побежала по дорожке в сторону дома.

...Он усмехнулся и даже фыркнул в эту минуту, вызвав недоумённый взгляд жены... Память услужливо сложила весёлые картинки того лета в причудливый пасьянс и теперь — по одной — открывала карты.

Он уже не помнил, как и путём каких метаморфоз открыл, дожидаясь однажды Любочки, предусмотрительно забытые ею «Стихи к Блоку». Они показались ему тогда слишком громкими, только голос Любочки позже помог примирить его с ними. Несколько дней его мучил вопрос о пяти проклятых буквах этого имени. Адресат стихотворения, поэт и тёзка, Александр Блок никак не укладывался в цифру пять. «Разве что, Санёк?» — осенило его, наконец. Но Любочка устроила ужасно обидную смеховую истерику, услышав такое предположение. Её разъяснения насчёт буквы «ер» на конце Блоковой фамилии его совершенно не удовлетворили. Снисходительно решив, что и Любочка не может знать всего, он оставил серебряно-голубую книжицу в покое.

В другой раз она забыла на скамейке «Ромео и Джульетту». Она забывала их с удивительной настойчивостью, а ждать себя заставляла всё дольше и дольше. Книга, таким образом, читалась — тайком, по страничке в день. Он узнал, что Джульетте было тринадцать и, значит, столько же было Любочке. Оттого, что она сравнила себя с героиней книги, трагедия много выиграла. Читать было интересно, тем более, что сходство действительно существовало: Джульетта изыскалась так же возвышенно, как и Любочка.

Они встречались каждый день после обеда и болтали до ужина. Он никогда не думал, что с девчонкой может быть так интересно. Любочка умела замечательно слушать, охотно училась и не говорила о том, чего не знала. Он рассказывал ей о химических реакциях, полётах на Луну, о ловле на живца. Любочка задавала неглупые вопросы и так внимательно выпрашивала о подробностях, что

иногда он позволял ей поболтать, в свою очередь, о книжках.

Если становилось совсем непонятно, он просто слушал сухой и спокойный шелест её голоса, смотрел, как маленькие розоватые её пальцы перебирают травяные бусы и, забывая о близости вечера, уже не спешил к друзьям и привычным занятиям.

На другое лето они встретились снова. Любочка сильно изменилась: выросла и стала совсем тоненькой. Глаза увеличились, а лицо озарилось каким-то новым светом.

— Помнишь, как мы познакомились? — спросила она однажды.

— Да. Ты пищала какие-то стихи.

— Я не пищала. И ты забыл — какие?

— Про имя. «Блоку». А что?

— Хочешь, я их опять прочитаю?

Он кивнул, и Любочка, встав перед ним и улыбнувшись, начала:
...Имя твоё — птица в руке.

Тут она протянула в сторону ладонь, показывая, будто отпускает птицу, подумалось, что — белую.

Имя твоё — льдинка на языке.

«Льдинка... — он вспомнил, как ещё совсем недавно ел сосульки. — Странно, а этой зимой их даже не хотелось. Это хорошо сказано — полежит и растает...»

Одно-единственное движение губ,

Имя твоё пять букв.

Дальше были и «мячик, пойманный на лету» и «серебряный бубенец во рту», и «камень, брошенный в тихий пруд», и «звонко щёлкающий курок». Любочка читала по-другому, не так, как прежде. Она больше не была похожа на учительницу. Тихий голос её звучал совсем так же, как в те минуты, когда она рассказывала о самых обычных вещах, но вместе с тем, он наполнился силой и смыслом. Казалось, в нём были и волнение, и радость, и тайна. Это был уже грудной — красивый и новый — её голос.

— Какая ты... — вырвалось у него, когда она, притихшая, села на скамейку.

— Какая? — Любочка посмотрела на него.

Лицо её в первый раз было так близко, и он увидел, что глаза у неё не бесцветные, а голубые и глубокие, как и всё, что сейчас произошло: вечер, стихи, её голос.

— Какая же?

— Хорошая.

Она улыбнулась ему своей прошлогодней улыбкой и сказала:
— Я очень люблю... Блока.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы он тоже полюбил... Блока. Прочитал вначале его биографию, потому что хотел подойти к Блоку серьёзно, затем — хранившийся у бабушки потрёпанный томик стихотворений и поэм. Он почти ничего не понял тогда, но потом, уже в девятом классе, учительница очень интересно рассказала им о Прекрасной Даме, о жене поэта, о революции и «Двенадцати». Саша превосходно отвечал в те дни. Ему нравились ранние тёткины стихи, их белая, голубая и серебряная музыка. Нравилось, что Прекрасную Даму Блока тоже звали Любкой. «При новой встрече я буду читать ей стихи», — решил он, в конце года сдав на «отлично» экзамен по литературе.

Но она не приехала. Домик, в котором они с родителями оставались летом, продали большому украинскому семейству. Он пытался узнать, где можно её найти, но от Любочки не осталось даже фамилии — почему-то они не спрашивали об этом друг друга.

Заученные наизусть стихи он повторял теперь с яростным постоянством, как молитву. Сперва было очень обидно: казалось, что Любочка обманула его. Потом он начал винить себя: как можно было даже не спросить, где она живёт, когда кончается лето? «Я был невнимателен. Это было мне неинтересно? Ненужно?» Просто тогда ему думалось, что Любочка так же присуща летним полдням, как шелест листвы и звон кузнечиков, как небо над его головой, как сладкий запах августа, как солнце. Теперь, без Любочки, он лучше почувствовал её. Мысли о ней напоминали музыку из старого кино или тихий весенний дождь: они и радовали и печалили.

На их скамейке бессовестно лежал некрасивый коричневый соседский кот. Деревья перед домом Любочки были срублены, на их месте стояли огромные деревянные качели, день и ночь сеющие по деревне скрип и ребячий хохот.

Теперь, поёживаясь в кресле, он думал о том, как мало, в сущности, её знал, и о том, что все его лучшие мысли и чувства, уместились всего в нескольких летних месяцах, сплетённых тихим голосом и тонкими пальцами Любочки.

...В июле родились двойняшки. Мальчик и девочка. Их назвали Ваней и Наташей.

И я, право, не знаю — почему.

Первый, из старейшин, круг
 Наблюдал за молодыми,
 За движеньем губ и рук,
 Растворяющихся в дыме.
 Даже тот из них, кто хмур
 Был с рожденья, улыбался,
 Восклицая гордо «Урр!»
 Для весёлого баланса.
 Выдавал довольный взгляд,
 Что пришлось по сердцу место,
 Что пришли в их дома лад
 И счастливые невесты.
 И не грех вблизи костра,
 Чтобы души утихли раны,
 За святую речку Ра
 И святую Ориану
 Кубок осушить до дна
 Вместе со жрецом – саманом:
 Не они ушли – страна
 Поглотилась океаном.
 К ним приветлив новый край:
 Дал пространство он и пищу,
 Лес – срубить избу, сарай,
 Поддержать зимой огнище.
 Вождь орусов издали
 Энергетику почуяв,
 Шедшую из недр земли,
 Заявил, что здесь ночуют.
 Слава присная вождю,
 Солнцу, греющему кости,
 Морозящему дождю,
 Посылающего гостя.
 «Тут сакральные места! –
 Вождь промолвил. – Небовидцы
 Не дадут – и неспроста! –
 Русам в топях заблудиться.
 Ставьте вежи навека
 Там, где бор и где окружьем
 Огибает бор река

Тёплая, как кровь белужья».

И назвали речку Моск,

Памятуя Ориану

И того вождя, чей мозг

Вывел род из океана.

И возник тут град велик

Со святилищем – и кани

Пролетали, видя лик

Божий, высеченный в камне.

Обходили грозы град,

Капище, вернее, словно

Прогонял их чей-то взгляд,

Нерасслышанное слово.

Поколенья, торопясь

Жизнь прожить без интервала,

Сохраняли с прошлым связь –

И она существовала

В звуке, в слове, языке,

Топонимике, обрядах,

Брачном знаке на руке,

Именах детей, нарядах.

Места краше и святей

Не было у них отроду:

У отцов и у детей,

И у целого народа.

Через годы и века,

Сквозь эпохи в геномном коде

Сохранилась та река

И живёт в моём народе.

2

Долог путь, когда один.

Не короче – у народа,

Ищущего впереди

Для племён огня и брода.

Ледяной вернулся крест

И освоивших пространство

Вытеснил с нажитых мест

И обрѣк на годы странствий.
 Ветер времени понѣс
 Через реки, степи, горы,
 Как пушинку, как начѣс,
 Русов в новые просторы.
 Их водою Инд поил,
 Знали южные пустыни,
 Очень долго помнил Нил
 Об ушедшем дальшие сыне.
 По нутру приилась ему
 Палестинская погода:
 Там, поставив градов тьмы,
 Проживал он до исхода.
 Знал его Балканский рай –
 Не небес, но столь же дивный...
 Только звал далѣкий край
 Подсознанием таимным.

3

Пал в бою царь Радогост:
 Одолели рать ромей –
 Подтянули ночью хвост
 Из-за Истра, точно змеи.
 Не пристанет к мѣртвым срам,
 И особенно – к герою,
 Не дающему врагам
 Спать довольно после боя.
 Брат Мусокий, протрезвев
 От ромейского набега,
 Бросился на них, как лев,
 Но, видать, без оберега.
 Всюду ворогом тесним,
 Он задумывался чаще
 Не о том, что станет с ним, –
 Что народ его обрящет.
 Хороша река Дунай!
 Только не водою моски
 Умываются – считай,

Вытирают с кровью слёзки.
 Не бывает добрым рок:
 Моски бросили угодя
 И на северо-восток,
 К землям мифа – Беловодью –
 Поспешили.

Длинен путь
 К Швивой горке от Дуная:
 Мест, где можно отдохнуть,
 От волнения замирая,
 Много – и не хуже тех,
 Что пришлось оставить Приску,
 Где возможно без помех
 И не подвергая риску
 Ни себя, ни свой народ,
 Жить счастливо многи лета,
 Но зовёт к себе и ждёт
 Ген прародины ответа.
 Встретить рада их куга,
 Сом готов попасться в сети,
 Поднялись вверх берега,
 Чтоб пораньше их заметить.
 Ели – липам, тополям,
 Дуб – рябине и берёзке,
 Ветры – птицам и полям
 Шепчут, что вернулись моски.
 Где носил их тяжкий рок?
 По какой команде кода
 Их выдавливал каток
 Многократного исхода?
 Вот они.

Видны уже
 Копья воинов.

До уха
 Скрип возка на вираже
 Долеет.

Филин – ухарь
 Беспокойно головой
 Завертел и выдал гуки,

Слыша говорок живой,
 А не разных тварей звуки.
 Даже Велес – бог добра
 И вселенского закона,
 Губы сжав, из-за бугра
 Приподнялся поверх кроны –
 Поглядеть на шум и гам:
 «Кто посмел покой нарушить?..»
 Удивился он шагам,
 А его большие уши
 Услыхали то, что он
 Позабыл, как мальчик юный,
 А ведь тоже был влюблён
 В несравненную Славуню.
 Поглядел – и поскорей
 К капищу ушедшей эры
 Поспешил, чтоб сыновей
 Укрепить в кумирской вере.

4

Застучали топоры
 На лесных полянах: моски
 Лес валили на дворы
 И на половые доски.
 Укрепляли берега
 Моска, Яузы и Истры
 От коварного врага,
 Объявившегося быстро.
 Под ногами у отцов
 Сыновья крутились, дочки
 Для соленья огурцов
 Листья хрена клали в бочки.
 Всё являло благодать:
 Запах елей, дух истомный...
 Далеко в себе видать –
 До глубин до автохтонных.
 Каждый чувствовал, что тут
 Его корни, его сила,

*Площадь главная, редут,
То, что станется Россией.*

5

*– Подходи скорей, народ,
Покупай хохлушку-рябу...
Эй, мужик, не цапай бабу –
Она яйца не несёт.*

*У несушки две ноги,
Два крыла, чтоб оторваться
От земли, но пироги
Ряба им несёт и яйца.*

– Я и баба рябе рады!

*Донеслось с другого ряда:
– Есть ниточки,
Есть игрушечки!
Подходите покупать,
Девки-душечки!
Подходите покупать,
Ниткой кунку зашивать...
За одну деньгу-московку
Быстро сделаю и ловко.*

*– Кому чашки?
– Кому ложки?
– Топоры кому, лукошки?*

*– Кому кипяток?
– Кому холст для порток?
– Кому яблок из мешка
Задарма, не без лишка!*

*Брали девки клюкву.
Лес
Прочесали до исподу:*

*С милым всюду интерес,
Через каждый пень-колоду.
И базар смакует буквы:
– Кому клюквы? Кому клюквы?*

*Площадь слышит говор, смех
Запахи мутят желудок...
Грех не впасть в чреду потех,
Поплясать под звуки дудок.
– Эх-ма, кутерьма,
Ждёт меня давно тюрьма.*

*Это под людские охи
В пляс пустились скоморохи.*

*– Ты куда бежишь, Назар?
Ведь не кончился базар!*

Расшумелась площадь.

Гуд

*В подсознанье хрупком, вязком
Память скручивает в жгут,
В луч, срывающий повязки
С глаз и рук, и с языка,
С ног великого народа,
Растворившего века
В буйной силе хоровода.
Забываются порой
Люди, города и страны,
Правда, вымысел, герой,
Время заживляет раны.
В хороводной чехарде
Память светлая народа
Сохранила место, где,
Кружит головы свобода.
Дух сакральный дней, часов
Нарождения из ноши
Слышен в гуле голосов,
Завертевших в круге площадьь.*

– Эй, скорей давай кружись,
Люди, площадь, небо, жизнь!

6

Грозный выглядит грозой!
Гроздьями висят на Лобном
Месте тати за разбой
Государственный и злобный.
Вьётся в небе вороньё,
Разрезая воздух в круге.
Вспоминая про «драньё»,
Пребывает люд в испуге.
– Кыш, нечистый ворон, аль
Тошный дух не без приятцы?
Улетай скорее, шваль,
А не то... в грязи валяться
Будешь рядом.

Я сказал...

Нечего вокруг вертеться.
Ишь нацелился в глаза,
Будто мало тебе сердца!

Дух-хранитель тайн Кремля,
Центра Руси изначалья
Был сердит: его земля
Переполнена печалью.
Кровь струится из камней,
Из кремлёвских башен, склепов.
Близкое всегда темней,
Непонятнее, нелепей.
Позабыта крепь страны,
Скрыты древние святыни.
Царь – послушник сатаны –
Напустил в подвалы стыни
И на дыбе мучит люд,
Рвёт крюками пах и рёбра...
Ох, Иван, презело лют
Лютью чёрной ты, недоброй.

В скрытой памяти веков
 Не найдётся государя
 С той же силой кулаков,
 Силой колдовского дара.
 Что не день – скользит петля,
 Перетягивает шеи,
 Заполняет у Кремля
 Непомерные траншеи.
 Дух сакральности царя
 Убедить никак не может
 Не рубить головок зря,
 Не срывать лоскутьев кожи.
 Храм, Иван, взлетевший ввысь, –
 Не ахти какая плата
 За загубленную жизнь
 В месте, что для Руси свято.
 Храм взлетел под облака:
 Слава Постнику и Барме!
 Но зачем, Иван, рука
 Держит страшный посох в храме?
 Слуги чёрных сил, Иван,
 У престола пребывая,
 Пьют сакральное из ран
 Окровавленного рая.

7

В горе, радости един
 Наш народ.
 Великой Смутой
 Уязвлён, чредой годин,
 С чёрной метою, по сути,
 Он явил могучий дух –
 И на площади сакральной
 (Жалко, что один из двух)
 Был Лжедмитрий обезглавлен.
 До сих пор ласкает слух
 Крик разгневанный народа:
 Горожан, бояр, их слуг,

Нищих низменного рода,
 Татей с площади, бродяг,
 Мясников, торговцев лишним,
 Тех, кто сделал первый шаг
 К непокорству ляхам пришлым.
 Площадь вознесла крыла
 Гнева, правоты, бессонниц.
 Площадь словно обрела
 Могуту церковных звонниц.
 Всполохе колокола
 Гнали кровь, будили совесть...
 А она была, была,
 Не перегибалась в пояс.
 Наши судьбы – не тихонь!
 Гордость для иного – ересь,
 А для нас она – огонь,
 Неразгаданная прелесть.
 Может всё стерпеть народ:
 Голод, холод, счёты власти –
 Но насмешки не поймёт,
 Даже самой светлой масти.
 Дышит церковь Покрова
 Сменой настроенья, ведром,
 Бьются волнами слова
 В её каменные рёбра.
 Вместе с паствой приняла
 Церковь Смуту как стихию
 Чёрных сил, исчадий зла,
 Запустивших в ход трихнины.
 «Бом-бом-бом!»

Всполошенный звон

Покрывает правдой эха
 Площадь с четырёх сторон,
 Льётся снизу, давит сверху.
 Звон, как паводок, течёт,
 Расходясь лучами улиц,
 Храбрым делает на счёт
 По натуре «мокрых куриц».
 Миг и надобен ему,

*Чтоб пробиться там, где тесно,
В клочья разорвав тесьму
Городского равновесья...*

*Вижу в глубине пространств,
Времени очаг свеченья
И людей, вошедших в транс
Высшего предназначенья.
Дух из прорези времён,
Автохтонен и неистов,
Вывел под мятеж знамён
Толпы, жаждущие истин.
Вижу лица и между
Слышу возгласы приветствий –
И всё больше нахожу
Общих черт и соответствий.*

8

*Дух истории ведёт
Русь, собирая в сгусток волю.
Знает он наперечёт
Имена её героев.
Древних пластований ил
Сохранил святые лики
На надгробиях могил
В серебре из повилики.
И хотя мы не вольны
Выбирать отцов, наследство,
Мне не стыдно: у страны
Было золотое детство.*

9

*Изнасиловав Москву,
Пётр, оставив ей вериги,
Новую вписал главу
В государственные книги.
Из крестьянских позвонков*

Пирамиду в гнильной топи
 Он возвёл и мужиков
 Показал в окно Европе.
 Был глазастым младший брат.
 Только в окна из Европы
 Повалил насилья смрад,
 Превращая Русь в некрополь.
 Пётр велик, но веры связь
 С появлением на престоле
 С площадью оборвалась
 По его державной воле.
 Русь ушла в леса, скиты,
 Унося с собою кринки
 И мужицкие порты
 Без ремня и без ширинки.
 Тихо шла в скиту себра,
 В закутке козлёнок блял –
 В новом городе Петра
 Не смолкали ассамблеи.
 Полстраны загнал в гробы,
 Полстране остриг он брады,
 От избы и до избы,
 Разделяя, вёл ограды.
 По лесам молилась Русь
 Двоеперстно, как и прежде, –
 Ставил царь, смеясь, на грусть,
 Как на рыбицу, мережи.
 А когда сравнили жит,
 Разругавшись, обессилив,
 Приказала долго жить
 Русь, оставив нам Россию.

10

Верил русич в сон и чох,
 В православную доктрину,
 И запечных дел сверчок
 Умилял порой детину.
 Знал, откуда он, пока

Из петровских академий
 Не стекла на них река
 Амнезийных эпидемий.
 Сотворение элит
 Из мигрантского подвоя
 Изменили суть и вид
 Государственного строя –
 Не народа: хоть «клеймён,
 Да не раб», свободен разум,
 Клички занамест имён –
 Не царём, а Богом мазан.
 Для народа властный кряж
 Неподъёмен до удушья,
 Но пронёс он крестный тяж,
 Не теряя добродушья,
 Каясь и любя вино,
 До семнадцатого года:
 Влезла в этот год в окно
 Большевистская свобода.

11

Площадь главная страны
 Покраснела – и обратно
 У Кремлёвской у стены
 Проступили пятна, пятна...
 Вздрогнули зубцы стены
 Толь от страха, толь от крови,
 Толь от крика сатаны,
 Что опять насупил брови.
 Боже мой, в который раз
 Из евангельского лона
 Вывел толпы чёрный сглаз
 Под мятежные знамёна.
 Каплет кровь убитых в прах
 Изначальной колыбели.
 Духи впали в липкий страх,
 Словно люди, оробели.
 Кровь, как поляя вода,

Вынесла остатки веры,
 Если и не навсегда –
 Не на век, по крайней мере.
 Власть сбивала люд во тьмы,
 Как мурзы сбивали в орды, –
 Лес корёжить для тюрьмы
 Победителям на норде.
 Напрочь позабыт урок
 И народ, его корректор,
 Если через малый срок
 Выстроен имперский вектор.
 Он же приготовил меч,
 Вновь проверить нас на прочность,
 Выжечь, а не оберечь
 Этнодух и этнообщность.

12

Истина тогда видна,
 Когда, сравнивая, учишь:
 У истории одна
 Практика – казаться лучше.
 Время, разбросав народ
 По полям, горам Евразий,
 Ждёт, когда народ поймёт,
 Что он попросту обязан
 Выяснить, откуда он,
 Из каких Месопотамий
 И зачем был занесён
 В его сердце чистый пламень.

Время пыль сдувает с глаз,
 В истине скрижаль полощет,
 Чтобы проступила в нас
 Покаянным светом площадь.

Марина СТРУКОВА

СОЛДАТ ИМПЕРИИ

*Ты устал жить сражения ради,
вычислять и выслеживать смерть,
ты устал, камня в засаде,
сквозь чужие руины смотреть,
ты устал в перекрестье прицела
чьи-то тёмные лица ловить.
Это тяжкое нужное дело –
бунт на южных границах давить;
где привал – неземная отрада,
где письмо – долгожданная весть...
Но Россия сказала: «Так надо».
И солдаты ответили: «Есть!».
Вкус промёрзшего чёрствого хлеба.
Старой карты потрепанный лист.
И скользит по чеченскому небу
след ракеты как огненный хлыст.
Ты устал жить сражения ради,
но, наверное, выбора нет.
И шагают сквозь сумерки рати,
на погонах несущие свет.*

Марина Струкова выросла и окончила школу в селе Большая Берёзовка Мучкапского района Тамбовской области. Училась на Высших литературных курсах. В настоящее время живёт и работает в Москве.

Публиковалась в журналах «Наш современник». «Молодая гвардия», «Подъём» и др. Автор трёх поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

* * *

*Через года, через века,
сквозь бой и слёзный причет
течёт кровавая река,
её Россией кличут.*

*Пусть лжеец сплетает цепь строки,
пусть новый тать смелеет...
пусть пёс лакает из реки –
река не обмелеет!*

* * *

*Высокий берег, медленный поток,
вишнёвый сад до самого обрыва,
и облака туманный завиток,
и вспышка грозового перелива...*

*Здесь гром и рок, и колокол и Блок,
мне открывая бесконечность жизни
на Юг и Север, Запад и Восток,
сказали о свободе и отчизне.*

*Здесь голос крови нас на битву звал,
а после к миру вёл по божьей воле.
Кто хлеб растил, кто с немцем воевал,
а кто-то и учительствовал в школе.*

*Я скрою всё, что дома не на лад,
всё расскажу, что сладилось на славу.
От древних книг и дедовских наград –
заветы предков, строивших Державу.*

*Здесь наш очаг – негаснувший цветок,
семь поколений предков помнит глина,
высокий берег, медленный поток,
в ржаной пыли великая равнина.*

* * *

*Красные ягоды, листья узорные,
белые хаты и пашенки чёрные,
реки бескрайние и полноводные...
Здесь и рождаются песни народные.*

*В них богатырская удаля былинная,
и каторжанская вольность звериная,
и скоморошья насмешка простецкая,
девичья грусть, похвальба молодецкая.*

*...Вечером звёзды горят небывалые,
люди сидят на крылечках усталые,
и с подголосками и переливами
песня плывёт над осенними нивами.*

*Падают вниз на дороженьки сорные
красные ягоды, листья узорные.
Скоро придут холода неминуемые,
поразгуляют вьюги колючие.*

*Ах, до чего ж ты, песня, печальная,
невесела была Русь изначальная,
да и сегодня терзается, плачется,
песню придумает, в песне упрячется,
словно в бездолии и непогодине
Родины нет, кроме песни о Родине.*

НА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЕ

*Не меня ты встречаешь под вишнями,
я служу на Засечной черте,
где холмы с караульными вышками,
чтоб костры зажигать в высоте.*

*Здесь товарищи к бою привычные,
но чужие на праздном пиру,*

*проклинают боярство столичное,
видят смерть, что красна на миру.*

*Азиатские полчища дикие
затаились в недалней дали,
затевают набег великие,
алчут новых рабов и земли.*

*Будем биться с врагами умелыми,
чтоб на милую Русь не прошли,
грянусь оземь пронизанный стрелами,
волком пряну с горячей земли...*

*Прибегу я шагами неслышными,
за туманами тенью замру,
посмотрю, как под белыми вишнями
на гулянье идёшь ввечеру.*

*А заметишь, не бойся, красавица,
золотистых огней в темноте.
Больше волк во дворе не появится,
он живёт на Засечной черте.*

*Где волнистые травы склоняются,
обвивая кресты и клинки,
да слезами в тиши разливаются
по оврагам глухим родники.*

* * *

*Молодой казак заходил в кабак,
по столу литой ударял кулак:
– Эй, хозяин-плут, дай-ка водки ковш,
вот последний грош, словом – не тревожьсь...
Он сидит да пьет, ливень в окна бьёт.
Есть повсюду люд, да никто не ждёт,
есть по свету путь, да куда спешить?
Вот и молод он, а постыло жить...*

– Эх, народ честной, у реки Карай
брошен дом родной и вишнёвый рай,
вьётся надо мной государев стяг,
длится срок земной у войны в гостях.
Не дарить бы даль пулевым свинцом,
не душить печаль горькой и винцом,
что до вражеских орд – пусть возьмет их чёрт,
я не больно горд, да не гончий хорт...
Засвистел казак песню на авось.
Засвистел сквозняк, знавший мир насквозь:
«А не жить тебе у реки Карай,
сторожить тебе порубежный край,
побивать тебе орды за грабеж,
противать в гульбе распоследний грош».

* * *

Речные острова в белейшей повилке,
серебряной листве, туманном ободке.
Преломлены лучей рассыпанные блики
в мерцающую дрожь росы на ивняке.

Замшели берега, травой увиты щедро,
чьи корни обнял ил, чья зелень так тепла,
вот маленький зверёк ныряет в эти недра,
вот яркие жуки сползают со ствола.

Из пышного плюща изменчивые арки
созвездьями цветов в лазурь устремлены.
За гривой камыша купаются казарки,
и лилия со дна всплыла луной волны.

Меж небом и водой, как облака, парили
речные острова счастливой красоты,
истаяли вдали, навеки озарили
пространство за душой – отечество мечты.

* * *

Агаману В. М. Репину

*Земли Войска Донского,
свечи чертополоха
на цветочном ковре.
Земли Войска Донского
проводжали в дорогу
казаков на заре.*

*Помнят наши станицы
как хранили границы
на имперском краю,
бунтовали, случиться,
и не чтили столицу,
чтили правду свою.*

*Помнят наши станицы
фронтовые зарницы,
эхо грозной войны,
вдов печальные лица,
похоронок страницы,
весть победной весны...*

*Земли Войска Донского.
Месяц словно подкова,
солнце – око орла.
Земли Войска Донского.
Наша доля сурова,
чтоб отчизна жила.*

*Мы далече бывали
и в тюрьме бедовали,
по этапу брели,
но креста не срывали,
веру не забывали,
возвратиться смогли.*

*Мы далеке бывали,
нас на тир зазывали,
было всё по уму.
Крепче мы не пивали,
краше мы не певали,
чем в родимом дому.*

*Земли Войска Донского,
нам с обрыва крутого
даль степная видна.
Земли Войска Донского –
дар от господа Бога,
дар на все времена*

АНТОНОВСКАЯ

*Черных дней прошло не меряно
через русское жнивье
только песня не потеряна,
я напомню вам её.*

*Эту песню беспокойную,
заводящую в петлю,
звероватую, разбойную
пел Есенин во хмелю.*

*«Что-то солнышко не светит,
над головушкой туман,
видно пуля в сердце метит,
видно близок трибунал.*

*Каркнет ворон на осине,
комиссар, взводи курок,
заведут тебя в трясины
и прикончат под шумок».*

*От костров, что в землю втоптаны,
раскатились огоньки.
Там, где армия безропотна,
Будут вольные стрелки.*

*Через чащи, поле дикое,
хутора и городки,
бродит воля всевеликая,
волчьи сузились зрачки.*

*Что-то солнышко не светит,
Пашины схвачены в бурьян.
Кровь отцов тебе ответит
Почему ты мстью пьян.*

*Враг гуляет по России,
да не знает всех дорог...
Знает ворон на осине.
«Комиссар, взводи курок».*

* * *

*Жетон он сорвал и отбросил в траву,
и вспомнил друзей и родную Москву.
Пуускай его не опознают,
о смерти вовек не узнают.*

*Он рос, как и все, слушал панк у пивной,
его во дворе называли шпаной,
но время пришло и основой судьбы
он выбрал высокую ярость борьбы.*

*В кольцо озверевшие «чехи» берут,
не знаете, гады, насколько он крут,
не быть ему в вашем зиндане –
контрактнику в черной бандане.*

*Навстречу взметнулся, гранаты в руках,
и вспыхнуло солнце над ним в облаках,*

*и дрогнули горы от взрыва,
и сходит лавина с обрыва...*

*И снова затих раскаленный Кавказ,
лишь клонятся травы в полуденный час,
ущелье туманом клубится,
да ворон к добыче стремится.*

* * *

*«У них имперские амбиции!» –
визжит политик-шоумен,
и наши бывшие провинции
трясут знамёнами измен.
А сами втихомолку, грешные,
порою жаждут всей душой
простора, как у нас – безбрежного.
и доли как у нас – большой...*

*У нас имперские амбиции,
они нужны, чтобы сберечь
и рода русского традиции,
и цель великую и речь.*

*Не жадность и не злость кромешная –
имперскость, не жестокий спорт.
Империя – лишь неизбежная
броня от приграничных орд.*

*И пусть, опять над нами властвуя,
они ведут трофеям счёт.
Империя – не дума праздная
и ложь от правды отсечёт.*

*У нас имперские амбиции,
они нужны, чтобы сберечь
и рода русского традиции,
и цель великую, и речь.*

Симона ЛАНДАУ

* * *

*Моя страна – не лес, не дол, не поле;
Моя страна – есть просто наша доля,
Что на своих плечах в слезах несём,
И, обустроивая, жнём и косим,
А чаще – проклинаям и поносим
И горечь разочарованья пьём.*

*Но тут наш дом. Живём – куда деваться?
Вся наша радость здесь и вся любовь,
И боль души, и пролитая кровь –
Ведь за него приходится и драться,
И пропадать в нём, хуже, чем в аду,
Терпеть нечеловеческие муки –
И смерть, и униженья, и разлуки...*

*И всё ж – страна моя. Я не уйду.
Так выпало – на счастье и беду.*

Симона Густавовна Ландау родилась в Санкт-Петербурге (Ленинграде), окончила театроведческий факультет ГИТИСа, работала в театрах Ленинграда, Омска, Симферополя. Уже много лет живёт в Тамбове. Автор нескольких книг прозы, поэзии, мемуаров. Член Союза театральных деятелей России.

ЗВУКИ ПАМЯТИ

*Есть столько звуков в тишине
У одиночества на дне:*

*Весёлый лепет малыша
В лесной тени у шалаша,
Любви застенчивый язык,
И матери предсмертный крик,
И стук по крышке гробовой,
Когда прощалась я с тобой...*

*Не нарушая тишины,
Они отчётливо слышны,
Срываясь с этого листа,
Текут туда – ко дну, ко дну,
В такую сердца глубину,
Где утихает маета
И вся дневная суета,
И под печальный вдовий кров
Врывается далёкий зов
Ушедшей жизни.
И в ночи
Лишь кровь усталая стучит,
И громко прошлое звучит.*

ВАЛУНЫ У ВОДЫ

1

*Пространств пустынных стражники немые,
Застывшие в болотах и песках,
Вас метили торосы ледяные
Морщинами на каменных висках.*

*И, подчинясь природы содроганьям,
Потоки волокли вдоль берегов*

*На вечное в глуши лесов молчанье
В сообществе лишайников и мхов.*

*Свидетели великих потрясений –
Нашествия нордических племён,
Противоборств, побед и поражений
Вплоть до печально памятных времён,*

*Когда и сосны, сбитые под корень,
И милый дом, что взрывом погребён,
Сгорели вмиг; и снег, от крови чёрен,
Оплавился, смывая скорбный стон.*

*И башенка, смотревшая на запад,
Исчезла, словно вовсе не была,
Но сохранился вересковый запах,
И мысль, что билась здесь, не умерла.*

*И, видно, вам хранить её поныне
У светлых вод, в молчании лесов.
Пусть каменное сердце не остынет,
Овеянное Розою ветров.*

2

*Валуны у воды – край, давно от меня отдалённый.
Расстоянье не в счёт, лишь беда, и года, и туман.
Это вдох той души, в самый воздух балтийский влюблённой,
И восторг удивленья, и взлёт, и печаль, и обман.*

*Валуны у воды – это чаек мятущихся крики,
И от зыби прибрежной – ребристый песок золотой,
И ушедшие в сны – невозвратно-прекрасные лики,
И цветущего вереска в соснах – медовый настой.*

*Валуны у воды – это юности верные стражи,
Что стояли, как будто зашедшие в порт корабли,
Обдуваемы ветром, напористо дерзким и влажным,
И глядели недвижно куда-то за грани земли.*

*И загадкой своей, ворожа, обещали мне счастье –
То ль открытий невиданных, то ли неожиданных побед,
Что из теста мечты той нешуточно радужной масти,
От которой горят лишь... А впрочем, – до старости лет...*

*Ощувив под ладонью однажды щербатую вечность,
Так легко было плыть на подъёме сердечной волны.
Всё, казалось, поймём, всё – объедем, все раны излечим,
Ведь не зря у воды нерушимо стоят валуны.*

ЯРОСЛАВНА

*Я плакальщица русская. Во мне
Тоскует дух извечный Ярославны,
О тех, кто погибает на войне
Иль исчезает в пропастях бесславных.*

*Лебёдушкой с надломленным крылом,
Что изливает горе в причитаньях,
Скорблю и плачу, кланяясь челом
Величию и мужеству страданья.*

*Всё так же стелется степная даль,
И вороньё кружится чёрной тучей,
И та же на? сердце лежит печаль,
Когда стоишь у той стены над кручей.*

*Течёт внизу река, и я молюсь,
Чтобы о прошлом не напоминала.
Но сколько – за века – Святая Русь,
Твоих сынов в сраженьях погибало?*

*И скольких душ не досчиталась ты,
Замученных и сгинувших, как тени?..
И кличу, кличу я до хрипоты,
Взывая к миру страшных привидений.*

*Машу?, невесть кому, невесть куда,
Крылом своим, надломленным тоскою,
Вслед облакам, что тают без следа
Над той, не просыхающей рекою.*

* * *

*Графика чёрных осенних ветвей
Вышита солнцем по синему шёлку.
Золото листьев – уже у корней,
Ветер принёс их мне прямо в кошёлку.*

*Галки крикливые над головой
Носятся низко большими кругами.
Можно ль считаться с их птичьей молвой
Мне, очарованной светлыми днями?*

*Право, богаче я всех богачей,
Властью мошны покоряющих землю, –
С золотом листьев и блеском лучей
Всю её страждущим сердцем объёмлю.*

РЕЧКА ЦНА

*Как хорошо на реке!
Ивы в ней пряди купают.
Лес за рекой вдалеке
Синей полоскою тает.*

*В воду глядится камыш,
Клевером пахнет поляна.
Солнцем прогретая тишь
Молит о кисти Сезанна.*

*Берег двоится в воде –
В тёмно-сиреневых бликах,*

*Жмутся к нему кое-где
Лилий русалочки лики.*

*Зелень дрожит на просвет
Коричневатым отливом,
Ярким огнём горюцвет
Вкра?плен в глухую крапиву.*

*Мостика узкий пролёт,
Тонкой висящей струною,
Так и зовёт, и зовёт
Вслед за бегущей волною.*

*Плавно текущей воды,
Тёмной от донного ила,
Кто обессмертит черты
Этого дивного дива?*

* * *

*Люблю в изменчивости всей
Открытья импрессионистов.
Увидеть мир в его красе –
Как он цветист! Как он неистов!*

*Игру мелькающих теней
Под ветром гнущейся маслины
И отражения огней
На стёклах уличной витрины,*

*Вокруг чреды угрюмых скал
Кипенье волн в часы прибоя,
На солнце – лодочный причал,
И небо! Небо – голубое!*

*И старый Лондон сквозь туман –
Каким-то призрачным виденьем,
И балерин упругий стан
В воздушных пачек лёгкой пене.*

*И в летний ливень во дворе
По лужам капель свистопляску,
И крыши Парижа на заре
Чуть лиловатую окраску...*

ПУСТЫНЯ

*Я живу давно в пустыне,
Средь бетона и стекла.
Одиноко чай мой стынет
В чашке на краю стола.*

*Пол не скрипнет под ногами.
Телефон молчит весь день.
И портрет в тяжёлой раме
Погружён в густую тень.*

*Что-то стало с зеркалами –
Поглощают все лучи,
Не отсвечивает пламя
От зажжённой мной свечи,*

*И предметы исчезают
В их туманной глубине,
И движенья замирают,
Будто тают в тишине.*

*А напротив, в шумном баре,
Джаз грохочет до зари,
И сверкают на бульваре
В гуще клёнов фонари.*

*Жить совсем без отражений
Окружающих вещей,
Словно в мире отчуждений
От текущих мимо дней, –*

*Всё равно, что падать в пропасть
В безнадежной пустоте.*

*Но быть может, одинокость –
Путь к нагорной высоте?
Я – и Образ на Кресте.*

* * *

*Есть жизни быстрина,
Как быстрина реки, –
Опасна и темна
Кружением тоски.*

*Есть жизни вышина,
Как вышина горы, –
Смятения полна
И ветрово?й игры.*

*И есть у жизни миг,
Как всплеск волны морской,
Едва его достиг –
До звёзд подать рукой.*

*И есть такой полёт –
До самых облаков,
Где нет уже тенёт,
И нет уже оков.*

*А есть такая гниль –
Страшней глухих болот,
В неё едва ступил –
Отчаянье берёт.*

*Но есть такая глубь –
Подобной в мире нет.
Её едва пригубь –
И обретётся свет.*

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ

*Не ждать похвал, а сердцем мерить,
Не славою, свой путь земной,
А звёздной строчкой Алигьери
Иль морем, вспененным волной.*

*Не проклинать, а жить, прощая
Тупой замшелости укор,
Ища покой – в цветенье мая
И в тихом зеркале озёр.*

*Так жить, что помнить миг, согретый
Сиянием любимых глаз
И зыбкой свежестью рассвета
На гребнях гор встречавший нас.*

*Так жить – на взлёт! А в час паденья
С тех, счастьем освещённых, круч
Поймать, как знак благословенья,
Прощальный свет – Зелёный луч.*

Лариса АСТАХОВА

ПЕРВЫЙ СНЕГ

*Снова тянет в поздний вечер,
В дом, которого уж нет,
Вновь томится поздний вечер
Обещаньем новых бед.*

*И у сна в лохматой пасти
Замер сад перед зимой,
И собака белой масти
Через сад бежит за мной.*

*Мне глядит в глаза с испугом,
Не пускает на ночлег,
Говорят, что это к другу...
Утром выпал первый снег.*

Лариса Астахова родилась и живёт в Тамбове. Работала художником, преподавателем, журналистом.

Автор книги для детей с авторскими иллюстрациями «Чудесный паровозик» (Тамбов, 1992).

Член Союза художников России и Союза журналистов России.

ДВА ОБЛАКА

*Как два облака в обнимку,
словно птицы – от зимы,
мы плывём по фотоснимку
и не верится, что мы
вдруг замрём у белой кромки,
лишь по глянцу – беглый свет
да слова про миг короткий,
будто нас на свете нет...*

ЗИМЫ-СКОМОРОХИ

*Снег за окнами висел,
Не метался, не летел...
Будто зимы-скоморохи
Белоснежные цветы
Мне поставили на окна,
Закрутили лепестки.*

*Закрутили, завертели
Кружевные письмена.
Не по-нашему запели
Непонятные слова.
И чужая лошадёнка
Не по-нашему бежит...*

*Кто-то крикнул мне вдогонку
Не по-нашему: «Держи»...
Просыпаюсь, загорелась
Огнём белым простыня...
Долго вьюге не терпелось –
Одурачила меня.*

МЕТЕЛЬ

*Я с утра ожидала капель,
Но внезапно выпала метель.
И в крутящемся снежном буране
Я одна, как пловец в океане.
Нарисуй мне спасательный круг,
На котором написано: «Друг»,
Чтобы я поскорей доплыла
Сквозь метель до родного тепла.
До горящего в доме огня,
Где не спят, ожидая меня,
Где давно постелили постель
И не знают ещё про метель.*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

*Видно, что-нибудь случится,
Что за ветер в феврале...
Живы ль звери, живы ль птицы?
Живы ль люди на земле?*

*Даже мост навечно скован
Над остуженной водой,
Изогнувшейся подковой
Спит под снежной кисей.*

*Небеса от снега слепнут,
Где твое созвездье, Лев?
Наши лица, словно слепки,
Словно гипсовый рельеф.*

*Только б слово не проснулось,
Только б взгляд звучал, звучал,
Видишь, как всё повернулось,
Как никто не ожидал.*

*Видно, что-нибудь случится,
Что за ветер в феврале?
Живы ль звери, живы ль птицы?
Люди живы ль на земле?*

БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ

*Белый колодец холодного утра
Да горсточка ягод почти ледяных...
Горько губам, будто трогают губы
Не день, а лекарство для очень больных.*

*Больно глазам в бессоннице гаснуть,
Больно руке не касаться руки.
Слушаю тихо, как страшные сказки,
Твои несмолкающие шаги...*

СИНДРОМ УСТАЛОСТИ

*Усталым дворником брести
Душе средь снега талого,
А снег никак не соскresti
Уж целый век – без малого.
Со всем измученным нутром
Себя уже невмочь нести,
А с неба – каплями синдром
Космической усталости.
Земля в беспмятстве летит,
Не сладив с тормозами,
А Вседержитель будто спит
С открытыми глазами.*

СТАРЫЕ ДВОРЫ

*Уходят старые дворы
Непостижимого смиренья.
Домов забытые миры –
Уже другие измеренья.
И лишь причудливым зверьком
Дымок по воздуху крадётся,
Как будто знает, что придётся
Оставить этот век тайком,
Чтоб он ни взглядом не окинул,
Ни окриком не удержал,
И страх, что, наконец, покинул,
Опять вослед не побежал.*

ПОЭТЫ – В ПРОСТРАНСТВЕ

*Поэты в пространстве не тают,
Даже если они улетают.
То осенним дождём возникают,
То листвою к траве приникают.
Ветер чернит невидимый конус –
По спирали уносится лист,
А сентябрь бесконечен, как космос,
Безнадёжно печален и мглист.
Но поэты в пространстве не тают,
Даже если о них забывают.
И куда они все улетают?
Бог их знает – ведь сами не знают.*

ТАКАЯ ОСЕНЬ

*Эта осень была – время года.
Эта осень была – злато в воду.
Это чирканье было стрижей,
О горящие главы церквей.
Это памятник в парке старинном
Под листвой наклонившейся бел.
Он пришел сюда, словно с повинной,
И от осени окаменел.
Это я, замирая над лужей,
Все гляжу с напряжённой тоской.
Вдруг увижу себя, обнаружу
Проплывающей над Москвой?
Даже не было в осени брода
И нельзя было броситься вплавь.
Эта осень была – время года,
И попробуй это исправь.*

СОН В РУКУ

*Был август от дождей не заперт
(Но запирай, не запирай...)
И вскрик будильника внезапен,
Как в сон ворвавшийся трамвай.
Еще не раз я номер вспомню –
Его остроугольный край.
И в монотонном рельсов стоне
Опять послышится: «Вставай...»
Но я в том сне
От всех закрыта,
Как дом под надписью: «На слом»,
Где ложка чайная забыта
В стакане
Согнутым веслом.*

Андрей КРУЖНОВ

ПРИНЦЕССА-РУСАЛОЧКА

Романтическая сказка
в 2-х действиях

*(По мотивам сказки
Г.-Х. Андерсена «Русалочка»)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РУСАЛОЧКА, принцесса подводного королевства.

ФЕЯ, воспитательница Русалочки.

ПРИНЦ.

КОРОЛЬ, отец принца.

СОВЕТНИК, подданный Его Величества.

ИЗАБЕЛЛА, принцесса соседнего королевства.

ЭЛИЗА, камер-фрейлина принцессы Изабеллы.

ВЕДЬМА, морская гнусная тварь.

УСТРИЦА.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

А также: Бродячие музыканты, Дочери воздуха и Морские ужи.

Андрей Кружнов родился в Тамбове в 1962 г. В юности посещал актёрскую студию при Тамбовском облдрамтеатре, изостудию и литературное объединение «Радуга». Окончил Институт культуры и Литинститут. Работал актёром, преподавателем актёрского мастерства. В настоящее время — завлит Тамбовского облдрамтеатра.

Автор нескольких пьес. «Принцесса-русалочка» вошла в шорт-лист Международного конкурса драматургов «Евразия-2006», поставлена в одном из студенческих театров Москвы.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

I эпизод

Морской берег рядом с городской стеной. Из воды выныривает РУСАЛОЧКА и смотрит вверх на городскую стену. Со стены слышны голоса глашатаев. «Сегодня женится наследник короля! Каждый житель королевства обязан веселиться! Праздник в честь свадьбы Его Высочества! Праздник на городской площади!» На берегу появляется ФЕЯ-воспитательница с длинной тростью-палкой.

ФЕЯ. Вы опять здесь?.. Всё рыбе царство сломало жабры, все готовы встретить молодую королеву. А их божество пялит глаза на городскую стену!

РУСАЛОЧКА. Я хочу в последний раз посмотреть на людей. Ведь морской королеве нельзя подплывать к берегу.

ФЕЯ. Закон суров, но это закон! Золотая моя рыбка.

РУСАЛОЧКА. Я приношу семьсот пятьдесят второе извинение, дорогая Фея.

ФЕЯ. Правило А! *(Цитирует.)* «Королевский сан обязывает иметь...»

РУСАЛОЧКА *(продолжая)*. «...холодный рассудок и железную волну!»

ФЕЯ. Правила Бэ и Цэ!

РУСАЛОЧКА. «У морских жителей никаких чувств нет, кроме страха или покоя.»

ФЕЯ. Цэ!

РУСАЛОЧКА. «Холодная кровь и крепкая чешуя — главное в низшем мире.»

ФЕЯ. В подводном, рыбка моя, а не в низшем!

РУСАЛОЧКА. Приношу семьсот пятьдесят третье извинение, дорогая фея.

ФЕЯ. И не вздумай дуться, чёрт подери мою мягкость! Кстати, на твоём балу будут мои подружки, тоже феи, ты должна блеснуть перед ними. Ты ведь знаешь как все любят тебя?.. А теперь, моя рыбка, отправляйся в жемчужный дворец.

РУСАЛОЧКА. Ну, пожалуйста! Ещё немного!..

ФЕЯ. Нет! Отец твой болен и стар, он не переживёт, если его дочь

ДРАМАТУРГИЯ

попадёт в рыбацкие сети. Сейчас же!

Русалочка скрывается под водой.

ФЕЯ. Откуда взялось это безмерное любопытство к людям? Или я что-то упустила в её воспитании?.. Нечего ломать голову. Квод лицет Йови нон лицет бови — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку! (*Ткнув тростью в песок.*) Эй, Устрица, проследи за ней. Я должна знать о каждом шаге вашей будущей королевы.

Из песка вылезает УСТРИЦА и, хлопая створками, исчезает под водой. Фея три раза ударяет тростью о землю и слышатся раскаты грома.

(*Задрав голову, как бы обращаясь к глашатаям на городской стене. Насмешливо.*) Праздник на городской площади? Глупцы, отправляйтесь по домам. Сегодня будет лить как из бочки!

II эпизод

Гавань. Причал. Грозно шумит море. Выбегает 1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ, явно выпивши, сложив ладони рупором, он кричит в сторону моря.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Ваше Высочество-о!!! А-у-у!!! Ваше Высочество, верните-есь! Если вы утонете, ваша невеста тоже утонет в слезах, пропади она!.. Я бы и сам, конечно, сбежал от этой медузы на край света... Ваше Высочество-о!..

Появляется РУСАЛОЧКА. Увидев Исполнителя, Русалочка прячется в укрытии. Неподалёку от Русалочки прячется Устрица.

РУСАЛОЧКА (*играясь*). Ваше Высочество-о!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*насторожено прислушиваясь*). Ваше Высочество!

РУСАЛОЧКА. Ваше Высочество!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Это я говорю женским голосом, или эхо? Э-

э, надо сказать повару, пусть вино больше водой разбавляет.

Вбегает СОВЕТНИК.

СОВЕТНИК. Свадебный бал только начался, а ты, чурбан, уже не видишь дальше своего носа! Где принц, свинья?!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Принц не свинья, господин советник, принц переделся рыбаком и уплыл на рыбацкой лодке в никому неведомые страны.

СОВЕТНИК. Ах, сбежал! Мальчишка! Догнать! Вернуть невесте! Сию же секунду, чурбан!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. О-о, господин советник, принц совсем не чурбан. он отпустил все лодки в море. Все до одной! (*Кричит в сторону моря.*) Он даже не подумал, как расстроит отца и старую достойную женщину!

СОВЕТНИК. Старую? Пьяная свинья, что ты сказал?!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Я не сказал, пьяная свинья! Я сказал, достойную королеву Альчичи!

СОВЕТНИК. В погоню! Живо! Хоть на соломинке верхом — догнать мальчишку и вернуть на свадьбу!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*опешив, испуганно*). На какой соломинке? Разве я смогу на соломинке, господин советник!.. (*Пытается смыться.*)

СОВЕТНИК. Стоять! (*Достаёт пистолет.*) Считаю до трёх, потом стреляю! Раз!.. (*Наводит на него пистолет.*)

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Считайте до ста, господин советник, а то я не успею раздеться. (*Снимает с себя одежду.*)

СОВЕТНИК. (*орёт ему в самое ухо*). Два-а!!!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Слышу, слышу, господин советник. Сапоги вот маловаты, чёрт бы их подрал.

СОВЕТНИК. Три!!!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*крестится*). Господи, прости, если что-то делал не так...

Исполнитель уже собрался было прыгать в воду и вдруг перед ними появляется РУСАЛОЧКА. В руках она держит канат потерявшейся лодки. Советник и Исполнитель замирают, словно превратившись в каменные статуи. Пауза.

РУСАЛОЧКА. Не стоит волноваться, господа люди. Я присмотрю

ДРАМАТУРГИЯ

за вашим принцем. Как никак я ведь тоже принцесса.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Клянусь, или я пьян, или это рыба женского рода. Я хотел сказать — русалка!

СОВЕТНИК (*роняя пистолет*). Си-си-силы небесные! Пис-пис-пис...

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*недоумённо*). Это приказ, господин советник?

СОВЕТНИК (*наконец выговаривая*). Пистолет, чурбан!

РУСАЛОЧКА. У меня нет острых зубов и ядовитых щупалец, меня не стоит бояться.

СОВЕТНИК. Сгинь, отродье морское! (*Стреляет.*)

Русалочка ныряет. Пауза.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Привиделось что ли?.. (*Вдруг начинает истошно орать и убегает, скорее от Советника, чем от Русалочки.*) А-а-а, люди добрые, спасите! А-а-а, люди добрые, помогите!.. А-а-а!..

СОВЕТНИК. Стоять! Стоять именем короля!.. (*Убегает за ним.*)

Русалочка выныривает и смотрит им вслед.

РУСАЛОЧКА. Эй, вы напугали меня!.. Неужели советник гремит из этой дырявой штуки даже на принца?.. Удивительно шумный мир.

Из укрытия показывается УСТРИЦА.

УСТРИЦА (*восхищённо*). Это он со страху, Ваше Высочество! Как только увидел ваш хвост, глаза его — охо! — сделались больше моего панциря. Оно и понятно. Вон, морская ведьма делает себе две подпорки, чтоб похулиганить там, в городе, так морские ужи шарахаются от неё, как от акулы; а когда подпорки опять срастаются в хвост, уже люди, там наверху, прыгают со страху, как лягушки. Всё это дело привычки, скажу я вам.

РУСАЛОЧКА. Выходит, принц испугается тоже?

УСТРИЦА. Уже не испугается, Ваше Высочество, душа его — бульк! — улетела на небеса.

РУСАЛОЧКА. Душа? Что это?

УСТРИЦА. Душа у людей, вроде как пузырёк воздуха. Их панцирь остаётся на земле, а душа улетаёт в небо.

РУСАЛОЧКА. А где моя душа?

УСТРИЦА. У морских жителей души нет, от нас остаются только камни да пена. Правда, как-то я слышала, ведьма говорила, ежели найдётся такой глупый человек, полюбит кого-нибудь из нас и женится, на лягушке или на камбале — смеху-то! — тогда уж частичка его бессмертной души перейдёт к ней. Удумать же надо!.. Так что, принц благополучно утонул и нам можно спокойно плыть во дворец.

РУСАЛОЧКА (*возмущённо*). Утонул?! И ты говоришь, спокойно плыть?! Глубоководное бессердечие! Принц! Принц!.. (*Исчезает.*)

УСТРИЦА (*передразнивая*). Ах, ах, ах! Можно подумать, у вас есть сердце. Ну вот, понервничаешь и панцирь уже темнеет! Ваше Высочество!.. (*Скачет за ней.*)

III эпизод

Появляется РУСАЛОЧКА на морском дне. От большой глубины здесь гораздо темнее, чем наверху.

РУСАЛОЧКА. Принц! Принц!.. Где же он? Наверху пустая лодка, рядом ни души... Эй, кто-нибудь! помогите мне отыскать принца...

ГОЛОСА ЖИТЕЛЕЙ МОРСКИХ ГЛУБИН. Веки-вечечные, обеспеччены... Принц-инц-инц-ц-цссс...

РУСАЛОЧКА. Не бойтесь, он не сделает ничего плохого, он погибает!..

ГОЛОСА ЖИТЕЛЕЙ МОРСКИХ ГЛУБИН. Тишшшшшь... Слышшшшь... Лежишшшшь...

РУСАЛОЧКА. Вы бессердечны! Принц! Принц!

Появляется ПРИНЦ, его руки и ноги опутаны водорослями. Глаза его закрыты, он не идёт, а плывёт куда-то по течению, затем медленно опускается на дно.

Принц? Это он! Какой красивый и бледный! (*Приближается к нему.*) Ах, какие у него белые губы, он совсем не дышит. Подите прочь! Отпустите его! Немедленно! Это говорит вам будущая королева! (*Русалочка рвёт водоросли и подхватывает Принца.*) Скорее, скорее, скорее наверх!.. (*Она увлекает за собой Принца.*)

Появляется УСТРИЦА.

УСТРИЦА. Позор морям и океанам! Русалка спасла человека! Все скажут — принцесса просто сошла с ума!.. Кожж-ма-ар!!

К Устрице подплывает МОРСКОЙ УЖ.

МОРСКОЙ УЖ (*шипя и извиваясь вокруг Устрицы*). Сишшком шшумная ушшштрица!

УСТРИЦА. Измена! Я подданная Её Высочества! Меня, меня нельзя кушать! Я жёсткая несъедобная устрица! Помогите!.. Я буду жаловаться Фее-воспитательнице!..

МОРСКОЙ УЖ (*утаскивая Устрицу*). Вкушшня-атина!

IV эпизод

Небо ясное и чистое. Лёгкий шум прибоя, крики чаек. На каменистый берег РУСАЛОЧКА вытаскивает ПРИНЦА.

РУСАЛОЧКА. Уф! Вот это тяжесть! Как же вы в небеса поднимаетесь, хотела бы я знать?.. (*Слушает его сердце.*) Тук, тук, тук!.. (*Заинтересованно.*) Ага, а ваше сердце бьётся гораздо громче нашего...

Слышен звон монастырского колокола.

Шумно у вас, здесь на земле. (*Разговаривает с ним.*) В нашем синем безмолвии тебе бы понравилось больше, я знаю. Если вдруг тебе повезёт, ты можешь стать мужем королевы-русалочки. Со временем у тебя тоже вырастет такой вот блестящий хвостик!..

Вдали слышатся голоса фрейлины Элизы и принцессы Изабеллы.

ГОЛОС ЭЛИЗЫ. Куда, куда! Ну, куда вы, Ваше Высочество!..

ГОЛОС ИЗАБЕЛЛЫ. Элиза, я не заставляю за мной таскаться. Езжай во дворец и веселись!

РУСАЛОЧКА. Скорее, скорее, морская трава, укрой! Спрячь его! (*Нагоняет из воды водоросли и укрывает ими Принца.*)

Появляется принцесса ИЗАБЕЛЛА и её камер-фрейлина

ЭЛИЗА. Русалочка прячется за прибрежный камень и оттуда наблюдает за происходящим.

ЭЛИЗА. Отт! И куда ж это вас в камни тащит, а?! Ног что ль не ломали?!

ИЗАБЕЛЛА. Стой, где стоишь! Или я тут же разобьюсь о скалы! Сама выходи замуж за этого старого пьянчужку!

ЭЛИЗА. Господи Иисусе! Тридцать пять женихов от ворот повернули, куда годиться! Теперь вот и короля метлой — как же это?!

ИЗАБЕЛЛА (*передразнивая*). А никак это. Я не желаю, чтобы рядом со мной храпел красноносый бурдюк с вином.

ЭЛИЗА. В наше время-то лучше сыщешь ли. Отт разорительница! Уйму денег на стол ухлопать и на тебе — невеста сбежала! Ведь по всем странам-государствам языками прополощут!..

ИЗАБЕЛЛА. А ты... объяви гостям, невеста дура — утопилась, буль-буль... А Наше Величество пока искупается. (*Поднимает края платья и залезает в воду.*)

ЭЛИЗА. Тьфу ты, хуже холеры! Была бы матушка жива, выдрала бы вас, как сидорову козу! Ничего, сейчас я всем объявлю про эту срамоту. (*Собирается уходить.*)

ИЗАБЕЛЛА. Ах так! Ну, Элиза, теперь грех будет на твоей душе!

ЭЛИЗА. Час от часу не легче.

ИЗАБЕЛЛА. Видишь вон тот монастырь?.. Я решила, жить мне лучше будет там. Нет, хуже. На одних хлебных корках и на морской воде... как святая Агнесса. Да-да, благодаря твоему длинному языку и короткому уму. А королевского барашка можешь поцеловать в его картофельный нос. От меня.

ЭЛИЗА. О, Господи! Ведь от книжек этих всё у вас помутилось. этот не пригож, тот на гуся похож. А надо не о рыцарях мечтать, а о том, что под ногами лежит... Прости мою душу грешную, святой Павел.

Изабелла и Элиза поют песню-молитву.

ИЗАБЕЛЛА. Скажите, небеса, мне, отчего
Исчезли рыцари на свете?

ЭЛИЗА. Они исчезли, друг мой, оттого,
Что подросли такие дети.

ИЗАБЕЛЛА. Святой апостол Павел, помоги

ЭЛИЗА. Найти прекрасного Тристана!
Клянусь, я отдала бы две ноги,
Найдись мужчина без изъяна!
(Поют вместе.)
О, Господи, прости нам прегрешенья,
Раз нету нам, несчастным, утешенья,
Раз нету в мире счастья и везенья,
Кругом обман, обиды и сомненья!..
О, Господи, пошли же нам прощенья
За эти небольшие прегрешенья!..

Принц открывает глаза и удивлённо смотрит на них.

ПРИНЦ. Скажите, добрые ангелы, я уже в Раю?

ИЗАБЕЛЛА. Ах! *(Падает без чувств.)*

ЭЛИЗА. Чтоб ты лопнул, грешник! Протри глаза-то. Это же сама принцесса Изабелла! Повыбрасывает тут всяких полоумных... Ваше Высочество, как вы?

ИЗАБЕЛЛА. Умираю.

ПРИНЦ. Это не та ли самая кривляка Изабелла?

ИЗАБЕЛЛА. Что-что?..

ЭЛИЗА. Много ты знаешь, деревенщина! Благодаря её молитвам душа вернулась к тебе, зато она сама, негодник, чуть не отдала Богу душу. Из-за тебя!

ПРИНЦ. Выходит, я должник? Что ж, по закону рыцарской чести — вы спасли мою жизнь и я отдаю её в ваши руки.

ИЗАБЕЛЛА. Ты что, не можешь говорить проще?

ПРИНЦ. Можно и проще. Я предлагаю вам стать моей женой.

ЭЛИЗА. Да ты рехнулся, рыбацкий сын! Я тебя так женю, кобылы шарахаться будут!..

ПРИНЦ. Полегче, полегче, женщина! Я потомственный принц! Вон, моё королевство на том берегу. Лохмотья? Лохмотья надеты специально, я тайно бежал из дворца. *(Снимает рыбацкую куртку, под которой оказывается белая ажурная рубаха.)*

ИЗАБЕЛЛА. Ври больше! Может, ночью тебя пытались зарезать? Кто? Воры? Мятежники?

ПРИНЦ. Пустяки, я бы вышвырнул их в окно.

ИЗАБЕЛЛА *(кривляясь)*. Ах, несчастный! Вы незаконнорожденный сын короля! Элиза, у нас не найдётся лишней короны?

ПРИНЦ. Хотя вы и злы на язычок, но я скажу правду. Отец хотел женить меня на старой королеве. А я, назло отцу, решил жениться на первой встречной.

ИЗАБЕЛЛА *(возмущённо)*. Я — первая встречная?! Вот, Элиза, настоящий Тристан! И этому чудовищу я спасла жизнь!

ПРИНЦ. Я далеко не чудовище, да и вы тоже... молоды и не простушка. Сейчас мы отправимся во дворец, завтра обвенчаемся, а через месяц-другой, глядишь, и полюбим друг друга.

ИЗАБЕЛЛА. Элиза, он урод или сумасшедший?

ЭЛИЗА. По выходкам — точный принц.

ИЗАБЕЛЛА. Что ты болтаешь. с бухты-барахты под венец с первым встречным?!

ЭЛИЗА. Коли богатое королевство, что бы и не с бухты-барахты.

ИЗАБЕЛЛА. Грубая, толстокожая, Элиза! Так говорить о святом деле!.. Принц, я всё решила. С этой минуты я никогда ни за кого не выйду замуж! Ни-ко-гда!

ПРИНЦ. Все незамужние принцессы так говорят.

ИЗАБЕЛЛА. Да как ты смеешь! Я... я всю жизнь посвящу служению Богу и уж поверьте, рыцарь мокрого образа, когда-нибудь я встречу вас на небесах и посмеюсь над вами. Прощайте!.. *(Уходит и снова возвращается.)* Не вздумайте ходить за мной, как тень. Лучше вам забыть меня!.. *(Уходит и снова возвращается.)* Чуть не забыла. Вот. *(Снимает медальон.)* Если вы ещё вздумаете надсмеяться над какой-нибудь девушкой, откройте мой медальон и вспомните кривляку Изабеллу, которая в чёрных одеждах замаливает ваши грехи!.. *(Уходит.)*

ЭЛИЗА. Ох, чистое наказание. *(Принцу.)* А вы хоть с виду-то и принц, а должны бы знать, девушки любят, когда парни за ними бегают.

ПРИНЦ. Что же мне прикажете делать, бежать что ли за ней?

ЭЛИЗА. Это уж как вам сердце подскажет. *(Уходит.)*

ПРИНЦ. Ну, а если спросит, зачем прибежал?.. *(Осенённый мыслью.)* О! Ваше Высочество, вы забыли свой медальон!.. *(Убегает.)*

Из укрытия появляется РУСАЛОЧКА.

РУСАЛОЧКА. Принц! Вернись!.. *(С досадой.)* Будь у меня две подпорки, я бы живо догнала тебя. Ух, как я ненавижу свою беспомощность! *(Смотрит на своё отражение.)* Ну, просто вылитая килька в короне!..

V эпизод

ГОЛОС 1-го ИСПОЛНИТЕЛЯ. Господин советник, у берега разбитая лодка. Вроде бы, как та самая!

ГОЛОС СОВЕТНИКА. Причаливай!

Услышав голоса, Русалочка снова прячется за камень.
Выбегают два ИСПОЛНИТЕЛЯ, в их руках канат, они подтягивают лодку.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. (*подтягивая лодку, 2-му исполнителю*). Да не дёргай так, деревенщина, руки отвалятся!..

2-й исполнитель привязывает лодку и тут же начинает рыскать по берегу.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*увидев куртку*). Куртка! (*Поднимает.*)

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Ерунда, наверно. Дай-ка, глянуть. (*Кричит.*)
Нашёл куртку, господин советник!

Появляется Советник.

СОВЕТНИК. Его куртка?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Копия принц. Вижу, как сейчас.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*рыская вдоль берега*). У берега не видать никого. Слева дворец, справа монастырь.

СОВЕТНИК. И это всё?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*2-му исполнителю*). Получше, получше приглядись.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*прислушиваясь и принюхиваясь*). В монастыре тихо... чётки гремят... воском пахнет — молятся, наверное. Тсс! А во дворце... во дворце музыка, фейерверк пускают... дешёвым вином пахнет, видно, весь город гуляет.

СОВЕТНИК. Ишь ты, молодец!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Это я его нашёл. Из одной деревни мы.

СОВЕТНИК (*2-му исполнителю*). Молодец, парень. Будешь главным во всей этой операции.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*нерешительно*). Но я ведь только второй исполнитель...

СОВЕТНИК. Значит, будешь первым, а он — вторым.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Но, господин советник!..

СОВЕТНИК. Молчать! Зарубите на носу, если принц не будет найден к завтрашнему утру, ваши пустые головы полетят в пустые корзины. Прочесать весь город — влейтесь в подгулявшую толпу — потом во дворец. *(2-му исполнителю.)* Когда стемнеет, сменишь королевский караул.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. То есть?.. *(Проводит ребром ладони по горлу.)*

СОВЕТНИК. Да, чёрт возьми!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Слушаюсь!

СОВЕТНИК *(1-му исполнителю)*. Не вздумай нализаться, свинья! Кругом, вперёд бегом марш!..

Оба исполнителя убегают.

Щенок, он не понимает: от величины государства зависит величина уважения! Покойная матушка-королева, царство ей небесное, стукнула кулаком по трону и женила твоего отца! Сама! Не женщина была, а военный фрегат! Не хочешь жениться на Альчичи?! Что ж, введём в королевстве военное положение, сам прибежишь к ней!

РУСАЛОЧКА *(из-за камня, поднеся пустую раковину к губам)*. Советник, вы забыли о законе рыцарской чести? Принц должен жениться на своей спасительнице!

СОВЕТНИК *(испуганно)*. Не стоит со мной шутить! Кто здесь?!

РУСАЛОЧКА. Я — одинокая душа. Одинокий пузырьёк воздуха, который спас принца. Оставьте его в покое!

СОВЕТНИК. Пузырёк?.. *(В сторону)*. Ах, чёрт! Кто-то шпионит за мной. Неужели ищейки Изабеллы?! Как бы мои болваны не успели чего натворить. *(Незаметно скрывается.)*

VI эпизод

РУСАЛОЧКА выходит из-за камня, встаёт на колени и молится.

РУСАЛОЧКА. Помоги мне, святой Павел. Клянусь, если принц сегодня же уедет от Изабеллы, я... я заведу себе две женские ножки. Даже если придётся идти к морской ведьме. Аллилуйя!

Появляется ФЕЯ-воспитательница.

ФЕЯ. Да у тебя тут целый спектакль! Молитва со слезами на берегу, за мысом корабль коварного советника, спасённый принц веселится во дворце соперницы, а без пяти минут королева ждёт у моря погоды. Bravo!

РУСАЛОЧКА. Наше Величество дышит свежим воздухом.

ФЕЯ. Санкта симплицитас! *(Иронично.)* А я-то думала, она решила стать наложницей у принца!

РУСАЛОЧКА. У ваших ищеек плоская голова и длинный язык.

ФЕЯ. Одно моё слово и водяные силой поволокут отсюда будущую королеву. Да, да, на позор вашему седому отцу!

РУСАЛОЧКА. Вы лгали! «Твоё сердце бесчувственно, малышка, это всего лишь прозрачный пузырь с холодной водой внутри». Но теперь я поняла, я не могу жить без принца!

ФЕЯ. Это не ложь, рыбка моя, а тактика. Я воспитала уже тринадцать правителей и возле каждого были толпы бандитов, предателей и подхалимов. Открытая душа и власть не живут рядом. Учти!

РУСАЛОЧКА. Не верю вашим словам. Теперь я верю только своему сердцу. Да вы просто боитесь за свой авторитет!

ФЕЯ. За тебя, глупая! Люди посадят тебя на цепь и заставят есть мёртвую, тухлую рыбу. Будут заглядывать в твои наивные глазки и искать в них звериный блеск. Пойми, ты всегда будешь для них чужой!

РУСАЛОЧКА. Ха! принц уже был в моих руках. Оставался пустяк, только открыть глаза и полюбить свою спасительницу. По закону рыцарской чести.

ФЕЯ *(с явным раздражением)*. О, Господи! Твой принц влюблён в Изабеллу!

РУСАЛОЧКА. Она отказала ему.

ФЕЯ. Он упрям и добьётся своего.

РУСАЛОЧКА. Благодаря вам, я тоже не подарок. Правило Жэ: «Королева должна уметь настоять на своём»!

ФЕЯ. Эй, водяные, заберите эту упрямицу!

РУСАЛОЧКА. Стойте! Ещё одно слово — я брошусь на скалы и разобьюсь! *(Забирается на камень.)*

ФЕЯ *(с угрозой)*. Ну, хорошо. Я сама женю его на Изабелле.

РУСАЛОЧКА *(растерянно)*. Вы не посмеете...

ФЕЯ. Посмею, рыбка моя. Ради твоего же блага. Эту никчёмную надежду надо вырвать из сердца.

VII эпизод

ГОЛОС СОВЕТНИКА. Ваше Высочество, вернитесь домой! Его Величество подарит вам беговую лошадь.

ФЕЯ (*Русалочке*). Прячься!

Фея и Русалочка прячутся за прибрежный камень. Появляется ПРИНЦ в сопровождении СОВЕТНИКА и двух ИСПОЛНИТЕЛЕЙ.

ПРИНЦ. Зачем мне ваша лошадь, если я хочу жениться! (*Исполнителям.*) Скажите, вам нужна беговая лошадь вместо жены или жена вместо беговой лошади?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Беговая жена вместо лошади?

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. У нас никаких нет, Ваше Высочество.

ПРИНЦ (*Советнику*). Вот видишь, у этих несчастных нет ни лошади, ни жены. Ты хочешь, чтобы я тоже так страдал? Ещё раз говорю. дай мне денег и одежду!

СОВЕТНИК. Клянусь короной вашего отца, у меня в карманах ни одного золотого. Если желаете, можем вместе с вами поискать на корабле.

ПРИНЦ. Ха, ищите дурака! Хотите запереть меня в трюме? Отвезти домой, да?

1-й и 2-й ИСПОЛНИТЕЛИ. Так точно!

СОВЕТНИК (*в сторону*). Зачем им головы, надо их отрубить.

ПРИНЦ. Итак, приказ Моего Высочества. привезти с корабля сундук серебра. Нет — золота!

СОВЕТНИК. Ваш бедный отец из-за расстройства весь день не мог подняться с постели... У вас нет сердца.

ПРИНЦ. Меньше бы пил бургундского с этой Альчици. Всё, прочь, подхалимы и отступники — я желаю простудиться и умереть! (*Ложится на землю.*) Король обязательно повесит вас. Прихлебателей много, а сын-то всего один.

СОВЕТНИК. Ваше Высочество, эта маленькая кривляка — уж поверьте опыту, я знаю толк и в лошадях, и в женщинах — не стоит и

ДРАМАТУРГИЯ

вашего мизинца.

ПРИНЦ. Она не стоит?! А знаешь ли ты. Изабелла собирается провести всю жизнь в монастыре! Всю жизнь посвятить святому делу!

СОВЕТНИК. Тогда зачем лежать на сырой земле, остаётся встать, плюнуть на всё и — жениться на другой.

ПРИНЦ. А-а, понимаю, понимаю, королевский советник сгорает от желания подсунуть мне свою лысую, костлявую, беззубую королеву Альгичи. Я угадал, советник?

СОВЕТНИК. Браки совершаются на небесах, Ваше Высочество, я лишь исполняю волю свыше. *(Резко изменив тон.)* Взять его!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Но...

СОВЕТНИК. Выполнять приказ Его Величества!

Исполнители набрасываются на Принца и связывают ему руки и ноги.

ФЕЯ *(прячась за камнем)*. Морское провидение послало тебя, влюблённый мальчик.

РУСАЛОЧКА *(пытаясь остановить Фею)*. Остановитесь! Умоляю вас!

ФЕЯ. И не подумаю!..

Фея выходит из-за укрытия.

СОВЕТНИК. О, а это что за чёртова мама?! Выскочила прямо из воды!

ФЕЯ. *(делая вид, что не заметила грубого тона)*. Не удивляйтесь. Я делала променад вдоль берега и совершенно случайно подслушала ваш разговор. И совершенно случайно сказала себе. «О-ля-ля, почему бы не помочь таким обаятельным, милым людям?» И тут же ответила себе. «Да, им необходима помощь!» *(Резко перейдя на приказной тон.)* Отпустить Его Высочество! Именем принцессы Изабеллы! Хозяйки этого королевства.

Оба Исполнителя отскакивают от Принца как ошпаренные.

ПРИНЦ *(пытаясь сохранить галантность)*. С кем имею честь говорить, милая дама?

ФЕЯ. Тётка принцессы Изабеллы, графиня Аделаида фон дон

Брюнсюзенсуальская и так далее...

ПРИНЦ. Ваша Светлость, разрешите мне упасть к вашим почтенным стопам и просить, нет, умолять о помощи и великодушии! (*Падает на колени перед Феей.*) Я влюблён!

ФЕЯ. О, вы достойный кавалер. Правда, чуть-чуть не в себе.

СОВЕТНИК (*Фее*). Не пугайтесь. У принца часто бывают припадочки любовного безумия.

ФЕЯ. Я сама немного сумасшедшая, когда дело касается любви. (*Принцу.*) У вас вправду серьёзные чувства к моей племяннице?

ПРИНЦ. У меня?.. У меня такое чувство, будто я заболел лихорадкой! Руки дрожат, во рту пересохло...

СОВЕТНИК (*Фее*). Нетерпение всегда бывает от непристойных мыслей.

ФЕЯ. Что из того, в любви я до сих пор нетерпелива. (*Принцу.*) Твоё сердце мне всё рассказало, мой мальчик.

ПРИНЦ. (*удивлённо*). Как, уже всё?

ФЕЯ. Конечно, даже больше, чем нужно. Уверена, моя племянница кокетничала перед вами. Отправляйтесь-ка домой и ждите нас. Совсем скоро, слово графини! Да, и хорошенько приготовьтесь к свадьбе.

ПРИНЦ. Вы обещаете?

ФЕЯ (*другим тоном*). Чтоб я лопнула, тыщца пиявок! (*Советнику.*) А если ты ещё раз сунешь свой длинный нос в чужой разговор, я оторву его вместе с башкой!

СОВЕТНИК. Не торопите событий, графиня. (*Принцу.*) Ваше Высочество, на корабле ждут вас! (*Исполнителям.*) Быстрее к лодке, лодыри! Да отвязать сначала, болваны!

ФЕЯ (*мило улыбаясь*). Попутного ветра, Ваше Высочество!..

Советник и Принц забираются в лодку. Исполнители отвязывают верёвку и тоже исчезают. В сторону дворца Изабеллы уходит Фея. Из-за камня появляется Русалочка.

РУСАЛОЧКА. (*поёт*).

В урочный час, в полуночной мгле

Любимый ушёл к другой,

Русалочье сердце горит в огне.

Куда ты, вернись, постой!

Земля и море, добро и зло

Смешались в её глазах,
Русалка судьбе решила назло
Ходить по земле на ногах!..

Фея не оставила мне выбора... Я должна попасть к принцу, пока там не появилась Изабелла! (*Уходит.*)

VIII эпизод

Логово морской ведьмы. Камни, покрытые водорослями,
посреди огромное кресло ведьмы. Появляется морская
ВЕДЬМА в сопровождении морских УЖЕЙ.

ВЕДЬМА. Уф, глядите-ка, крепко же я набила брюхо... Устрицы, у людей в большом деликатесе! (*Ласкает ужей.*) Ужик-ужастики вы мои сладенькие, зеленушечки мои глазастенькие... Любите свою мамочку?

УЖИ. Обошшшаем! (*Ласкаются к Ведьме.*)

ВЕДЬМА. Ах, негодники! Я ведь щекотки боюсь!.. Ну, хватит, хватит... Ну-ка, достаньте пару полипов своей мамочке, может, ей полегчает.

В логове морской Ведьмы появляется РУСАЛОЧКА.

УЖИ. Шшто?.. Пришшла?!.. (*Обвиваясь вокруг Русалочки.*)

ВЕДЬМА (*Ужам*). Прочь, негодники! (*Русалочке.*) Вот уж не ждала, не гадала — какие гости!

РУСАЛОЧКА (*приходя в себя*). Приятного отдыха, госпожа ведьма...

ВЕДЬМА. Не церемонься, моя сладкая. И ведьмой не зови меня больше. Я мамочка для них (*кивает на Ужей*), а значит, и для тебя.

РУСАЛОЧКА. Видите ли... всё дело в том...

ВЕДЬМА. Молчи, молчи, всё знаю! Сегодня на ужин мне попала твоя знакомая устрица. Негодница — взяла всё и разболтала.

РУСАЛОЧКА. А?..

ВЕДЬМА. По глазам вижу, глупости затеваешь, красавица. (*Ужам.*) Она думает, получит две подпорки и этот попрыгунчик влюбится в неё? Хо-хо, обженит этого сопляка, а там — хлоп! — с небес уже бросают лестницу. «Пожалте, Ваше Русалочье Развеличество, местечко тёпленькое для вас уже расчистили. Кхе, кхе, лопайте на здоровье

райские яблочки, только не подавитесь!» *(Ведьма смеётся вместе с Ужамми.)* Ладно, ладно, моя скромница, добрая морская тётка поможет тебе. *(Ужам.)* Достаньте вон ту склянку. Осторожней, ползуны! *(Ужи достают пузырьрёк и отдают Ведьме, она читает.)* «Эликсир для ног. Высший сорт». Оно самое! Выпьешь это на берегу до восхода солнца — залпом, можешь нос зажать. Выпьешь, хвостик твой удвоится и ты, сладкая моя, обомлеешь! Превратится он в пару стройных, как говорят люди, дамских ножек. *(Морским Ужам, с восхищением.)* О! Все просто упадут! Треснут от зависти. «Откуда эта наивная прелесть?! Что это за симпатия?!» Ни одна танцовщица в мире, ни одна вертихвостка не сравнится с твоей походкой! Как морская волна, лёгкая, плавная...

РУСАЛОЧКА *(нетерпеливо)*. Благодарю вас, госпожа морская мамочка...

ВЕДЬМА. Но, запомни! Ходить тебе, золотая моя, будет ужасно неприятно. Представь, при каждом шаге тебе бы в пятку вонзали острый нож. *(Ведьму передёргивает.)* Брра-а!

РУСАЛОЧКА. Я научусь ходить на пальчиках.

ВЕДЬМА. Ах, бесценный напиток! Надо бы заплатить, прелесть моя. Даже у Феи-воспитательницы нет такого.

РУСАЛОЧКА. Конечно, я заплачу сколько надо.

ВЕДЬМА. Э-э глупенькая, мне бы твой чудный голосок, твой серебряный колокольчик. Разве ж ты отдашь?

РУСАЛОЧКА. Выходит, я не скажу ни слова?

ВЕДЬМА. А кому надо? Вон. личико светится, как утренняя заря! А походка?! А бездонные глазища?! Вот так вот! *(Ведьма кокетливо прохаживается.)* И чтоб любой мужик валялся у тебя под ногами! Говорить ей надо! Нам, женщинам, главное, молчать, вот тогда эти остолопы думают. «Ага! Эта дурочка даже язык прикусила, когда меня увидела!» *(Ужам.)* Ну да, что я тут распинаюсь перед ней, она ведь уже всё решила.

УЖИ. Решшила!..

ВЕДЬМА. Навещу-ка я сестрёнку в речном омуте. *(Собирается уходить.)*

РУСАЛОЧКА. Пойдите!.. Я согласна.

ВЕДЬМА. Вот и умница! Вот и разумница! Не бойся, это не больно, высунь язычок и я возьму его малюсенький кончик в уплату за зелье... Вот так.

ДРАМАТУРГИЯ

Ведьма делает несколько колдовских пассов перед лицом Русалочки, на какое-то мгновение в её руках вспыхивает стальное лезвие. Русалочка вскрикивает от испуга.

Кричи не кричи, а дело сделано. *(Отдаёт ей сосуд с нитьём.)* На, отправляйся на берег, пока не взошло солнце!

Русалочка поднимается на берег.

Да, и не вздумай даже намекнуть кому-нибудь, что ты русалка! Побольше танцуй, людям это нравится... О! Самое главное забыла! Если принц женится на другой, с восходом солнца ты умрёшь, моя золотая. Станешь обычной морской пеной!.. Вот и всё, пожалуй.

УЖИ. Пошшшалау!

ВЕДЬМА. А теперь морская мамочка споёт тебе прощальную песенку.

Морская Ведьма поёт голосом Русалочки первый куплет её песенки, Ужи извиваются возле её ног. В это время на берегу Русалочка пьёт зелье.

(Закончив пение.) Душевные звуки! Эх, была принцесса — и нету принцессы...

IX эпизод

Ночью. Причал в королевской гавани. выходит ПРИНЦ, в руках его шпага, он вглядывается в тёмную гладь моря. Следом за ним крадётся 2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

ПРИНЦ. Терпеть не могу ждать и ничего не знать. *(Кричит.)* Эй, матросы! Кто желает выпить за несравненную принцессу Изабеллу?! За вашу будущую королеву!.. Ну, что же вы?.. Я угощаю!.. *(Вздыхнув, с иронией.)* Сознательные граждане, не пьют даже за счёт королевской казны...

Замечает Исполнителя и насакивает на него со шпагой.

А-а! шпионишь?! Кто послал тебя? Говори, иначе проткну, как жука! 2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Не убивайте! Мне приказали!.. Это госпо-

дин советник.

ПРИНЦ. Раздевайся! Ну, живо, я шутить не люблю!

2-й Исполнитель раздевается до исподнего.

Шпагу! (*Забирает у него шпагу.*) Передай советнику, на тебя напал наследник с батальоном солдат, нет, с бандой головорезов. Передай, он разделается с любим, кто помешает ему встретить корабль Изабеллы! Пошёл вон!

Исполнитель убегает. РУСАЛОЧКА выглядывает из-за прибрежного камня, и Принц замечает её.

Эй, кто здесь?.. (*Принц прячется и наблюдает за Русалочкой.*)

Русалочка приподнимается и смотрит на свои ноги, делает несколько неуверенных шагов и, не выдержав боли, опускается на землю.

(*В укрытии.*) Ого, да она вся голая! Забавная штука... (*Русалочке из укрытия.*) О, дивная ночная нимфа, крайне прошу извинить, но (*протягивает ей свой плащ*), мне кажется, с моря дует лёгкий ветерок... Держите! (*Бросает ей плащ. Русалочка укрывается им.*) Признайтесь, вы купались, и у вас украли одежду. Вы здесь?.. (*Выглядывает из укрытия, затем выходит.*) А-а, понимаю, понимаю... (*Он явно намерен шутить.*) На ваш корабль напали пираты! Одноногие, одноглазые живодёры... Вас схватили и бросили в море! Платье? А платье разодрали акулы вот с такими зубами — ам!.. (*Переходя на таинственный шёпот.*) Как же я не догадался сразу?! Вас заколдовал чёрный маг и приказал молчать тридцать три года, три месяца, три дня и три минуты!..

Русалочка пристально смотрит на него и Принцу становится неловко.

В общем-то, я человек безвредный... Давай на «ты», идёт?.. Вот, хочешь яблочка? (*Достаёт из кармана яблоко.*) Райский сорт. Вон, из королевского сада. Не бойся, оно не отравлено... А мои выходки? Я невесту жду. Это, поверь, чертовски нудное занятие. Особенно, если рядом настоящего друга нет. Знаешь, я ведь принц... Принцы практи-

ДРАМАТУРГИЯ

чески не имеют друзей — проклятье за власть!

Русалочка кладёт голову ему на плечо.

Я буду звать тебя найдёныш, идёт?.. Думаю, ты бы понравилась моей невесте, у тебя в глазах что-то таинственное, бездонное... А что, пошла бы со мной во дворец? Мы бы вместе ездили верхом, фехтовали бы... Надоело, уплыли бы куда-нибудь в Африку. ну, где люди с двумя головами или, там, птицы с копытами! Хочешь?..

Русалочка согласно кивает головой.

(Довольно смеётся.) Ха! я знал, ты согласишься. Ты настоящий друг, найдёныш! *(Бьёт её по плечу. Как бы общаясь с воображаемыми подданными.)* Господа, прошу любить и жаловать — друг королевской семьи. В очередь, господа, в очередь! *(Целует её ручку и Русалочка отдёргивает руку. Обращаясь к воображаемому подданному.)* Извините, советник, целовать ручки будем после... Просто нет времени. нам ещё надо успеть в таверну, как следует *(хлопая себя по животу)* набить трюмы и поплясать на столе с матросами. *(Русалочке.)* Не беспокойся, никто не узнает, что я принц, слава богу, советник меня маскироваться научил. *(Нахлобучивает на себя шляпу, куртку выворачивает наизнанку, закатывает штаны — теперь его трудно отличить от простолюдина.)* За мной, дружище!..

Русалочка пытается встать на ноги, но с трудом делает даже один шаг.

Ты устала? Пустяки. Раз уж я твой друг, мне должно быть приятно тебя нести, найдёныш. Не так ли?..

Принц берёт Русалочку на руки и уносит.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Х эпизод

Королевская оранжерея. несмотря на обилие цветов, атмосфера внутри неё несколько мрачноватая. Среди розовых кустов копошится КОРОЛЬ. он подстригает цветы, ковыряется в земле... Появляется СОВЕТНИК, в руках его папка.

СОВЕТНИК. Вот вы где!.. Ваше Величество, я обязан как советник посоветовать вам ввести в королевстве военное положение! Подпишите указ.

КОРОЛЬ. Военное положение? Разве столетняя война не окончена?

СОВЕТНИК. Во-первых, ваш сын всю ночь не ночевал дома, во-вторых...

КОРОЛЬ. Моя прислуга доложила, он всю ночь на конюшне любовался моим подарком.

СОВЕТНИК. Ох уж, ваша прислуга... Один раз они уже проворонили принца. Сейчас его охраняет мой самый надёжный исполнитель... А во-вторых...

КОРОЛЬ. А во-вторых, почему не политы мои гладиолусы? Почему нет воздуха в помещении? Почему в оранжерее опять занавешены окна?!

СОВЕТНИК. Исключительно ради вашей безопасности: окна могут побить, а цветы своровать. Заговор, мятеж — обычное дело в государстве. А уж после такого скандала с великой Альичи!.. Поэтому королевство должно перейти на военное положение. Подпишите, Ваше Величество.

КОРОЛЬ. О, Господи, почему я родился королём, а не садовником!.. Вы же знаете, я никогда ничего не подписываю. Вдруг из-за маленькой закорючки начнётся большая кутерьма? Кто будет отвечать? Я?..

СОВЕТНИК. Вы король.

КОРОЛЬ. Я не просил об этом... А что это за девчонка-принцесса? Принц нервничает, ждёт её. Все стены во дворце исписал её именем. Может, их стоит женить?

ДРАМАТУРГИЯ

СОВЕТНИК. Романтический бред, Ваше Величество. Изабелла уже просватана другому королю.

КОРОЛЬ. Досадно. Я уже было надеялся...

СОВЕТНИК. О чём жалеть, Ваше Величество. Молодые жёны ветрены и переменчивы. В приданое. пятак земли и сундук платьев! Только вдовствующая королева спасёт наше положение!

КОРОЛЬ. Пожалуйста, не надо опять про Альчичи. У неё же плешь на затылке!

СОВЕТНИК. Какая мелочь! Её королевство больше нашего в десять раз! Её корабли быстрее наших в три раза! Её армия в пятнадцать! В двадцать! В тридцать раз мощнее нашей!

КОРОЛЬ (*хватаясь за голову*). Боже мой! Ну, почему, почему я не могу жить тихо и незаметно? Почему я не могу просто заниматься цветами: копать в земле, подрезать листья, пересаживать луковицы?..

СОВЕТНИК (*резко*). Потому что вы король! (*В сторону.*) Слава Богу, пока.

Появляется 2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ в исподнем и без шпаги, сзади его вталкивает 1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Вот полюбуйте, господин советник. (*Заметив короля, вытягивается в струнку.*) Да здравствует Его Величество!

СОВЕТНИК (*сквозь зубы*). Что ты позволяешь себе! Вон!

КОРОЛЬ. Стой! Пусть отвечает, где мой сын. Доложи своему королю.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Слушаюсь, Ваше Величество!

КОРОЛЬ (*2-му исполнителю*). Нет уж, давай ты, безобразник. Ну!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. На пристани, когда я выслеживал...

СОВЕТНИК. Что?!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Извиняюсь, охранял Его Высочество, на меня было совершено покушение!

КОРОЛЬ. Мой мальчик опять тоскует на пристани! Дальше, дальше!..

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Их было человек пятнадцать, двадцать! Пятьдесят!..

СОВЕТНИК. Мятежники? Это мятежники, Ваше Величество, я же говорил!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Может так. Было темно.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Что ты мелешь, на улице ни души! Продал, поди, одежонку.

СОВЕТНИК (*исполнителям*). Молчать! Оба!

КОРОЛЬ (*всем*). Тихо! Всем! Моё Величество желает знать, где сейчас родной мой, единственный сын?

Пауза.

Это лучшие исполнители? Это безопасность моего королевства?! В их руках — будущее моего государства?! (*Распалаясь всё больше и больше.*) Если сию же секунду не отыщется мой сын, ваши головы полетят, как капуста с грядок — налево и направо! Налево и направо!..

СОВЕТНИК. Что стоите, болваны? Найти немедленно! Бегом марш!

Исполнители бегут, но в дверях сталкиваются с ПРИНЦЕМ.

ОБА ИСПОЛНИТЕЛЯ (*развернувшись к Королю*). Приказание выполнено, Ваше Величество! Принц найден!

СОВЕТНИК (*2-му Исполнителю*). Убирайся, голодранец.

2-й Исполнитель уходит.

XI эпизод

Появляются ПРИНЦ и РУСАЛОЧКА, следом за ними входят бродячие МУЗЫКАНТЫ. Русалочка босиком и одета в мужской костюм.

КОРОЛЬ. Мальчик мой, разве можно в такое время гулять по улицам?! Я, конечно, в молодости тоже погуливал... по улицам.

ПРИНЦ. Отец, у меня есть для тебя сюрприз! (*Делает знак музыкантам и они начинают играть.*)

КОРОЛЬ (*останавливая музыкантов*). Паузу, пожалуйста. Видишь ли, сюрприз это ещё не повод не ночевать дома и приводить сюда очень плохо одетых людей.

ПРИНЦ. Ты хотел сказать, оборванцев?

ДРАМАТУРГИЯ

КОРОЛЬ. Мальчик, что за фразы!..

СОВЕТНИК. Ваше Величество, не бродите вокруг да около.

КОРОЛЬ. Видишь ли, мой мальчик, дела в королевстве процветают так, что тебе необходимо как можно скорее жениться...

ПРИНЦ. На Альчици? Тогда уж лучше вот на ком!.. (*Выводит Русалочку вперёд.*)

Пауза.

Угадайте, господа, кто это?

СОВЕТНИК. Пусть эту загадку отгадает палач. Эй, исполнитель!

ПРИНЦ. (*Исполнителю*). Ни с места! (*Русалочке*). Не пугайся, это советник. Он завёл дело даже на собственную тень, чтоб не путалась под ногами. (*Всем.*) Прошу любить и жаловать — мой лучший друг! С этого дня живёт со мной во дворце.

СОВЕТНИК (*Королю*). Представляю, что скажут простые горожане и горожанки.

КОРОЛЬ. Мальчик мой, может, не стоит доводить дело до свадьбы, может быть, найти какой-то нарцисс, то есть компромисс.

ПРИНЦ. Я устал от ваших компромиссов. (*Музыкантам.*) Братцы, помните, как в таверне моего друга поставили на стол?

МУЗЫКАНТЫ (*говоря вразнобой*). Как не помнить, Ваше Высочество... Помним...

ПРИНЦ. То-то же!

КОРОЛЬ. Ты был с ним в матросской таверне?! Боже мой, что скажут простые горожане? (*Советнику.*) А что скажут непростые?..

ПРИНЦ. Простые горожане?! Да они до утра не могли оторвать глаз, пока все до одного не свалились на пол!.. (*Поднимает Русалочку и ставит на стол.*) Эй, музыканты! Докажите, что я плачу вам не зря.

Музыканты начинают играть и Русалочка танцует морской танец, стараясь ходить на пальчиках. В финале танца с её головы падает шапка и рассыпаются по плечам длинные волосы.

КОРОЛЬ (*облегчённо*). Это же... девушка! Натуральная, настоящая девушка. (*Русалочке.*) Мадонна, позвольте поцеловать ручку.

ПРИНЦ (*смеясь*). Ну, какво я вас разыграл, а?!.. (*Таинственно Королю.*) Нема как рыба — страшная тайна! Я нашёл её на пустом берегу. Представьте. зловещий свет луны, густой мрак и вдруг — на

голом камне обнажённая девушка с синими волосами... (*Королю.*) Скажу по секрету, если б я так страстно не любил Изабеллу, я бы женился на ней, отец!..

КОРОЛЬ. Романтично. Будь она принцессой, я бы сам отправил вас под венец. Немая жена — не так уж и плохо, поверь моему опыту. (*Любуясь Русалочкой, которая рассматривает цветы.*) Посмотри, как она гармонирует с цветами...

Советник и 1-й Исполнитель окружают Русалочку с пистолетами и сетью.

СОВЕТНИК. Попалась! Я узнал её, Ваше Величество! Это русалка! Вчера я убил её на пристани, но эти твари оживают вновь, как ночные оборотни!

1-й ИСПОЛИТЕЛЬ. Клянусь честью, я видел! В неё стрелял господин советник!

СОВЕТНИК (*Русалочке.*) Мы сожжём тебя на площади! А после устроим праздник.

ПРИНЦ. Остыньте, советник. Где же её хвост, господа? Или они скидывают его на ночь, как туфли?

КОРОЛЬ. Действительно, а хвоста нигде не видать. (*1-му Исполнителю.*) Где же ваш хвалёный хвост?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Не успел отрасти, Ваше Величество!

СОВЕТНИК. Эта ведьма не только в человека, в дракона рогатого превратится. Берегитесь её, Ваше Высочество! Она ещё вцепится вам в спину.

КОРОЛЬ. Мальчик, а ну как советник прав? Лучше уж держаться от греха подальше. Можно было бы определить её в бродячий цирк или, вон, к музыкантам...

ПРИНЦ. Отец, я далеко не мальчик и мне решать, кто будет со мной рядом, а кого не будет! (*Советнику и Исполнителю.*) И не вздумайте к ней притронуться, хотя бы мизинцем! Пойдём, найдёныш, они даже не посмеют плохо взглянуть на тебя.

Принц, Русалочка и бродячие музыканты уходят. Принца с Русалочкой можно видеть в королевском саду на дальнем плане, где он показывает ей цветы и рассказывает о деревьях, учит её фехтовать.

СОВЕТНИК (*1-му Исполнителю.*) Живо за дверь — никого не впускать!

1-й Исполнитель выходит за двери.

Это конец! Только Альичи узнает, что принц вместо неё предпочёл безродную девчонку, она объявит нам войну.

КОРОЛЬ. О, Господи! Эта старуха доведёт меня до горячки!

СОВЕТНИК. Если в городе пойдут слухи — а они пойдут — наследник путается с ведьмой! Русалкой! Сразу начнётся мятеж! Вас просто выкинут из собственного дворца, как!..

КОРОЛЬ. Я всё понимаю, но не понимаю, что делать.

СОВЕТНИК. Надо срочно от неё избавиться.

КОРОЛЬ. Только не надо расстраивать моего мальчика. Пожалуйста.

СОВЕТНИК. Выбросим её в море. Принцу объявим, ночью русалка вернулась в родную стихию. Домой. Если она не утонет и уплывёт, наша совесть чиста, если же утонет, ей легче будет умереть с чистой совестью, что она не морская русалка.

КОРОЛЬ. Да, о совести надо помнить всегда, это верно замечено.

ХII эпизод

Появляется ФЕЯ-воспитательница, 1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ пытается её удержать, но безрезультатно.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Ваша Светлость, нельзя! Говорю же вам!..

ФЕЯ (*пристально взглянув на 1-го Исполнителя*). Гвардеец, по моему, твоё место за дверями. Или я ошибаюсь?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Так точно! Никак нет! (*Разворачивается и выходит.*)

ФЕЯ (*подойдя к Королю*). Король?

КОРОЛЬ. Ну, король. А что?

ФЕЯ. В глазах мало королевской гордости.

КОРОЛЬ (*Советнику*). Кто это?

СОВЕТНИК. Графиня Аделаида фон дон...

ФЕЯ (*подсказывая*). Брюнсюэнсуальская. Родная тётка принцессы Изабеллы. Советник, надеюсь, вы подготовили Его Величество к моему визиту?

СОВЕТНИК. Не смел надеяться.

ФЕЯ. Так я и знала. Ваши корабли рыщут вдоль побережья, вы ищите каких-то шпионов, советник?

СОВЕТНИК. Заговор, мятеж — обычное дело в государстве.

КОРОЛЬ. Обычное дело...

ФЕЯ. Ясно. Итак, преступим. *(Делает пышный реверанс и расшаркивается.)* Добрый день Вашему Величеству.

КОРОЛЬ *(подчёркнуто галантно)*. Чем обязан столь милой даме?

ФЕЯ. Письмо Вашему Величеству! Лично в руки. *(Протягивает письмо.)* Я выполнила настойчивую просьбу вашего сына. принцесса Изабелла дала согласие на брак. Завтра она уже ступит на берег вашего королевства.

КОРОЛЬ *(в замешательстве)*. Радость-то какая! А?.. Советник, срочно объявите моему сыну радостную весть. Сделайте сейчас же. Немедленно!

СОВЕТНИК. Не стоит торопиться.

КОРОЛЬ *(недоумённо)*. Что? А если мальчику приспичило жениться?! *(Кричит в окна.)* Эй, слуги, раззанаवेशьте во дворце окна! Все окна! Верните музыкантов! Позовите менестрелей! На площадь — бочку вина! Две бочки!

СОВЕТНИК. Вы ведёте себя не по-королевски!

КОРОЛЬ. Чёрта-с два! *(Фее.)* Моя покойная мама, она тоже родилась королевой, говорила, быстрая реакция в любовных делах — самое главное! Представьте, я даже не заметил сам, как меня женили! *(Смеётся.)* Феерия! Просыпаешься утром, смотришь, а тебе говорят, рядом твоя жена!..

ФЕЯ. Пикантно.

СОВЕТНИК. Тише, Ваше Величество, слуги станут неверно думать о вашей личной жизни.

ФЕЯ. Пусть меньше думают, а больше исполняют. Эй, исполнитель, принеси-ка нам бургундского!

КОРОЛЬ. Эй, исполнитель, принеси-ка нам бургундского! Графиня, вы прелесть!

ФЕЯ. О, Ваше Величество, увлекается розами? *(Подходит к розам.)* Редкий сорт. Выведен в честь рождения принца Альберта.

КОРОЛЬ. Приятно встретить знатока. А вы любите африканские орхидеи?

ФЕЯ. О, моя слабость. Орхидеи успокаивают нервы и делают дом уютным. Не правда ли?

КОРОЛЬ. Как я вас понимаю! *(Король поёт вместе с Феей.)*

ДРАМАТУРГИЯ

Два милых соловья в вечерний час
Слагали тихо песню о любви,
А пастушок вдали овечек пас
Один среди некошеной травы.

Его пастушка скрылась за холмом,
Чтоб к ужину сварить ему фасоль —
Как хорошо иметь уютный дом,
Пастух ты или даже сам король!..

Появляется 1-й Исполнитель с подносом в руках и бутылкой
бургундского.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Бургундское для Его Величества!
ФЕЯ. И Нашей Светлости. Предлагаю тост за крепкую королевс-
кую власть!

КОРОЛЬ. Графиня, я потрясён!.. Почему я не вижу своего сына?
Где Его Высочество?

СОВЕТНИК. Видимо, Его Высочество так увлечён своей очарова-
тельной колдуньей, что и знать ничего не хочет.

ФЕЯ. Что за колдунья?

СОВЕТНИК. Взгляните, Ваша Светлость, вон, там в саду.

Все смотрят в окно, где Принц в это время несёт Русалочку на
руках, она, видимо, поранила ногу. Затем пытается вытащить
ей занозу.

Какая идиллия!

ФЕЯ. Боже мой!.. Это же!..

СОВЕТНИК. Вы и не думали, что у прекрасной Изабеллы могут
быть соперницы?

КОРОЛЬ. Обычная крестьянка. Ничего противоестественного...

ФЕЯ. Ничего?! Какая принцесса потерпит крестьянку, с которой
так любезничает ваш сын!

КОРОЛЬ. В общем-то, мы уже договорились отправить её в бродя-
чий цирк. Правда, советник?

СОВЕТНИК. Думаю, принц слишком привязался к ней. (Фее.)
Попробуйте к ней подойти, он разорвёт вас пополам, как лягушку.

ФЕЯ. Что?!

КОРОЛЬ. Что за каламбур, советник?!

ФЕЯ. Сегодня же ночью эту сумасшедшую отвезёте к Синему камню. Бросьте в море! Пусть знает, как вставать на пути у королевских особ!

СОВЕТНИК. Может, сжечь её на дворцовой площади? Вам польза, народу веселье.

ФЕЯ. Я сказала, в море! Тыщца пиявок!

КОРОЛЬ. Извольте прислушиваться к Её Светлости.

СОВЕТНИК. В море, так, в море. (*Ёрничая.*) Полагаю, Его Высочество скажет большое спасибо родственникам своей невесты.

ФЕЯ. (*Королю.*) По-моему, у вашего советника слова и мысли давно не дружат. Я бы его заменила. Хотя бы вот на этого. (*Показывает на 1-го Исполнителя.*)

КОРОЛЬ. (*Советнику.*) И полейте мои гладиолусы! (*Фее.*) Вы располагайтесь как дома, а я пойду на кухню и лично отдам приказ готовить праздничный стол. Советник, за мной!

Король и Советник уходят.

ХIII эпизод

ФЕЯ. (*1-му Исполнителю.*) Эй, гвардеец, хочешь заработать сто золотых?

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Сначала деньги, потом работа.

ФЕЯ (*доставая деньги*). Мошенник. Здесь ровно сто монет. Исполнишь всё точно, получишь в пять раз больше.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Пятьсот?

ФЕЯ. Шестьсот! По рукам?.. Прозеваешь, останешься без денег и без головы, как заговорщик против Его Величества. Ну?!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Рад стараться для Его Величества! (*Берёт деньги.*)

ФЕЯ. Старайся, гвардеец! Сегодня ночью отправишь эту девчонку к Синему камню. (*Достаёт ведьмин пузырьёк и отдаёт Исполнителю.*) Вот, покажешь девчонке, скажешь, это привет от знакомой мамочки, мол, она обещала принести ей любовное зелье для принца. Вечером, к Синему камню. Запомнил? Побежит как угорелая.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Значит, девчонку выдадим за принца?.. А его заколдуем!?. Что-то я приболел, знаете ли...

ФЕЯ (*раздражённо*). Бестолочь. Мои люди встретят её на берегу и

ДРАМАТУРГИЯ

отправят домой. Под музыку. Самое главное, ваш советник затевает заговор против короля...

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Да ну!

ФЕЯ. Баранки гну! Он вылезет из кожи, но он повернёт корабль Изабеллы домой. Чёрта с два! Сможешь напоить свою команду в стельку?..

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Это — задание?! Да я не только команду, я весь город напою!.. Да я!..

ФЕЯ. Карамба! Напоить команду в стельку! Лево руля! Три румба вправо! Корабль советника посадить на мель!.. Соври ему что-нибудь про колдовство русалки. Море просто кишит всякими уродами и чудовищами!..

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. У меня уже волосы шевелятся...

ФЕЯ. Это во имя благого дела, запомни! Изабелла должна быть здесь. Усердие твоё молодая королева оценит, я лично похлопочу.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Для Их Величества!.. Для Вашей Светлости!..

ФЕЯ. Ну, ну, ну. И запомни — мои руки длиннее королевских! Теперь иди.

1-й Исполнитель уходит.

Упрямая девчонка. Ничего, я верну тебя на морской трон. Любой ценой. (*Срывает несколько цветов.*) Вот и свадебный букет Изабелле от влюблённого принца.

Фея уходит.

XIV эпизод

Королевские покои. Ночь. Появляются РУСАЛОЧКА с ПРИНЦЕМ, следом за ними крадётсЯ 1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

ПРИНЦ. Иди к себе, в свою спальню. Пойми, найдёныш, ко мне нельзя. Не дай Бог, советник увидит тебя в моей спальне — мне крышка! Тут же донесёт графине. Может, самой Изабелле! Это похлеще кораблекрушения... Как же объяснить?.. Видишь ли, парню и девушке нельзя быть в одной комнате, если они не муж и жена. Да, дурацкое правило, а что сделать?.. погоди, есть один выход! (*Выносит из своей*

спальни подушки и покрывало.) Вот, ложись у двери, прямо на подушки. Я обойдусь... Укройся... Ну, всё. До утра, найдёныш!

Принц уходит к себе в спальню. Из-за укрытия появляется 1-й Исполнитель.

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*дотрагиваясь до Русалочки*). Эй!.. Тсс!.. Не бойся. Может, ты и рыба, я не собираюсь тебя ни варить, ни жарить. Одна твоя знакомая мамочка, не приведи бог такую маму, просила придти к Синему камню. (*Достаёт ведьмин пузырёк. Читает.*) «Эликсир для ног» — во! Говорит, мол, покажи ей пузырёк — ты узнаешь. Она принесёт тебе какое-то зелье. мол, принц присохнет к тебе так, потом клещами не оторвёшь. (*Останавливая Русалочку.*) Куда?! Вот угорелая!.. Поменяемся одеждой, а то стража не выпустит тебя...

Русалочка и 1-й Исполнитель меняются одеждami.

В самый раз!.. Ладно, беги!..

Русалочка убегает. 1-й Исполнитель ложится на её место и укрывается. Из спальни показывается голова Принца.

ПРИНЦ. Эй, кто здесь бродит? Показалось, что ли?.. (*Русалочке.*) Ты не замёрзла?..

1-й Исполнитель начинает жутко храпеть.

Вижу, не замёрзла... Спокойной ночи.

Принц снова скрывается в своей спальне. Появляются СОВЕТНИК и 2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*шёпотом*). Нашёл! Аж, за километр тухлятину эту рыбью чую!.. (*Даёт 1-му Исполнителю пинка.*) У-у, выдра немая!

СОВЕТНИК. А где тётка Изабеллы? Что, нюх не работает?..

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Появится. Тогда уж!..

СОВЕТНИК. Графиня здесь появиться не должна. Никогда! (*Рвёт письмо.*)

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. А если Его Величество?..

ДРАМАТУРГИЯ

СОВЕТНИК. Это желание короля во имя спокойствия наследника. Ещё есть один тайный указ Его Величества: надеть чёрные паруса и встретить корабль Изабеллы в открытом море. Стреляйте из пушек, пока не развернутся назад. Пусть думают, на них напали пираты.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Устроим фейерверк! Все русалки сварятся в море! Ишь, разлеглась, прямо собачонка возле дверей... *(Даёт пинка 1-му Исполнителю.)*

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ *(в сторону)*. Ну, землячок, я тебе устрою!..

2-й Исполнитель связывает лежащую без движений Русалочку.

СОВЕТНИК. Бросишь её в море. Только свяжи покрепче, а к ногам прицепить камень. Цепью! Живее, растяпа! *(Уходит.)*

ГОЛОС 1-ГО ИСПОЛНИТЕЛЯ *(2-му Исполнителю)*. Ну и влип ты приятель в историю!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Кто здесь? Ты?!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. *(показываясь из-под русалочьей одежды)*. А что, у меня чешуя на лбу?.. Вишь, эта ведьма околдовала меня, вон, всего как скособочило. В одежду мою переделалась и — в окно, фьют! Летит за окном и грозит мне, подниму, говорит, со дна моря всю нечисть, аж, до морского дьявола и все ваши кораблики в опилки сотру!

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Вот горе-то! Как же в море теперь?.. Надо советнику доложить!..

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Эх ты, деревенщина. Приказ надо выполнять! Не то советник тебе воротник из верёвки сделает!.. Есть у меня одно старинное средство от нечистой силы, во! *(Достаёт бутылку.)* Ни одна зараза не пристанет. Даже пусть морской дьявол запрыгнет тебе на хребет!.. Думаешь, почему я всегда первый исполнитель? Потому что меня считают болваном и забулдыгой. А кабы считали умным? У-у-у!.. Так что идём, не ровен час нарвёмся на советника... Мы ещё возьмём за жабры это русалочье отродье! *(Уводит 2-го Исполнителя.)*

XV эпизод

Утро. В дворцовых покоях появляется КОРОЛЬ и СОВЕТНИК.

КОРОЛЬ. На подоконниках только настурции... Да! У парадной

лестницы — жёлтые тюльпаны, сейчас это модно. В спальнях что-нибудь элегантное с нежным ароматом...

Вбегает ПРИНЦ, он не в себе, в руке шпала.

ПРИНЦ. Отец, она пропала!.. Советник, куда ты её спрятал?

СОВЕТНИК. Я исполнил приказ Его Величества — колдунью выбросили в море.

ПРИНЦ. Что?.. Что он несёт такое?!

СОВЕТНИК. Она совершила тяжкое преступление. она появилась во дворце и этим дала повод для мятежа.

ПРИНЦ. Фантастика! Кому нужна эта беззащитная девочка?!

СОВЕТНИК. Вот донесение. (*Достаёт бумагу.*) Двое матросов в таверне узнали Русалку. Вы были рядом. А ваши музыканты разнесли о ней уже по всем кабакам. Вы были неосмотрительны со своим другом.

КОРОЛЬ. Мальчик, ты же понимаешь, всё худшее делается в государстве для лучшего. И наоборот...

ПРИНЦ. Всё! Не нужно длинных объяснений о благе государства! Если в родном дворце меня предаёт родной отец, лучше я отправлюсь к замку Изабеллы. Странствующим рыцарем! Нищим, оборванным рыцарем. Да-да, она-то поймёт меня, она не оставит за дверями!

КОРОЛЬ. Мальчик мой, подожди!.. Зачем ехать к Изабелле, сегодня она сама приедет к нам. Эй, советник, пригласите сюда тётку принцессы Изабеллы.

СОВЕТНИК. Увы, ночью она сбежала, Ваше Величество. И это после того, как умоляла вас именем Изабеллы утопить девчонку.

ПРИНЦ. Именем Изабеллы?! Твой язык, советник, скоро превратится в метлу! Отец, он очернил её доброе имя!.. Судите его!..

СОВЕТНИК (*Королю*). Принц не в себе, позовите лекаря. (*Принцу.*) Имя Изабеллы хотят очернить противники короля. Нельзя было давать им повод. Это ваша вина!..

КОРОЛЬ. У меня уже не голова, а фруктовое ассорти!.. Пойдите, советник! А как же письмо?..

СОВЕТНИК. Фокус-покус, алле, оп!.. Ваша фальшивая тётушка выкрала его ночью. Ещё бы: подпись-то с печатью — поддельные!.. Её подослали мятежники. Расчёт прост: внести смуту во дворец и в королевскую семью.

КОРОЛЬ. Как же так?.. Какая чудовищная расплата за доверие!..

ПРИНЦ. Я не могу носить корону в таком королевстве! Прощайте!

Принц собирается уходить, но в дверях сталкивается с 1-ым
ИСПОЛНИТЕЛЕМ, который под руку держит 2-го
ИСПОЛНИТЕЛЯ, тот мертвецки пьян.

XVI эпизод

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Беда!.. Ваше Величество, наш корабль, то есть ваш корабль угодил на мель! Клянусь. только мы отплыли от берега, вылезает вдруг вот такая мерзкая, скользкая образина, бьёт вот таким хвостом — вжих! — и фрегат летит прямо на мель. Русалкино колдовство! Наши волосы шевелятся до сих пор...

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*еле ворочая языком*). Волосы шевелятся, господин советник.

СОВЕТНИК (*2-му Исполнителю*). Пошёл вон, болван!

ПРИНЦ. Сначала ответь, что за корабль.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Корабль Его Величества... Мы должны были расстрелять вражеское судно... Принцессы Изабеллы...

КОРОЛЬ. Позвольте, я не отдавал такого приказа! Я не отдавал такого приказа!

СОВЕТНИК. Он пьянее вина, Ваше Величество! Отвечай, кто тебя подослал, кто тебя заставил врать?!

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*2-му Исполнителю*). Отвечай, негодник! Видишь, сколько важных людей ждут твоего ответа.

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ (*Королю*). Господин советник сказал, что Ваше Величество сказало... (*Советнику*.) Оно сказало совсем не то, что вы сказали потом... (*Королю*.) Но господин советник сказал, что это всё тайно... (*Королю и Советнику*.) Честное слово, я уже не знаю, кто, почему и когда сказал.

СОВЕТНИК. Мерзавец! Всё ясно как день: вас намерены свергнуть с престола! Переодетые мятежники уже во дворце! (*указывая 1-му Исполнителю на 2-го Исполнителя*.) Арестовать шпиона и предателя!

КОРОЛЬ. Что же делать?!

СОВЕТНИК. Поднимать войска! Чистить пушки! Я отправлюсь за подмогой к королеве Альчичи. (*Принцу*.) Надеюсь, она простит вас.

ПРИНЦ. Не надо к Альчичи! Если в этом кошмаре есть моя вина, я

ответу за неё! Я сам поведу войска!

КОРОЛЬ. Это слова не мальчика, но мужа! Я горжусь тобой!

XVII эпизод

Появляется ФЕЯ-воспитательница во всём своём великолепии.

ФЕЯ (*торжественно*). Её высочество принцесса Изабелла Гринзельская, дочь Его Величества короля Августа Гривуаза Бесстрашного и Её Величества королевы Марии Муареллы Величавой, племянница Её Величества королевы Альчичи Прыгучей!

Входят принцесса ИЗАБЕЛЛА и камер-фрейлина ЭЛИЗА.

ИЗАБЕЛЛА. Прошу прощения, господа. Я задержалась по достаточно веской причине. моя любезнейшая тётушка королева Альчичи скончалась вчера вечером.

СОВЕТНИК. Скончалась?!.. Ваша тётушка?!

ИЗАБЕЛЛА. Она скрывала, что у неё есть племянница. Сами понимаете, самозванцы и наследники роятся, как мухи возле престола — подкуп, отравление... Тётушка любила меня и берегла от заговорщиков.

СОВЕТНИК. О!.. А кто же наследник?

ИЗАБЕЛЛА. Я. У тётушки ведь не было детей.

СОВЕТНИК (*торжественно подобострастно*). Музыка в честь Её Величества королевы Изабеллы Несравненной!!!

Звучит музыка. Все разбиваются по парам. Фея с Королём, Советник с Элизой, Изабелла с Принцем. Танцуют.

ИЗАБЕЛЛА. Мне очень понравился ваш букет из роз, который вы прислали с вашей тётушкой Аделаидой.

ПРИНЦ. Моей? Странно. Выходит, у нас одна общая тётушка?..

ИЗАБЕЛЛА. Вы опять шутите. Она говорила, сегодня на ваш корабль напали русалки и вы геройски сражались.

ПРИНЦ. Да, у меня очень сообразительная тётушка. Уже вчера она знала то, что случилось только сегодня.

Пары меняются, теперь Принц оказывается в паре с Феей.

Выходит, вы моя родная тётка? Откуда вы заранее знали про корабль? Кто вы на самом деле?

ФЕЯ. Слишком долго объяснять. Считайте меня тёткой, свахой, ангелом-хранителем — какая разница, вы своё получили.

ПРИНЦ. Я у вас в долгу?

ФЕЯ. Вы в долгу у доверчивой немой девочки. Вы её заманили во дворец прямо в лапы к убийцам. Теперь вы счастливы, а бедное дитя лежит на морском дне.

ПРИНЦ. Клянусь, я не желал ей зла.

ФЕЯ. Что ж, тогда хоть попрощайтесь с её душой. Сегодня ночью у Синего камня, на месте первого свиданья. Она оставила вам цветы, там, на берегу. Возьмите их на память.

ПРИНЦ. Я приду обязательно. Даю слово!

XVIII эпизод

На вечернем берегу появляется РУСАЛОЧКА, она слышит музыку из окон дворца и тоже пытается танцевать. Появляется ФЕЯ с корзиной, откуда видны розы.

ФЕЯ. Что, ждала ведьму, а пришла фея?.. Глупая девчонка. отдать свой серебряный голосок, свою корону из-за какого-то мальчишки! Он уже и забыл о ней. Ха! Романтичный сюжет для нищего сказочника: на восходе солнца принцесса-русалочка умерла и стала какой-то грязной пеной. Все просто расплачутся, какая жалостная сказка! Но разве они поймут, каково было настоящей немой девчонке. Вечный мрак и пустота!

Изволь делать то, что скажу я! Вот кинжал, его дала морская ведьма в обмен на мою волшебную палку. Да, я заплатила очень большую цену. Но всё вернётся, если вернёшься ты!.. Видишь, это сонные розы. *(Даёт ей цветы.)* Осторожней, их аромат усыпляет мгновенно! После венчания принц и принцесса придут на берег. Они понюхают цветы и уснут крепким сном. Ты вонзишь этот кинжал точно в сердце принца... Да, да, я не ошиблась!.. Когда брызнет кровь, подставь свои ножки, они опять сростутся в рыбий хвост... Рыбка моя, ты станешь королевой-русалочкой и проживёшь целых триста лет!.. Не мешкай, до восхода всего два часа! Будь умницей!.. Я отправлюсь во дворец и отвлеку стражников. Будь осторожна, моя рыбка, я скоро вернусь!.. *(Уходит, оставив на берегу цветы.)*

ХІХ эпизод

На берегу появляются ИЗАБЕЛЛА и ПРИНЦ. РУСАЛОЧКА прячется.

ИЗАБЕЛЛА. Вы встретились именно здесь? Смотри, это те самые цветы? Неужели она оставила их? Как романтично!

ПРИНЦ. Несчастливое место.

ИЗАБЕЛЛА. Я бы хотела увидеть её.

ПРИНЦ. Это невозможно. Её уже нет в живых.

ИЗАБЕЛЛА. Неужели она так красива, как все рассказывают? Не бойся, я не буду ревновать.

ПРИНЦ. Не очень-то мне нравится это место, как будто что-то за душу тянет. Давай положим цветы в воду, мы уже попрощались с ней.

ИЗАБЕЛЛА (*нюхая цветы*). Понюхай — они бесподобны!

ПРИНЦ. Не могу. Мне больно вспоминать о ней. Пойдём, прошу тебя!

ИЗАБЕЛЛА. Ах, так!.. Тогда я сяду здесь и никуда не пойду.

ПРИНЦ. Не капризничай, тебе это не идёт.

ИЗАБЕЛЛА. Ну, пожалуйста.

ПРИНЦ. Ладно, уговорила. (*Принц нюхает цветы.*) Да, они пахнут морем, как пахли её волосы!..

ИЗАБЕЛЛА. Погоди, у меня закружилась голова. Наверно, я слишком много танцевала.

ПРИНЦ. Облокотись мне на плечо. Сейчас всё пройдёт...

ИЗАБЕЛЛА. А вдруг я усну и во сне увижу твоего найдёныша? Ты ведь познакомишь нас?..

ПРИНЦ. Обязательно...

Принц и Изабелла засыпают. Из укрытия выходит Русалочка, она подходит к спящим Принцу и Изабелле. Достает кинжал, подходит к Принцу, приставляет кинжал к его груди, затем в ужасе отдёргивает руку и вонзает кинжал в землю. Русалочка берёт сонную розу, вдыхает её аромат и ложится умирать.

ХХ эпизод

Появляется ФЕЯ. Она подбегает к лежащей Русалочке.

ФЕЯ. Малышка! Что с тобой?!.. очнись, уже поднимается солн-

ДРАМАТУРГИЯ

це!.. (*Слушает её сердце.*) Боже, она умерла?.. Неужели?.. Упрямая, глупая фея. У этой девочки было золотое сердце... Она... она не смогла поднять руку на свою любовь... Только и всего!.. Только и всего...

Фея опускается на землю. В это время над Русалочкой взмывает белое сияние. Из этого сияния возникают ДОЧЕРИ ВОЗДУХА, они танцуют, порхают, как мотыльки, вдоль берега, между спящих Принца и Принцессы, возле плачущей Феи. Русалочка открывает глаза и с удивлением смотрит вокруг.

РУСАЛОЧКА (*изумлённо*). Что это?! Какая неземная красота!!.. (*За-метив плачущую Фею.*) Дорогая фея! Почему вы плачете, фея? Смотрите, я снова могу разговаривать. У меня две ноги, вот, и мне ни капельки не больно! Я стала невозможно лёгкой, кажется, я вот-вот взлечу!

ФЕЯ. Девочка моя! Прости меня! Я... я перестала верить сказкам о вечной любви, я...

РУСАЛОЧКА. Тсс! (*Подходит к спящим Принцу и Принцессе.*) Фея, скажите, что им сейчас снится? (*Посылает их розовыми лепестками.*)

ФЕЯ. Конечно, ты. И небесные блаженные страны... Скоро ты будешь там.

ПРИНЦ (*просыпаясь, Русалочке*). Ты?! Найдёныш! (*Изабелле.*) Взгляни, это она! (*Фее.*) Тётушка?! А вы здесь что делаете?..

ФЕЯ. Прощаюсь...

ИЗАБЕЛЛА. Нет, просто нам снится один и тот же сон. Она прелесть! Тише, не вспугните её.

РУСАЛОЧКА (*кричит*). Эй, люди! Все люди на белом све-ете-е!..

Появляются КОРОЛЬ, ЭЛИЗА, СОВЕТНИК и оба ИСПОЛНИТЕЛЯ.

ВСЕ (*наперебой*). Что такое? Случилось что-нибудь?.. Что происходит?..

РУСАЛОЧКА. Оглянитесь вокруг, посмотрите друг на друга! Мы очень разные, но сейчас мы вместе. Это счастливый сон. О небесных блаженных странах!

С неба начинают сыпаться цветы.

КОРОЛЬ (*собирая цветы*). Изумительно, там везде цветы! Море цветов! Ах, наверно, там не обязательно быть королём...

ЭЛИЗА. Да уж, дети и взрослые там, верно, друг друга без слов понимают. *(Подходит к Изабелле и надевает ей венок.)*

ИЗАБЕЛЛА. Ах, Элиза, там любят тебя оттого, что ты есть, а не оттого, что ты королева...

1-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Да, там не надо корчить из себя глупца. Делать противное всей душе...

2-й ИСПОЛНИТЕЛЬ. Там нет солдат и тюрем, из-за того нечего бояться!..

СОВЕТНИК. Самое главное, там у всех всё есть. Не к чему кому-то завидовать...

Дочери Воздуха кружатся, играют с Русалочкой, во время игры, облачая её в, похожие на свои, прозрачные одежды.

РУСАЛОЧКА *(показывая на Дочерей Воздуха)*. Фея, я забыла спросить: кто они?

ФЕЯ. Это Дочери Воздуха, дитя моё. Они проводят твою душу на самые небеса! В те блаженные страны, о которых ты слышала.

РУСАЛОЧКА. Разве я обрела бессмертную душу?

ФЕЯ. Да! Ты заслужила её преданной любовью.

ДОЧЕРИ ВОЗДУХА *(увлекая её за собой)*. Летим с нами!.. Летим!.. Летим!..

РУСАЛОЧКА *(исчезая)*. Прощай, мой милый принц и добрая принцесса! Прощай, фея! Прощайте все, я люблю вас!.. Люблю...

Русалочка исчезает вместе с Дочерьми Воздуха.

ВСЕ *(крича вслед, задрвав головы)*. Прощай, русалочка!.. Мы не забудем тебя!.. Никогда не забудем!..

Король, Советник, Элиза и оба Исполнителя уходят следом за исчезнувшей Русалочкой, как бы провожая её.

ФЕЯ. Я буду помнить тебя всегда, крошка. И, даст Бог, мы ещё встретимся! *(Уходит.)*

ИЗАБЕЛЛА *(удивлённо)*. Я думала, это сон. Она была здесь на самом деле?

ПРИНЦ. Да. По-моему, это будет самая правдивая история на земле...

З а н а в е с

Юлия НОСОВА

* * *

*Под нафталином старых убеждений,
Под чёрной маской глупых предрассудков
Я затерялась в тысяче сомнений.
А жизнь течёт: уносятся минутки.*

*Мне говорят: «Такою быть немодно!
Ведь ты живёшь, как экспонат музейный!»
Ах, как же трудно всюду быть угодной
И жить подстать всем нормам постатейно!*

*Да, отличаюсь – мне не светит рампа,
Но, и в тени на сцене жизни стоя,
Найду того, кто сложит дифирамбы, –
Единственно возможного героя.*

Юлии Носовой только что исполнилось 22. Родилась и живёт в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г. Р. Державина. Работает журналистом в газете «Город на Цне».

Стихи Юли публиковались в газетах, коллективных сборниках, Интернет-изданиях.

В настоящее время готовит к изданию первую свою книжку.

* * *

Не дал мне Бог
Ни стройных ног,
Ни красоты волос роскошных.
Уж двадцать лет...
Ты веришь? – Нет...
Я до сих пор копаюсь в прошлом.

Потерян след –
Ищу ответ
На невезения причины.
Мне б обвинять –
Да не себя!
Я прячусь за чужие спины.

Кто виноват?
Рассвет... Закат...
Ах, почему я одинока?!
Кто просветит
Меня в пути?
О чём безмолвствуют пророки?

А карты – врут... От тяжких пут
Освобождает «Харе Кришна» –
Даёт покой.
И за спиной
Я поступь Счастья уже слышу...

* * *

Когда-нибудь изменится Вселенная,
Немая вечность превратится в миг.
Последний час пробьют часы настенные,
В пространстве растворится бранный мир.
Не будет слёз. В официальных хрониках
Не промелькнёт печаль дежурных фраз.
Без остановки – на рекламных роликах –
Лишь бой часов, что бьют последний раз...

* * *

*подавляя в сознании дождь:
«Я – мужчина, и плакать не буду!»,
– Ты всё чуда какого-то ждёшь...
Можно, я твоим стану чудом?
Неожиданным, дерзким, смешным,
Удивляющим и непохожим
Ни на что; звонким смехом в тиши,
Иль тропинкою средь бездорожья.*

*Вот соринка попала в глаза.
Почему-то мужчины не плачут,
Об удаче моля Небеса...
Можно, я твоей буду удачей?
Феерической и неземной,
Позволяющей всех конкурентов
Оставлять далеко за спиной.
Ты не тонешь ещё в комплиментах?*

*Отчего твои очи в слезах?
От мужчины ведь слёз не дождёшься!
Ах, от солнца слезятся глаза!..
Можно, я твоим буду солнцем?
Ранним светом стучаться в твой дом,
Звать навстречу свободе и счастью.
На закате пылая огнём,
Быть твоей неотъемлемой частью.*

*... Быть бы солнышком, чудом, удачей
И дорогой на трудном пути...
Что за бред?! Мужчины не плачут...
А я – женщина!.. Знаешь, прости
Моей слабости девичьи слёзы,
Строк наивных неистовый плач.
Нет, не тянет на строгую прозу
Твоё Солнце чудесных удач...*

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

*В переливчатые своды
Поэтического храма
Ты закрыл мою свободу –
Словно фото в редкой раме.*

*Муравьями по паркету
Разбегаются идеи.
Ты назвал меня поэтом!..
Не поэт, а ворожея...*

*Но забыто заклинанье...
Да оно здесь не поможет!
На листе – рисунок странный:
Чёртик с пороссячьей рожей.*

*Он смеётся и глумится,
Но (не фото и упряма!)
Я сумею поместиться
В заритмованную раму!*

ЛЮБОВЬ

*Поднимите мне веки,
Завяжите мне раны.
Разливались реки
Боли – гости незваной.
Проиграла: разбита
Заколдованной силой.
Заглушите молитвы,
Загасите кадило...*

* * *

*Близится пьеса к антракту,
Двигаются стрелки к нулю.
Ставлю себя перед фактом:
Странно – ещё не люблю.*

*Странно – ещё не умею
Главным – тобой – дорожить.
Но почему-то жалею
О «невозможно прожить»*

*День, что ушёл безвозвратно,
Заново. Всё поменять!
В танце насмешиливо-странно
Тени: НЕты и НЕя...*

*Странно! Немыслимо-горько
Вновь потерять, не найдя.
Невыносимая гордость!
О, предрассудков дитя!*

*Необъяснимо – влюбиться...
Я уязвима теперь.
Сердце трепещущей птицей
Бьётся в закрытую дверь.*

*Близится пьеса к антракту,
Двигаются стрелки к нулю.
Ставит меня перед фактом
Странное слово – ЛЮБЛЮ...*

* * *

*Ты же знаешь...
Знаю... Верю.
Что ещё мне остаётся?
Обгоревшие под Солнцем,
Крылья сложены смиренно.*

*Уязвима и ранима,
Сплетена из откровений,
Нерешённых уравнений –
Такова любовь без грима.*

*Ты – прекрасное создание!..
Без тебя нет суммы – разность.
Подари мне этот праздник!!!
Может, позже?..
Верю... Знаю.*

* * *

*Что готовит нам эта осень?
Мои двадцать, твои тридцать восемь.
Редкость встреч, робость объятий...
Я влюбляюсь? Снова некстати
Поднимаюсь ввысь лёгкой птицей,
Да паденья боюсь – не разбиться б!
К чёрту всех! Позабыв о морали,
Разговорах, упрёках – все ввали!
Распадаясь, как пазл, на части, –
Я лечу к долгожданному счастью!!!*

* * *

*Ты не уйдёшь?.. Ведь правда, не уйдёшь
В слепую ночь, закрыв неслышно двери.
Ведь ты на счастье на моё похож –
Тебе не стать очередной потерей.
Тебе не быть забытым и забывшим...
Так отведи от гибельного края!..
Меня... И, слышишь, я сказала тише:
Ты не уйдёшь. Я это утверждаю.*

* * *

*Мой Бог устал от святости оков.
Надежды свет – всего лишь прихоть моды.
И, проклиная глупую любовь,
Он бросил веру к пропасти свободы.
Мой Бог устал...*

*Мой Бог ушёл, и нимб унёс с собой,
А заодно мои обрезал крылья.
А я к Нему тянулась всей душой,
Я истинно Его боготворила.
Мой Бог ушёл...*

*Мой Бог молчит. Гудков протяжный вой
Не знает, что вначале было слово.
Не достучаться до небес Его,
Но на вратах открыты все засовы...
Мой Бог молчит?..*

* * *

*Так банально... Прости! Как умею
Признаюсь в своих чувствах тебе.
Разрядилась мечты батарея,
Слёз поток в водосточной трубе.
Хохот ветра над сорванной дверью,
И разбросанный нервно уют...
На полу облетевшие перья:
Были крылья – подушку набью.*

* * *

*Не в приворотном зелье счастье:
Употребил – и всё «в ажуре».
Не разгорится пламя страсти
От порошка или микстуры.*

**Елена
ЗАХАРОВА**

* * *

*Рахманинов. Ивановка. Весна.
Дом с головой накрыт волной сирени.
И золотого утра тишина
Уже томится музыкой весенней.*

*Открыть окно и жизнью надышаться,
Писать, и слушать, и играть – как жить.
С Ивановкой связующая нить..
И после смерти ей не оборваться.*

*Земля, как медный колокол, гудит.
По всей России боль и стон. И ветер.
Рахманинов в Америке. Один –
До немоты, один – на целом свете.*

*По прошлому звонят колокола.
Играть и умирать – во имя жизни.
До смерти верным быть своей отчизне.
А Родина всегда его ждала...
Колокола. Колокола. Колокола.*

Елена Захарова родилась в Тамбове. Учится на 4-м курсе ТГУ им. Г. Р. Державина. С 12 лет занимается в литературной студии «Тропинка». Недавно вышла из печати её вторая поэтическая книга «И верится: всё будет хорошо». Публиковалась в журналах «Ровесник», «Костёр», «Детская литература», коллективных сборниках.

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

РОЖДЕСТВО

*Сегодня в мире тише и светлей –
Взошла звезда над спящим Вифлеемом.
И ночь причастна к таинству, и все мы
Теперь причастны к Рождеству и к ней.*

*Задумав зло, не спит сегодня Ирод.
Увы, его недуг неисцелим,
Ведь скоро новость о спасенье мира
Придёт с волхвами в Иерусалим...*

МАРТ

*В утробе троллейбуса тихо и сыро.
О чём-то осеннем молчат пассажиры.
Не видя, не чувствуя тех, кто около,
Глядят за холодные серые стёкла.*

*Качается небо. Качаются люди.
Кончается вечер, и встречи кончаются.
Но счастье, конечно же, всё-таки будет.
И в такт нашим мыслям троллейбус качается.*

*Серьёзные взрослые верят, как дети,
В заветный и самый счастливый билетик.*

ЕЛЕНА

*Выше! Выше! Прямо в тишину,
Прямо в глубину всего земного.
Счастья не бывает слишком много.
Тьма близка. Корабль идёт ко дну.*

*Сломаны и мачты, и мечты.
Новые глубины как высоты.*

*Сверху мир и небо – с высоты
Моего паденья и полёта.*

*Счастья не бывает слишком много.
Спит земля, и солнце спит над ней.
Я ещё дышу, и слава Богу.
Только разве солнце есть – на дне?*

*Выплыву. И выживу. Мне – петь,
И любить, и сострадать, и строить.
Но узнать хочу: кто я теперь
Без любви, без дома и без Трои?*

СОН

*Простить – самой себе – всю эту ложь,
Что до конца любила и любима.
Всё кажется: домой к себе идёшь,
Но каждый раз опять проходишь мимо.*

*И фонари из-под земли растут.
Всё замерло в молчании зловецем.
И только эти фонари и вещи
Не спят как будто на своём посту.*

*И так всегда: когда совсем не ждёшь,
Отчаявшись без солнца и без света,
И приготовишь жизнь свою под нож –
В глазах прохожего найдёшь приют и лето.*

ЛЮБЛЮ?

*Брожу без цели, целый день пою.
Не нахожу ответов на вопросы.
Во мне самой разбуженный философ
Тревожит рану старую мою.*

*В уме перебираю чётки рифм
И снова торможу в себе поэта.
Ответ разбился о сомненья риф,
Но жизнь моя зависит от ответа.*

*Мораль проста: не стоит, может быть,
С утра в себе философа будить?*

* * *

*Вечер на свет скуп.
Вечен ли этот вечер?
Слово, сорвавшись с губ,
Музыкой душу лечит.*

*Словом велик мир.
Мир красотой спасётся.
Вечно ли над людьми
Будет гореть солнце?*

*Солнце – в речной воде.
Солнце – на дне лужи...
Нужен ли нам день?
Свет вдохновенья – нужен?*

*Вечен ли наш мир?
Вечна любовь или...
Мы родились людьми.
Мы остаёмся ими?*

* * *

*Напрасно потревожены слова.
Мой адрес вдохновенья позабыло.
Весь мир сейчас мне кажется унылым
И бледным, как осенняя трава.*

*Упавший лист в стекле оконной рамы
Ложится мне на стол узорной тенью...
Я так была бы рада телеграмме:
«До встречи. Вылетаю. Вдохновенье».*

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

*Всё спрятано теперь от глаз чужих:
В душе не заживающая рана
И целый мир. И он тогда был жив.
Но стал поэт великим – слишком рано.*

*Поэт – всегда для зависти мишень.
Его судьба – то песни, то разлуки. И память...
Дом и бабушкины руки
Навек запомнил маленький Мишель.*

*Не травами, а детством пахнет луг.
И запах этот – ласковый и пряный.
Огромный мир сейчас – одни Тарханы,
И небеса распахнуты вокруг.*

*И холод, и июльский жгущий зной –
В глазах поэта целый Шар Земной.
А бабушка не знала: юный барин –
Поэт, пророк, другой – российский – Байрон.*

*...Дом в трауре. Как день дуэли, чёрен
Рояль. Он не расстроен, а печален.
Был Лермонтов – немножечко Печорин.
Теперь уже не будет, как в начале.*

*Его убийца будет ли прощён?
Звенят, как синева, поэта строки,
И лермонтовский Демон одинокий
Не спит, укрыв весь мир своим плащом.*

Елена АНТОШКИНА

* * *

*Проще прожить много лет – одной.
А потом позвонить и спросить: «Как все?».
Детской философией постучать в окно,
Сотни предрассудков позабыв совсем...*

*Проще много лет, зачеркнув, убрать
Из сердец друзей... И вернуться вновь
В поле, где чужих притаилась рать,
В город, где не слышно стихов давно.*

*Это мой порог. Это мой этаж.
Этим обоям на стене – шесть лет.
Здесь сидела кукла, но куклы нет.
То ли дом здесь мой, то ли угол наш.*

Елена Антошкина родилась в Тамбове. Студентка Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (специальность — «Международные отношения»). Посещает занятия литературно-творческого объединения «Тропинка» под руководством В. Т. Дорожкиной.

Только что вышел в свет первый сборник юной поэтессы «Тонкая бедая линия».

ТОМ СОЙЕР

*Мальчик, это не хижина, это чей-то дом.
Эта дыра в земле – следы сорвавшихся вниз.
И поздно идти на север, лоя поминутно ртом
Капли дождя, струящегося с ресниц...
Кем ты будешь, когда вырастешь, Том?*

*Мальчик, неправда, что смерть – когда в небе звон.
Это ветер гудит, глуша голоса людей.
И если стынет луна, к причалу приходит он,
Называемый изначально – день.
Кем ты будешь, когда вырастешь, Том?*

*Мальчик, не стоит думать, что в унисон
Бьются сердца всех тех, кто увидел свет.
Нас просто тянет в тот опустевший дом,
Которому имя есть, но которого больше нет.
Кем ты будешь, когда вырастешь, Том?*

* * *

*Одиночество будней, выходных одночасье...
Что встречается чаще – перекрёстки, кресты ли?
Провожая в дорогу своё безучастье,
Замечаю, как звёзды в тревоге застыли...*

*Если ты не найдёшь меня в северном ветре,
Если я не дождусь тебя дома на крыше, –
Как же нам в переплёте трепещущих веток
Можно будет дыхание жизни услышать?*

* * *

*В глазах любого поэта –
Цвет ночи и звуки дня...
Опять желтоглазое лето
Куда-то зовёт меня.*

*Дорога опять петляет,
И ластится вновь ковыль,
Одежду мою пятнает
Почти вековая пыль.*

*Иду по полям и далям
Туда, где за речкой – луг,
Где птицы находят стаю
И крошки берут из рук.*

*Здесь клуб, магазин и почта.
И вот беседка стоит,
Где невесомую ночью
Встречались друзья мои.*

*Иду по примятым травам.
С оврага уж виден дом,
Не самый, наверное, старый,
Но сколько прожито в нём!*

*Я буду сегодня дома,
Всего полчаса идти.
И вот я уже знакомых
Увидела на пути...*

*В душе любого поэта
Такие же есть места.
Опять желтоглазое лето
Сюда ведёт поезда.*

*Здесь сходятся все дороги,
И каждый здесь видит Свет.
Я после признаюсь Богу,
Что лучше нам рая нет.*

* * *

*Мы становимся великими
С каждым днём и с каждой строчкою,
Мы рисуем наше прошлое
Сердолоиковым дождём.
Мы рисуем эти линии,
Капли, кружево и прочее
И раздумываем, можно ли
Верить в то, что мы – живём...*

* * *

*Всё. Закрываю сердце
Завтра... Сегодня ночью!
И потому ни строчки
Не закольцую в точки
Больше уже никогда.*

*Всё. Этот шаг – последний,
Мерявший путь до взлёта...
Славной была охота
За небывалым «да».*

*Как же нам будет страшно
Знать, что настанет утро...
(Я завиваю кудри –
Утром они нужней)...*

*Всё. Закрываю сердце,
Чтобы не слышать песен...
Сделано. Ставлю крестик...
Вам так идёт быть вместе
С ней.*

МОНОЛОГ ОЖИДАНИЯ

*От случая к случаю,
Раз в год возвращаясь к прожитому,
Ты мучаешься, я мучаюсь.
Ты обречённый, я – осторожная.*

*Ты приходишь, ты – снег на? голову,
Ты приезжаешь на синем поезде.
А я в темноту, в неизвестность падаю –
Туда, где несбыточные новости...*

*Я узнаЮ? тебя на улицах,
А ты меня не находишь в городе.
Не надо, милый мой, так хмуриться,
И, пожалуйста, не стой на холоде...*

*А вообще – мне без тебя тоскливо до жути,
Так одиноко, что время летит – вагонами....
А ветер уж листья осенние крутит.
Я – здесь, а ты – там.
Спокойный и собранный.*

* * *

*Первой строкой определяют душу,
Второй – вписывают её в вечность.
Остальные даже не надо слушать,
Потому что уже вздрагивают плечи –
Заострённые, опущенные – тихо...
Ночь по ним угадывает час рассвета.
А я рисую по плечам выход –
Из лабиринта в наступающее лето.*

**Валентина
ДОРОЖКИНА**

**Лариса
ПОЛЯКОВА**

ДВА ПРИЧАЛА ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА

К 70-летию со дня рождения

«Таких поэтов, как Вячеслав Богданов, на Руси единицы. На мой взгляд, он относится к ряду таких удивительных чистых и светлых голосов России, какими были его ровесники Николай Рубцов, Борис Примеров, каким и поныне является его друг Валентин Сорокин...»

Эти словами писателя Анатолия Белозерцева открывается книга о творчестве Вячеслава Богданова «Верность», выпущенная в 1997 году в Челябинске, где прошла значительная часть жизни нашего земляка.

Вячеслав Богданов родился 24 сентября 1937 года в деревне Васильевке Мордовского района, где прошло его детство. После окончания школы ФЗО будущий поэт уехал на Урал, работал слесарем-монтажником на Челябинском металлургическом заводе.

Стихи Вячеслав начал писать рано. Первые поэтические строки родились на просторах Тамбовского края. Родная деревня одарила его и жизненным опытом, и образной народной речью:

Валентина Дорожжина — поэт, критик, литературовед, руководитель литературно-творческого объединения «Тропинка»; автор 18 книг, член Союза писателей России.

Лариса Полякова — критик, литературовед, доктор филологических наук, зав. кафедрой истории русской литературы ТГУ им. Г. Р. Державина; автор многих книг и монографий, член Союза писателей России.

*Я здешними словами говорю,
Что в детстве собирал, как землянику...*

В стихах, чистых и ясных, — родословная поэта. С сыновней гордостью он пишет: «Мой отец – землепашец на колхозной земле». Дед тоже был землепашцем, но «на кулацкой земле». Сын выступает как преемник завоёванного дедом и отцом права на светлую жизнь. Об этом – стихотворение «Моя родословная» и другие произведения, вошедшие в многочисленные сборники Вячеслава Богданова: «Перезвон» (1972), «Светунец» (1974), в посмертные книги «Встречи», «Возвращение» (обе – 1997).

Немало лирических строк посвятил Вячеслав Богданов родной Васильевке. Несмотря на то, что он жил и работал на Урале, малую родину вспоминал всегда с любовью и часто приезжал сюда:

*Моя Васильевка родная,
Тебя забыл я до поры.
Но снова память вырастает,
Как воз идёт из-за горы.
.....
В твоих, Васильевка, широтах
Я жизнь познал под шум листвы –
От воробьиного полёта
До горя матери-вдовы.*

Поэт пишет о тяжёлой жизни в деревне, которая постепенно выходила на новую дорогу, и зёрна добра, брошенные в землю, «через сердце проросли»:

*К тем дням свежа моя дорога.
Судить о жизни не тому,
Кто только что сошёл с порога,
А кто вернулся вновь к нему!..*

Тамбовский край был для Вячеслава Богданова «земной колыбелью»; ширь полей восхищала и вдохновляла его, родная природа дарила ему лучшие образы и строки. В стихотворениях «Выхожу я в поле», «Весенняя гроза», «Утро в деревне», «Природа», «В отпуске» и многих других поэт так описывает леса, степи, сады, что, читая их,

мы чувствуем душистый запах сена; видим, как «Сад раскинул руки-ветви, / Моет листики-ладоши»; как «Лениво падают снега, / И облака плывут лениво...»:

*А за околицей села,
Придя от снега в удивленье,
Берёза ветви подняла,
Остановилась, как мгновенье...*

Главная тема в творчестве Вячеслава Богданова – человек труда. И неважно, где он работает, — на тамбовских полях или на уральских заводах, поэту одинаково дорог хлебороб и сталевар. В стихотворении «Наедине с полями» поэт говорит о той радости, которую он испытывает «под небом родины широкой», где «Для каждого необходимо / Ветрами родины вздохнуть / И после дыма, коксохима / В просторных далях утонуть...». Вспоминая голодное детство, он бережно срывает ржаной колосок, растирает его в ладонях и ощущает «медовость янтарно-звонкого зерна». Сам и хлебороб, и сталевар, Вячеслав Богданов благодарен судьбе за то, что в нём так органично соединились эти земные профессии. Но он ещё и поэт, призванный воспеть работу, приносящую радость и счастье:

*Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,
Земную славу хлебороба
Роднить со славой заводчан!*

Тамбовский край и Урал – два причала Вячеслава Богданова. Оба были ему дороги, оба сыграли огромную роль в становлении его как поэта и гражданина. В одном из его стихотворений есть такие строки: «По времени тамбовскому ложусь, и просыпаюсь по часам уральским». А в четырёх строках, написанных в 1970 году, он выразил всю суть своей жизни:

*Коль доведётся умирать,
То у меня – учтите! –
Завод – отец,
Деревня – мать
И чёрный труд – учитель.*

Малая родина всегда с любовью встречала своего сына. Где бы он ни был – в Челябинске, в Москве, в других городах – везде и всегда ему чудился «голос полей». Из дальних далей его звали и ждали природа, родной дом – всё, что было ему дорого и близко. Удивительные, сильные образы находит автор, передавая «чувства неживых предметов», олицетворяя их, оживляя их своей любовью и преданностью. Эта любовь была взаимной:

*Приеду в село непременно,
Зовут меня мать и родня.
У дома потрескались стены
От жажды увидеть меня.*

Как с верными друзьями разговаривает поэт с деревьями, с тропинками, по которым любит бродить, и с детским восторгом вдыхает он аромат терпкой мяты, полевых цветов, степного воздуха, пропитанного ни с чем не сравнимым запахом цветенья и увяданья. Его собеседниками становятся то степное озеро, насквозь пронизанное синовой, то пролетевшая птица, то «сквозная, продувная осенняя пора», сентябрь – месяц рождения Вячеслава Богданова:

*Родной сентябрь,
до радости, до пенья
Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.*

Лучшие стихи Вячеслава Богданова отмечены истинным талантом, ясностью поэтической речи, широтой взгляда. Наряду с традиционными темами труда, деревенскими мотивами, в его произведениях заметно стремление к осознанию и пониманию поэзии как высшего искусства; он пытается философски осмыслить жизнь, остро ставит проблему назначения человека. Ему не безразлична позиция современника, он хочет донести до его сознания мысль о том, что живущий на земле должен любить её, как сын любит мать, беречь и защищать, как защищали её отцы и деды в лихие времена. И, воспевая Тамбовский край, свою малую родину, поэт не отделяет её от России, он гордится тем, что он россиянин: «Русобровый, лобастый, / Самых русских кровей».

Сошин, московские писатели Пётр Проскурин, Валентин Сорокин, Арсений Ларионов, Станислав Куняев, Тамбовская областная писательская организация, администрация Мордовского района, учредившая в 1998 году литературную премию «Светунец» имени Вячеслава Богданова. Её лауреатами стали несколько тамбовских поэтов и прозаиков, журналистов. Она ежегодно вручается также библиотекарям, учителям — пропагандистам лучших образцов современной литературы.

В районной библиотеке рабочего посёлка Мордово в 1998 году открыт музей Вячеслава Богданова, а годом раньше библиотеке присвоено имя поэта и на её здании установлена мемориальная доска. Администрация района приняла решение присвоить одной из улиц рабочего посёлка имя Вячеслава Богданова. Стараниями брата поэта Виктора Сошина и его московскими друзьями в Мордово установлен бюст Вячеслава Богданова.

В 2004 году в Тамбове, при поддержке администрации области, издана книга «Она всегда неповторима – Русь!», в которую помимо произведений Вячеслава Богданова вошли стихи, посвящённые памяти поэта, статьи о нём, воспоминания близких. Вот что написал о Богданове известный прозаик Пётр Проскурин, не раз бывавший в Тамбове:

«Я прочитал стихи Вячеслава Богданова и вдруг понял, что этот человек исследовал то же, что и я, болел тем же, чем и я. Он пытался понять, что такое Россия, что такое русский человек. И самое главное – что делать дальше...»

Однажды Леонид Леонов, этот мудрый старик, сказал в разговоре со мной: «Пётр Лукич, вы знаете, когда начинается писатель? Когда его похоронят и когда он прорастёт из могилы».

Вы вдумайтесь в смысл сказанного и поймёте, что здесь заложена глубочайшая мысль и истина. Понимаете? Если прорастёт после смерти в народе, то значит он и писатель, и потому будущему определять, кто из нас выше, а кто ниже, кто кого талантливее.

Вот Вячеслав Богданов сейчас пророс. Пришло время, двадцать лет молчали – и вдруг пророс. Почему? А потому, что он был из сердца народа. Он болел его болью, прочитайте его стихи. Это ведь всё – боль за Россию, её будущее».

Итак, творческая личность Вячеслава Богданова складывалась под воздействием в основном *трёх* в равной степени активных и выразительных поэтических *тенденций* в отечественной литературе. С од-

ной стороны, поэт-рабочий, слесарь-монтажник Челябинского металлургического комбината, находился в атмосфере тех молодых авторов, кто исчислял свою трудовую биографию.

Уже стало своеобразной традицией, что поэт ассоциирует свой труд с физическим трудом. Так было у Владимира Маяковского и Виссариона Саянова, Николая Асеева и Павла Васильева, Александра Твардовского и Ярослава Смелякова, Бориса Ручьёва и Александра Яшина. Продолжали эту традицию и поэты из поколения В. Богданова.

В поэзии периода вхождения В. Богданова в литературу укрепилось некрасовское отношение к труду как основе народной нравственности. Человек в мирное время полнее всего раскрывал себя именно в своём отношении к труду. Обращение к этой теме для художника – своего рода политический акт, характеризующий наступательность творческих позиций. В выражении и формировании наступательности художнического мировоззрения огромна роль того самого исторического аспекта в раскрытии темы труда, о котором мы ведём речь.

Веками высекали русские поэты искры мудрости из глубинного сосредоточенного биения пульса природы. «Святое и великое таинство» (термин В. Г. Белинского) природных стихий постигали молодые «рабочие» поэты конца 1960-х годов, выверяя нравственную красоту, духовное мужество современника. Стремление постичь согласие природы, завода, человека явственно проступало в стихах авторов, которых критика именовала «поэтами труда». Трепетно выразилось это в лирике В. Богданова. И одинокая яблоня, что растёт у заросшей тропы, оставленная «на тоску» уехавшим в город хозяином, нуждается в заботе о себе не в меньшей степени, чем мачты и лебёдки, не в меньшей степени, чем сам человек ищет перевоплощённого участия в природе:

*Ты скажи мне, яблоня, скажи,
Как тебе живётся тут в глуши?
И к ногам ложился, как ответ,
Только горький майский пустоцвет.*

Можно в этом стихотворении («Яблоня») В. Богданова, как мы привыкли, выделить проблему «город – деревня». Но ведь не она движет нерв поэтического поиска. Утверждение ответственности человека за всё живое, горечь одиночества, когда разрывается союз «природа – человек – труд», — вот смысл стихотворения.

Кстати говоря, отношение поэтов конца 1960-х годов к природе ставили под сомнение искусственно возводимые тогда некоторыми критиками границы между поэтами-«деревенщиками» и поэтами-«рабочими». Образы природы у них – не дань деревенской жизни «бывших деревенских», а естественная потребность каждого человека, не только поэта, разговаривать с природой на её языке.

Поэты и в природе, и на производстве видели жизнелюбивого человека, воспевали прекрасное как согласие, как непрерывающийся восторг жизни, как её преображение. Вот что важно было для раскрытия нравственного критерия молодого современника.

И, может быть, ярче, чем у других сверстников, поиск этого критерия высветился тогда в лаконичном стихотворении В. Богданова «Агава»:

*Расцвела агавы в юном парке,
Цвет фонтаном заструился ярким.
Тридцать лет всего живёт агавы
И цвести лишь раз имеет право.
Только раз –
Цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета –
Умереть от собственного цвета!*

Жизнь ради «высокого» и бескорыстного «цветения», жизнь «во имя!» характеризует лирического героя В. Богданова, будь то стихи о труде, о любви или природе.

В творчестве так называемых поэтов «от станка» трудно вычленишь «чистую» «трудовую лирику». Скорее всего, лирика труда в их наследии – это выражение характера, пафоса, эмоционального настроения, общей эстетики их поэтического творчества. Оказывается, ещё более нерасторжимыми скрепами эта поэзия связана с другой ветвью русской поэзии 1960-х – начала 1970-х годов – с так называемой «тихой лирикой» Алексея Прасолова, Станислава Куняева, Владимира Соколова, Ольги Фокиной, Юрия Кузнецова и других поэтов.

Особым авторитетом для В. Богданова был, конечно, ведущий поэт этого направления – Николай Рубцов, в свою очередь развивавший и насыщавший невыразимым трагизмом и жизнелюбием есенинское направление русской лирики.

Вслушаемся в «думу» поэта:

Среди лугов река уходит криво.
 Листает волны ветер-суховей.
 Приду к реке
 И сяду у обрыва,
 На краешке у памяти своей...
 Река,
 Река – степное откровенье,
 Круты, как жизнь,
 Излучины твои.
 Я жду в судьбе
 Великого мгновенья,
 Вложи мне в грудь
 Извечное стремленье
 И луговой ширью напои...

Чтобы почувствовать и осмыслить прелесть и неповторимость «тихого» поэтического слова, необходимо прибегнуть к теории символа в искусстве и прежде всего символа народно-поэтического происхождения. Обращает на себя внимание музыкальность, напевность стиха, романсовый, элегический и балладный характер лирики, испытывавшей огромное влияние русской народной песни с её народно-символической образностью. В стихотворении Н. Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» — предельная нагруженность текста символами народной поэтики. К такому стиху устремлено и перо В. Богданова:

Лежит земля, обжитая веками.
 И на закат,
 Темнеющий вдали,
 Идут в степи
 Седьми стариками
 Нагруженные синью ковыли...
 ... Вновь ковыли меня уводят в древность,
 Гулки шаги по вечной целине...
 Целует степь
 Вечерняя деревня
 Коровьими губами в тишине...

Следует особое внимание обратить на мотив сиротства в «тихой»

лирике. Контраст тьмы и света в его символике передаёт неповторимый, рубцовско-есенинского свойства напряжённый трагизм. В народной лирике нет полутонов. Есть крайние выражения состояний души и природы. Отчуждение от родных корней, от дома, от родной истории – путь к сиротству. Но это – предостережение для других. В. Казанцев, А. Прасолов, Н. Тряпкин, А. Передреев и другие «тихие» наполняли своё творчество символами прежде всего родины, русской земли, России. Вместе с лирикой Н. Рубцова в русской поэзии второй половины XX столетия их стихи звучат патриотическим тенором, душевно подхваченным и В. Богдановым.

В нерасторжимом единстве рабочего «огня» и «распаханного поля», в соединении духа «рабочей» и «тихой» лирики поэзия Вячеслава Богданова и его сверстников, рождённых, как правило, в деревне, а жизненный и поэтический опыт обретших у станка, демонстрировали свой *тип почвеннического* направления в отечественной поэзии 1960 — 1970-х годов. Они продолжали линию – третью для творческого контекста В. Богданова – развития русской литературы, идущую от Достоевского и его литературного окружения, в своих теориях постоянно апеллирующих к Пушкину, через «крестьянскую» (Кольцов, Никитин, Некрасов и др.) и «новокрестьянскую» (Дрожжин, Есенин, Клюев, Клычков, П. Васильев и др.) поэзию к Твардовскому, Соколову, Фёдорову, Тряпкину, и, конечно, Рубцову. Молодые поэты-«почвенники» унаследовали от своих предшественников неприятие утилитарного подхода к искусству, выступили против пренебрежения пушкинской гармонией духа и красоты, простотой художественной формы, защищали в человеке и искусстве «русский идеал – всецельность, всепримиримость, всечеловечность».

Таков поэтический контекст, в котором по определению творческой судьбы формировался талант Вячеслава Богданова, определялись его художественные ориентиры.

Валерий АРШАНСКИЙ

НАД ЗЛАТЫМИ КУПОЛАМИ

Самый памятный — 501-й — прыжок был у него в Майкопе на весенних сборах.

Тогда случилось то, что случается почти у всех, даже самых многоопытных парашютистов: отказ основного «зонта». Всё, вроде бы, поначалу шло нормально: оторвались с высоты 2200 метров, во время затяжного полёта выполнили группой тренировочный акробатический этюд. А когда распалась их фигура вразлёт и подошло мгновение открыться парашюту — вместо привычного хлопка и плавного парения произошла странная пробуксовка. И взгляд ухватил не знакомый купол над головой, а странно трепыхающееся полотно в форме груши — следствие запутавшегося в узел рифовочного шнура, не дающего возможности управлять стропами.

Земля приближалась с каждой секундой и перед глазами двадцатилетнего Павла, как в молниеносной киноленте проносились лица всех родных людей, а потом образы святых угодников, с самых малых лет знакомых ему, сыну священника, очень близко.

Сильный ветер продолжал крутить парашютиста, как былинку в поле. И быть бы трагедии, непоправимой беде, растеряйся он, поддайся ужасу, страху, оцепенению. Ничего подобного! Мозг работал хотя и с лихорадочной быстротой, но хладнокровно, чётко отдавая все нужные команды.

Валерий Аршанский родился в 1945 году. По основной профессии — журналист, много лет был редактором «Мичуринской правды».

Автор шести книг прозы. Лауреат областных литературных премий имени Георгия Ремизова, Ивана Рахманинова, Александра Воронского.

Член Союза писателей России.

Вначале привести в действие ОСК — замок отцепки свободных концов. Есть! Теперь ввести в действие запасной парашют. Хлопок. Готово! Взметнулся спасительный купол-дублёр над головой. Ура!

И пусть теперь не утихающий ветер относит парашют в сторону какого-то кладбища, потом глубокого рва, затем на пашню — это уже не страшно. Всё равно под ногами мягко и упруго стелется земля — да, не своя, тамбовская, а далекая адыгейская, но такая родная, заветная. И бегут к нему полем взволнованные друзья-парашютисты, прекрасно понимающие, что он сейчас пережил — бегут поздравлять, обнимать, целовать.

А в душе у Павла бурлит ликование от того, что он преодолел выпавшее на его долю испытание, действовал как в учебном классе, где спортсмены до автоматизма отрабатывают и вот такие внештатные ситуации, когда руки должны опережать сознание. На то ты и мастер парашютного спорта. А он уже был мастером.

— Как же всё у вас начиналось, отец Павел?

— Начиналось всё в родном Мичуринске с большой нашей многодетной семьи. Мой отец был священником; вера принималась как истина и мамой, и моими сестрами — Верой Надеждой, Любовью, Софией, и братом Петром. Жили не богато, но дружно, получая от родителей уроки доброты души, человеколюбия, терпимости. Больше всего — от отца.

В школе Павел не мог не заметить: ребята-одноклассники тянутся к нему, им с ним всегда интересно, что-нибудь да затеет — зимний лыжный поход, летом вылазку в лес, на речку. С будущей женой своей, нынешней матушкой Ириной, он познакомился тоже в далёком детстве, когда ему было всего лишь семь, а ей пять. Павел с отцом часто гостили у них в семье в соседнем Первомайском районе, где отец Ирины служил в местном приходе.

А сегодня отцу Павлу, настоятелю Ильинского храма в Мичуринске чуть за сорок. Для кого-то это, может, и зрелый возраст. Но его энергии позавидует иной двадцатилетний. Ртуть, молния, огонь во всём — в летящей походке, действиях, планах, устремлениях. И всё у него получается, пусть не всегда сиюминутно, не сразу, но цели он приучен добиваться неотступно, опять же с малых лет.

В классе шестом-седьмом все ребята повально увлеклись картингом. Дневали и чуть ли не ночевали в мастерских, разбирая старые гоночные машины-карты, меняя запчасти. И осваивали карты то на школьном дворе, то на пустырях.

А Павел искал новое приложение сил. И оно нашлось: объявили очередной набор в парашютную секцию. Пришёл, записался и — никогда не пожалел. Вёл занятия с юными курсантами бывший десантник Александр Борисович Мазуров, человек неистово влюблённый в небо, к тому же прирожденный педагог.

Павел и сегодня отчетливо, до малейших подробностей, помнит тот день 25-летней давности, третье сентября, когда впервые оттолкнулся от самолетного порога и очутился в невесомости, глотая опьяняющий осенний воздух на восьмисотметровой высоте. В девятом классе у него уже были три прыжка. После школы, сочетая подготовку к поступлению в Тамбовское медицинское училище с занятиями в областном авиаспортивном клубе, довёл он личные показатели до 46 прыжков. И начался счёт новым победам. Студент медучилища Павел Медведев становился призёром малых и больших парашютных состязаний, чемпионом и абсолютным чемпионом на точность приземления. А это всего лишь круг размером в стопу ботинка, в который, как снайперу «в яблочко», нужно попасть с заоблачной высоты, не отклонившись ни на сантиметр.

Конечно, победы сами по себе не приходят, надо выкладываться по полной программе на тренировках, до мозолей на ладонях работать с парашютным снаряжением, делая его — поначалу такое тяжелое и непокорное — лёгким и поддающимся. Труд! Но к нему Павлу было не привыкать. Помогали и советы опытных мастеров.

— В армию Павел пошёл без тени сомнения, как наставлял отец: «Служить в Вооруженных Силах — значит, служить Богу». Для Павла сбылось желанное: служба парашютистом-спасателем, боевые учения, прыжки в дневное и ночное время.

— Я бы меньше всего хотел чтобы ко мне относились как к некой экзотической личности, — говорит отец Павел. — Главным для меня остаётся служение Господу, мой приход — храм Илии Пророка, который был построен 220 лет назад. В лоно церкви я пришёл сознательно и никогда не пожалел о сделанном выборе. Это мое призвание.

Сан священнослужителя отец Павел принял в 1989 году в Покровском кафедральном соборе города Тамбова, а нынешнее место послушания в Мичуринске получил от прежнего владыки архиепископа Тамбовского и Мичуринского Евгения 14 лет назад. Храм находился тогда в удручающем состоянии и требовал огромного капитального ремонта. Как новый настоятель искал и находил строительные материалы на реконструкцию, жертвователей средств, искусных мастеров-

реставраторов — это отдельный рассказ. Были довольно интересные моменты. Желая поскорее покинуть трудный объект, воронежские верхолазы не докрасили обширный сектор купола, невидимый с земли, авось, мол, не хватятся. Каково же было удивление этих горе-мастеров, когда они увидели пролетающего над шпилем храма на мотопараплане укоризненно качающего головой отца Павла. Пришлось им задержаться до полного завершения работ.

Парапланеризмом отец Павел всерьёз занимается последние десять лет. Первые навыки получал в Москве в спортивной военно-патриотической группе «ПараАВИС», руководит которой Александр Сергеевич Архиповский.

А теперь отец Павел создал при Мичуринском городском центре детского и юношеского творчества секцию юных пилотов сверхлёгкой малой авиации. Можно быть уверенными: при таком наставнике эти подростки не потянутся ни к сигарете, ни к рюмке, ни к наркотикам. Отец Павел знает как воспитывать молодёжь — личным примером!

Не так давно телевизионщики Первого канала показывали на всю страну в программе «Время», как в любое время года, в любую погоду выходит на старт со своим любимым мотопарапланом пастырь Ильинского храма. Летательный аппарат не так тяжёл, умещается в автомобильном багажнике. Подняться на параплане можно и на четыре и на пять тысяч метров, но это уж чересчур. Лучший эшелон для летающего батюшки 100-150 метров, хотя можно висеть — и надолго — на 70-80 метрах. Чудо! Весь город как на ладони, а впереди три часа наслаждения красотой природы — земли, лесов, лугов и полей.

Фотографируй, пой песни, читай стихи, что отец Павел и делает. Любит он с высоты бреющего полета отчетливо приветствовать своих знакомых, отдыхающих на берегу пляжа или на даче. Люди, улыбаясь, ответно машут рукой бородатому пилоту, а он уже летит дальше. И рядом только птицы.

Как относится к увлечению мужа матушка Ирина? Она улыбается: — С пониманием.

Отец Павел и в собственном доме — заботливый отец у них с матушкой Ириной четверо детей: сыновья Дмитрий и Кирилл, дочери Екатерина и Ксения. Живут дружно, всей семьей какие только автомобильные путешествия не совершали! Во многих странах Европы побывали — Бельгии, Голландии, Италии, Германии, Франции, Австрии...

Старший сын Медведевых Дмитрий успешно учится в Московском военном институте иностранных языков. Остальные ребята — школьники. Кем будут, когда вырастут, пока не знают, покажет время. Но то, что станут они все хорошими людьми, однозначно! Это правило занесено на их семейные скрижали.

— Для меня девиз в жизни, — говорит отец Павел, — прекрасные слова, сказанные святым апостолом Петром: «Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители много-различной благодати Божией».

Он и сам строит такой дом в лоне православия, за что удостоен двух высоких церковных орденов. А ещё отец Павел успешно ведёт детскую воскресную школу при своем храме, выпускает православную газету «Преображение», теперь вот открыл подростковую секцию парапланеристов.

И продолжает покорять небо, заслуженно гордится тем, что парашютных прыжков на его счету уже более 2600!

Есть ли в России еще такой же летающий батюшка?

Юрий РАССТЕГАЕВ

КАК Я БЫЛ СУВОРОВЦЕМ

Гуляя с женой по Набережной мы подошли к старинному зданию Технического университета, остановились.

— Что же здесь раньше было? — поинтересовалась жена.

— Как что? Духовная семинария, ведь это церковное здание входило в комплекс Покровского собора.

Наше внимание привлекли многочисленные мемориальные доски, укрепленные на старинном фасаде.

— Посмотри, — указала жена на одну из них, — настоящее произведение искусства!

Я сразу понял, что она имела в виду, так как сам не раз любовался прекрасно сработанной мемориальной доской: барельефы седовласого генерала-фронтовика, юного суворовца, запоминающиеся строки: «Погоны алые, мундира чёрный цвет. Тамбов, не забывай суворовцев тех лет». Да, когда-то в 1940-50-е здесь было суворовское училище. Было, да сгинуло...

Что-то неуловимое, близкое, знакомое уловил я в сосредоточенном взгляде воспитанника училища, устремленного вдаль, в сторону Цны. Казалось, он заглянул в самую сердцевину моего далёкого, беспечного детства. Невольно я поймал себя на мысли: «Да, ведь это же Женька Баркасов! Точно, он! Похож, как две капли воды...»

— Понимаешь, а ведь я когда-то тоже был суворовцем, — совсем неожиданно признался я и покраснел.

Юрий Расстегаев родился в 1949 году в посёлке Новая Ляда под Тамбовом. Работал на заводах, на комсомольской работе, много лет служил в милиции, в настоящее время работает в пресс-службе Тамбовской областной Думы.

Автор трёх книг прозы и многих публикаций в коллективных сборниках. Член Союза писателей России.

— Чудак-человек! — удивилась жена. — А мне ничего не рассказывал. Ну ладно, мне. А почему скрывал от детей, внуков, наконец?! Для их воспитания на пользу бы пошло.

— Сомневаюсь. Тут, понимаешь, такая история...

— Любопытно! Вот по дороге домой и расскажешь.

Возле Покровского храма мы спустились к реке и медленно двинулись в сторону «Динамо». В голове всплывали картины далекого детства.

* * *

Асфальтовая дорога от областного центра до посёлка Новая Ляда строилась года три, не меньше.

К 40-летней годовщине Октября дождались. В Тамбов три раза в день стал ходить рейсовый автобус, юркий «газончик» с носиком, живо приобшивший новолядинцев к основам цивилизации.

Я частенько стал наведываться в Тамбов к бабушке Анне Сергеевне, сестре моего родного деда. Стало быть, приходился я ей внучатым племянником. Родня, прямо скажем, не великая, но меня она любила и привечала. Как никак, а всё же мужик, причем, единственный. Муж бабушки пропал без вести на войне, брат умер, а из детей две дочери: Светлана да Нина.

Жила Анна Сергеевна недалеко от рынка на улице Сакко и Ванцетти в двухэтажном доме старинной купеческой постройки. Низ дома был кирпичным, а второй этаж срублен из смолистого дерева, сосны или лиственницы, и обшит тёсом. За столетие строение обветшало, покоробилось, почернело, но давало скромный приют доброму десятку семей и напоминало муравейник. Сколько жило народу в отгороженных кое-как клетушках, подсчитать было невозможно.

Тётушка занимала на втором этаже однокомнатную квартирку метров в двадцать, не более. Окно комнаты выходило на улицу, а второе, кухонное, в небольшой уютный дворик, с доминошным столом посредине, чахлыми кустами городской растительности и огромной, раскидистой черемухой. В самом конце двора притулились сколоченные из досок сарайчики, и главная достопримечательность двора — густо побеленный известью туалет. В утренние и вечерние часы к нему выстраивалась нетерпеливая очередь...

Автобус из посёлка прибывал на автостанцию. Располагалась она в сквере Петрова, на её месте ныне стоит филармония. Боясь заблудиться, я проходил по Октябрьской квартал вперёд и, ориентируясь по кирпичной арке, сворачивал на Сакко и Ванцетти.

В Тамбове незадолго до того пустили троллейбус. Для меня это была диковинка, почище звездолёта. Ночью, лёжа на уютном бабушкином диванчике, я долго не мог заснуть, чутко улавливая за окном шуршанье шин бойко бегущего по асфальту рогатого чуда, пронзительно-свистящий резкий звук электромотора. Искрящиеся всполохи троллейбусного электричества рождали в ночи иллюзию летней грозы, и было немного страшновато и трепетно.

Бабушка вставала рано, готовила для меня нехитрый завтрак: картошка, иногда каша, да краюха хлеба с клубничным вареньем и молоком, за которым она успевала сбежать на рынок. Затем пешком уходила на работу в суворовское училище, хотя остановка троллейбуса была рядом с домом. Сказывалась давняя привычка, ведь в войну за хлебом в деревню за двадцать вёрст хаживать приходилось.

Возраст у Анны Сергеевны был почтенным, под семьдесят, и старшая дочь Светлана, приезжая из Днепропетровска навестить мать, всякий раз высказывала свое неудовольствие:

— Ну, чего тебе не хватает? Пенсию ты получаешь, Нина на работу устроилась. Пора бы и о себе подумать, ведь мыть полы — работа не из легких. Опять же, шум, гвалт, ребяшня озорная. Разве за ними наубираешься? Целый день в своем «суворовском» как проклятая торчишь, а получаешь гроши...

— И-и, дочка, — возражала бабушка. — Разве в деньгах только счастье человеческое заложено? Ведь в основном фронтовики ребяташек уму-разуму обучают. Свои знания, да опыт жизненный передают. Я на военных в форме посмотрю, поговорю с ними, поспрошаю, не служил ли кто вместе с Алексеем моим, на жизнь пожалуйюсь, радостью какой поделюсь. Или так просто, ни о чем... Легче мне на душе становится, Света. Будто с ним разговор вела. Я отца нашего частенько вспомню, такой же красивый да статный на фронт уходил, с лейтенантскими кубиками в петлицах. Может, жив ещё, по госпиталям где мытарится. Всякое бывает в жизни, ведь похоронка на него не приходила...

Наскоро позавтракав, я выходил во двор и шёл к столу, где гоношились неопомелённые мужики. Сбросившись по рваному, они посылали гонца на рынок за чекушкой и жамочками. В терпеливом ожидании вяло резались в «дурака».

Санёк Желтов, мой друг-товарищ из соседней квартиры, уже ждал. Он был года на три старше меня, в пятом классе просиживал. Желтов выглядел нескладно: долговязый, с длинными руками, по обезьяньи

болтающимися вдоль туловища. Округлая, подстриженная наголо голова, выразительные, навывкате глаза, погнутый в драке нос, приплюснутый к подбородку, и ротастая, через всё лицо, улыбка придавали ему приבלатнённый вид. Санька побаивались. По складу характера он был властен и суров, потому безраздельно господствовал во дворе не только среди сверстников, но и пацанов гораздо старше его. По отношению же ко мне он вёл себя покровительственно.

— Дрыхнешь долго, Гошка. Ну, ты и спать здоров, на сеанс в «Родину» опоздаем. «Гарзана» нынче крутить будут, надо еще билет достать. Фильм классный, про гориллу, как она человеком стала. Я афишу видел! Кино посмотрим, на троллейбусе покатаемся. Потом в горсад рванем, у Рассказовского моста покупаемся, а вечером пошиндрыгаем на танцы. Ну, как программка на сегодня? Не хило?

— Не хило, — покорно соглашался я, и мы отправлялись со двора в город.

Пока ждали троллейбус, я с интересом разглядывал троллейбусные столбы. Уж больно нарядно и празднично выглядела улица, окаймлённая их стройными силуэтами с изящными фонарями и параллельными полосами проводов поверху. Низ столбов примерно до метровой высоты был опоясан чугунным литьем с изображением львиной головы и непонятной мне тогда выпуклой надписью «Ревтруд».

— Что, нравится? — поинтересовался Санька.

— Ага, — восхищался я и дыбил кверху большой палец. — И как их только ставили? Это ж сколько народу-то надо, чтобы с таким весом совладать? У нас, когда по посёлку свет вели, человек десять мужиков столбы подымали. Но, те хучь деревянные, а эти чугунышки... Значитца, человек двадцать, не меньше моща нужна.

— Деревня! «Моща!» — передразнивал Санёк. — Тут и делов-то... Я сам видел, один юркий мужик с подъёмным краном за день чуть ли не пол-улицы застолбил.

— Да ну! Врешь?

— Провалиться мне на этом месте, — клятвенно перекрестился Желтов.

К остановке подошёл Женька Баркасов, воспитанник суворовского училища. Поздоровался, пожал нам с Санькой руки. Поинтересовался:

— Давно ждёте?

— Не-а. Минуток десять, не больше, — ответил я.

Женька молча встал поодаль, стараясь не мешать нашему разговору. Я не мог скрыть своего восхищения, невольно любуясь его осани-

стой выправкой. Бросилось в глаза и то, что, по сравнению с нами, одет он был великолепно. Всё лето я бегал по улице в сшитых матерью сатиновых шароварах, клетчатой рубашке с короткими рукавами и дерматиновых комнатных тапочках, обутых на босу ногу. Не лучшие одежды нашивал и Санька, отец которого пришёл с войны без ноги, да к тому же контуженным.

На Женьке ладно сидела новенькая, с иголки, белая гимнастёрка с воротником-стойкой, перехваченная по талии широким ремнём. На плечах красовались бордово-красные погоны с надписью Тб СВУ. На голове — форменная фуражка со звездой. Чёрные кожаные ботинки отливали синевой и были начищены до умопомрачительного блеска, а стрелки на брюках отглажены так, что об них, казалось, можно было порезаться.

Баркасов жил с матерью и сестрёнкой на первом этаже, аккуратно под Желтовыми. Отца Женька не помнил, тот погиб в сорок третьем под Смоленском «смертью храбрых», как было писано в похоронке. Остались довоенные фотографии да письма с фронта. Мать все пороги военкоматовские обила, пока сына в суворовское училище устроила. Намайлась...

Баркасов был одним из немногих, к кому Санёк испытывал неподдельное уважение, потому спросил:

— Жень, подтверди, Гошка не верит... Сколько человек столбы троллейбусные ставило?

— Почём я знаю? Мне глазеть по сторонам некогда. День и ночь в суворовском пропадаю, то строевая, то самоподготовка. Это я сегодня сбежал, с матерью повидаться, щей домашних отведать. И по сестре скучаю...

— Да, совсем заучился. Испортит тебя наука. Я вон на второй год остался и не тужу. Всё ещё в жизни успеется, сбудется и забудется. Чем больше знаешь — больше забываешь. А коль так, зачем учиться?

Затем Санек без всякого перехода предложил:

— Раз уж в самоволке числишься, айда с нами в горсад мороженого поесть. Махнем на Эльдorado, на лодке поплаваем. Семь бед — один обед. Что час тебя не было, что целый день, а спрос одинаковый. Зато отдохнёшь.

Баркасов заколебался. Заманчиво!

— Поедем, — поддержал я Желтова. — Втроём веселей. Поныряем с вышки, в «крысы» поиграем.

Последнее, пожалуй, и решило дело. Женька согласился:

— А-а-а, где наша не пропадала! Только, чур, никому не рассказывать, а то если до матери дойдёт, трёпки не избежать. Она у меня строгая — почище старшины будет.

Прохладная, обжигающая щуплые детские тела, проточная цининая водица заставляла двигаться. Но мы и так ни секунды не стояли на месте. Игра в «крысы» требовала определенных навыков. Нужно было нырнуть, по водолазному глубоко под водой уйти в сторону, чтобы «маявшийся» не смог дотронуться до тебя рукой. А если он делал это, то «крысой» становился тот, кого «посадили». И уже сам должен был гоняться за остальными, чтобы «отмаяться». Маялся в основном неуклюжий и здоровенный Санька. На удивление, он не мог толком нырять, лишь беспомощно загребал, шлёпал по воде большущими руками-граблями. Вёрткие, как вьюны, мы с Женькой легко уворачивались от «крысы» и обидно дразнились: «Крыса, крыса, крымаза, растопырила глаза!» Эта наша присказка Саньке не нравилась.

— Поймаю — утоплю! — очумело вращая водянистыми глазами, грозился он.

И было не понять, в шутку он это говорит, или всерьёз.

Полчаса ныряний утомили нас. Мы вылезли на берег и, дрожа словно бобики, бросили на горячий песок наши посиневшие тела. Отогревшись, снова лезли в воду.

— Ну, где же ваше обещанное мороженое, — улыбаясь, спросил Женька. — Что, заныкать решили? Ничего не выйдет, раз обещали — гоните. Из-за вас, можно сказать, наказание заработал. Глядишь, целую неделю твоей бабке помогать буду полы в коридоре драить. С каждого — по порции, желательно эскимо на палочке.

— Ишь, чего захотел! Небось, фруктовым обойдёшься! Эскимо... Ты же не эскимос? — шутил Санёк.

— Ничего не выйдет! Фруктовое — это подкрашенный лёд, его есть невозможно, — возражал Женька

— Ладно, — великодушно согласился Санёк. — Только одно условие: за мороженым в горсад я в твоей форме прошвырнусь.

— Да куда там! На тебя чехол от трактора надевать надо! Разве на тебя моя гимнастёрка полезет?

— Ещё как полезет. Ужмусь! Это я с виду такой крупный.

Сашка схватил аккуратно сложенную на лавочке гимнастёрку и начал напяливать её на свою мешковатую фигуру. Он с трудом просунил голову, вставил в рукава руки и, услышав наш хохот, огорчённо потупился. Рукава едва доходили ему до локтей.

— Ладно, меняем условия. Пусть Гошка надевает форму и дует за мороженым. Хочешь стать суворовцем? — поинтересовался Санька.

— Конечно! Ещё бы! — не задумываясь, ответил я и спросил Женьку. — Можно мне примерить?

Женька стоял в раздумье, почёсывая стриженный затылок. По уставу форму никому давать не положено. А с другой стороны, хотелось отведать мороженого, которого не ел почти полгода. К тому же, не какому-то незнакомцу форму дал, а парню из своего двора...

— Что, зажилил? Жалко тебе, что ли? Я тоже в суворовское поступал, только комиссию не прошёл. Говорят, слишком рослый, и нос сломан, — нарушил молчание Санька. — А если бы поступил, всем друзьям форму мерить давал. Не жалко, носи — не форси.

— Хорошо, Гоша, — согласился Баркасов, — бери, поноси немного, не жалко. Только не подумай, что я из-за мороженого. Может, тоже в наше училище поступать надумаешь. Ты парень хороший, правильный и учишься без троек.

Я обрадовано схватил брюки и гимнастёрку, быстро облачился в суворовскую форму. Вынул из шаровар две помятых зелёных трёшницы и неспешно двинулся в направлении горсада, где располагался киоск с мороженым. Душа моя пела: я стал суворовцем!

Сверху на голове красовалась и непрерывно сползала на глаза форменная фуражка. Ботинки же, наоборот, были малы и как тисками сдавливали пальцы, которые я вынужден был сгибать крючком. На животе свободно болтался широкий кожаный ремень с яркой медной бляхой. Брюки на три сантиметра не доставали до ботинок. Но я не обращал на это никакого внимания. Я шёл по улице, стараясь печатать шаг, и из-под козырька украдкой рассматривал прохожих. Мне казалось, все они смотрят на меня и любуются суворовской выправкой. Особенно девчонки, которых в городском парке культуры и отдыха в этот солнечный день было особенно много.

Я купил три пломбира, прошёлся по главной аллее, которую украшали статуи пограничника с овчаркой на поводке, девушки с веслом, юного пионера с горном, шахтёра с отбойным молотком и военного лёгчика в шлемофоне. От жары мороженое начало таять, и я понял, что через пять минут оно окончательно потечёт. Что есть мочи я приступился бежать, одной рукой сжимая картонные стаканчики с мороженым, а другой придерживая непослушную фуражку.

— Товарищ воспитанник! Подойдите сюда! — как бы со стороны услышал я строгий окрик и не сразу понял, что обращались ко мне.

А когда понял, было уже поздно: передо мной стоял капитан с красной повязкой на рукаве, на которой белыми буквами было написано: «военный патруль». На боку у военного красовалась кобура с наганом, с ним рядом стояли два солдата. Удирать было бесполезно.

— Это вы... мне? — запинаясь, спросил я и замер.

— Вам, вам, а кому же ещё! Почему не приветствуете старшего по званию? Почему такой расхлябанный вид? Чему вас только воспитатели учат! Полюбуйтесь на него: будущий строевой офицер, а с мороженым в обнимку по городу бегаёт. Что о вас тамбовчане подумают? А подумают вот что: не спрашивают с вас командиры за знание воинского устава. Предъявите увольнительную и назовите свою фамилию, взвод и роту.

Я, набычившись, молчал. Больше всего боялся, что подвёл под монастырь Женьку Баркасова.

— Молчишь, как партизан? Ну, молчи, молчи... Отведу я тебя к отцам-командирам, пускай с тебя стружку снимут.

Патруль доставил меня в суворовское училище и в прохладном вестибюле с рук на руки передал дежурному офицеру. Я рассказал, как было дело, но назвать фамилию суворовца, у кого взял форму категорически отказался.

— Выходит, ты самозванец или, того хуже, диверсант! А форму суворовскую украл! По законам военного времени, знаешь, что с тобой бы сделали?

— Что, дяденька? — я чуть не плакал.

— А вот что! — дежурный обернулся к помощнику, молодому лейтенанту, сидевшему у телефона. — Позови-ка, Михайлов, нашу уважаемую Анну Сергеевну. Внучок её навестить пожаловал.

И, опять обращаясь ко мне, добавил:

— Она с тобой сама дома разберётся. А форму верни, у кого взял. Это хорошо, что ты друга не предал, — дежурный уважительно посмотрел на меня. — Только передай ему, чтобы он срочно в училище явился, а то несдобровать! Разыскивать начнут, сам понимаешь...

— Понимаю, — обрадовано ответил я. — Есть приказать явиться из увольнения!

— Да ты, я вижу, совсем суворовцем стал! — усмехнулся офицер.

В сопровождении бабушки я доехал до дома, снял форму и остался в одних трусах. Переодеть меня было не во что, и я, завернувшись в её халат, угрюмо лежал на диване. Бабушка простирнула форму. Долго мотала вверх-вниз утюгом, пока угли в нём, как следует, не разгорелись. Тщательно отгладила брюки и гимнастерку, повесила на

плечики.

Часа через полтора появились Желтов и Баркасов, одетый в мои шаровары и рубашку. Женька был бледный, как мел, молчал и вопросительно глядел на меня. Санька же двинулся с кулаками:

— Куда же ты, гад, дел наше мороженое? Съел? Признавайся!

Но бабушка живо выпроводила его в коридор...

В 1960 году училище закрыли. Анна Сергеевна написала заявление об уходе и больше нигде не работала, тихо-мирно доживая свой век.

Дома, где она жила вместе с моими друзьями, больше не существует. Какой-то толстосум «прихватизировал» и дом, и усадьбу, да отгрохал на его месте шикарный особняк с голубой крышей и парковой зоной...

Мой друг детства, бесшабашный Санёк Желтов, судьбу обхитрить не сумел: спился, превратился в бомжа. Где он сейчас — никто не знает.

Женька Баркасов с отличием окончил Тамбовское суворовское военное училище, затем Московский институт иностранных языков. Както в газете прочел, что полковник Евгений Баркасов награждён орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. За что — не сообщалось.

Мы молча подошли к дому. Супруга пристально поглядела на меня, проговорила в задумчивости:

— Вот только что ты рассказал историю людей, с которыми так или иначе соприкоснулся по жизни. И я словно заглянула в зашторенное до поры до времени окошко твоего детства. Угадай, что я там увидела? Молодого, стройного юношу с офицерскими погонами, очень похожего на тебя. Может, зря ты не выбрал карьеру военного?

— Теперь вижу, что зря, ведь мог стать, как Женька... А кем стал? Всю жизнь прислуживал статистом на сцене местного театра политической драмы.

Но, с другой стороны, стоит ли жалеть? У каждого — своя судьба! И пусть мне выпала не главная роль, но и без моей скромной игры не получилось бы хорошего спектакля.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В канун 70-летия образования Тамбовской области были вручены областные премии. Литературной премии имени Е. А. Баратынского удостоен прозаик член Союза писателей России Василий Кравченко, который также в этом году отметил своё 70-летие.

* * *

В числе 12 лауреатов и дипломантов престижной российской премии «Хрустальная роза Виктора Розова» 2007 года из Москвы, Саратова, Великого Новгорода, Брянска и других городов России значится имя и писателя из Тамбова Николая Наседкина. Он удостоен диплома за энциклопедию «Достоевский». Церемония награждения состоялась в столичном ресторане «Джонка» на Тверском бульваре.

* * *

В областной библиотеке им. А. С. Пушкина при аншлаге состоялась презентация 3-го номера «Тамбовского альманаха» и коллективного сборника «Вчера и сегодня: Родной город в изображении тамбовских прозаиков и драматургов». Перед гостями вечера выступили авторы этих изданий поэты Е. Начас, Т. Курбатова, В. Марков, Л. Котова, М. Знобищева; прозаики Ю. Расстегаев, Н. Веселовская и др. Вёл презентацию председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России, главный редактор «Тамбовского альманаха» Николай Наседкин.

* * *

Тамбовское отделение Союза писателей России начало выпускать новую серию «Поэтический Тамбов». Первые два томика уже вышли из печати и были представлены любителям литературы на презентации в писательском клубе «Свеча» при городской библиотеке имени Н. К. Крупской. Это сборники совсем юных членов Союза писателей России Елены Луканкиной «P. S.» и Марии Знобищевой «Майский снег». В рамках серии намечено представлять читателям творчество в первую очередь молодых и, конечно же, талантливых поэтов, уже ярко заявивших о себе в современной поэзии.

* * *

На Тамбовщине прошли традиционные чтения в честь поэта Вячеслава Богданова, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. Родился он под Тамбовом, жил и вырос на Урале, погиб в роковые 37 лет в Москве. Как всегда на этот праздник к тамбовским землякам В. - Богданова приехали гости из столицы: поэты Валентин Сорокин, Максим Замшев, Евгений Белозёров, двоюродный брат Вячеслава Виктор Сошин, известный писатель из Воронежа Иван Евсеенко. В литературных вечерах в самом Тамбове и на малой родине В. Богданова в селе Мордово приняли участие работники культуры и тамбовские писатели Николай Наседкин, Валентина Дорожкина, Татьяна Курбатова, Елена Луканкина, Мария Знобищева. Гости по традиции подарили и районной библиотеке, и музею Вячеслава Богданова свои новые книги с автографами.

* * *

В 2007 году в региональном «Подъёме» появилось немало публикаций писателей из Тамбова. На страницах воронежского журнала опубликованы новые произведения Василия Кравченко, Валерия Аршанского, Аркадия Макарова.

* * *

Вот уже четвёртый год тамбовские писатели получают творческие стипендии (гранты), учреждённые областной Думой и администрацией области. Количество их менялось (в 2007 году их было 35), денежное выражение оставалось неизменным - 6000 рублей в год.

Только что принято новое постановление Думы о творческих стипендиях: теперь ежегодно будут вручаться 50 стипендий от 10 до 50 тысяч рублей распределяться они будут между членами всех творческих союзов - писателей, художников, артистов.

НОВЫЕ КНИГИ

Вчера и сегодня. Родной город в прозе и драматургии тамбовских писателей / Сост. Арк. Макаров, Н. Наседкин. Тамбов: «Тамбовполиграфиздат», 2007. 242 с. 500 экз.

Гусева М. Я шагаю по тропинке. Стихи для детей. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 152 с. 200 экз.

Замятин Н. Рыжие берёзы. Стихи. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 332 с. 1000 экз.

Захарова Е. И верится: всё будет хорошо... Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 104 с. 300 экз.

Знобищева М. Майский снег. Стихи / Серия «Поэтический Тамбов»: Вып. 2. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 220 с. 500 экз.

Кравченко В. Сага о заблудших. Роман. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 430 с. 500 экз.

Луканкина Е. Р. S. (Postscriptum). Стихи / Серия «Поэтический Тамбов»: Вып. 1. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 216 с. 500 экз.

Люблю тебя, Тамбов! Стихи о родном городе. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 140 с. 1000 экз.

Майская Л. Кружева. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 96 с. 500 экз.

Марков В. На километре нулевом. Стихи. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 74 с. 200 экз.

Меркушова Н. Дыхание жизни. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 112 с. 400 экз.

Милосердов С. Халцедон. Стихи / Серия «Литературные родники Тамбовского края»: Вып. II. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 300 с. 1000 экз.

Перцева Л. Дерзаю воспевати. Стихи. Калуга, 2007. 208 с. 1500 экз.

Перцева Л. Избранное. Стихи. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 252 с. 160 экз.

Полякова Л. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX-XXI веков. Монография. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 307 с. 500 экз.

Румянцева М. Неоткрытая глубина. Стихи / Серия «Литературные родники Тамбовского края»: Вып. I. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 356 с. 1000 экз.

«Русь, оставайся святой!..» Стихи / Сост. Е. Начас. Тамбов: «Тамбовполиграфиздат», 2007. 224 с. 500 экз.

Хворов В. Всё бывшее становится былью. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 106 с. 300 экз.

Хворов В. Избранное. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 288 с. 500 экз.

Цурикова Н. Странная птица. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 64 с. 300 экз.

Шамов И. «Костры горят далёкие...» Стихи / Серия «Литературные родники Тамбовского края»: Вып. III. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2007. 328 с. 1000 экз.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 4 (ноябрь 2007)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**

Корректор **Н. Загороднева**

Подписано в печать 10.11.2007 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.

Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.

Тел. 53-50-77; 72-70-32

E-mail: niknas2000@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.